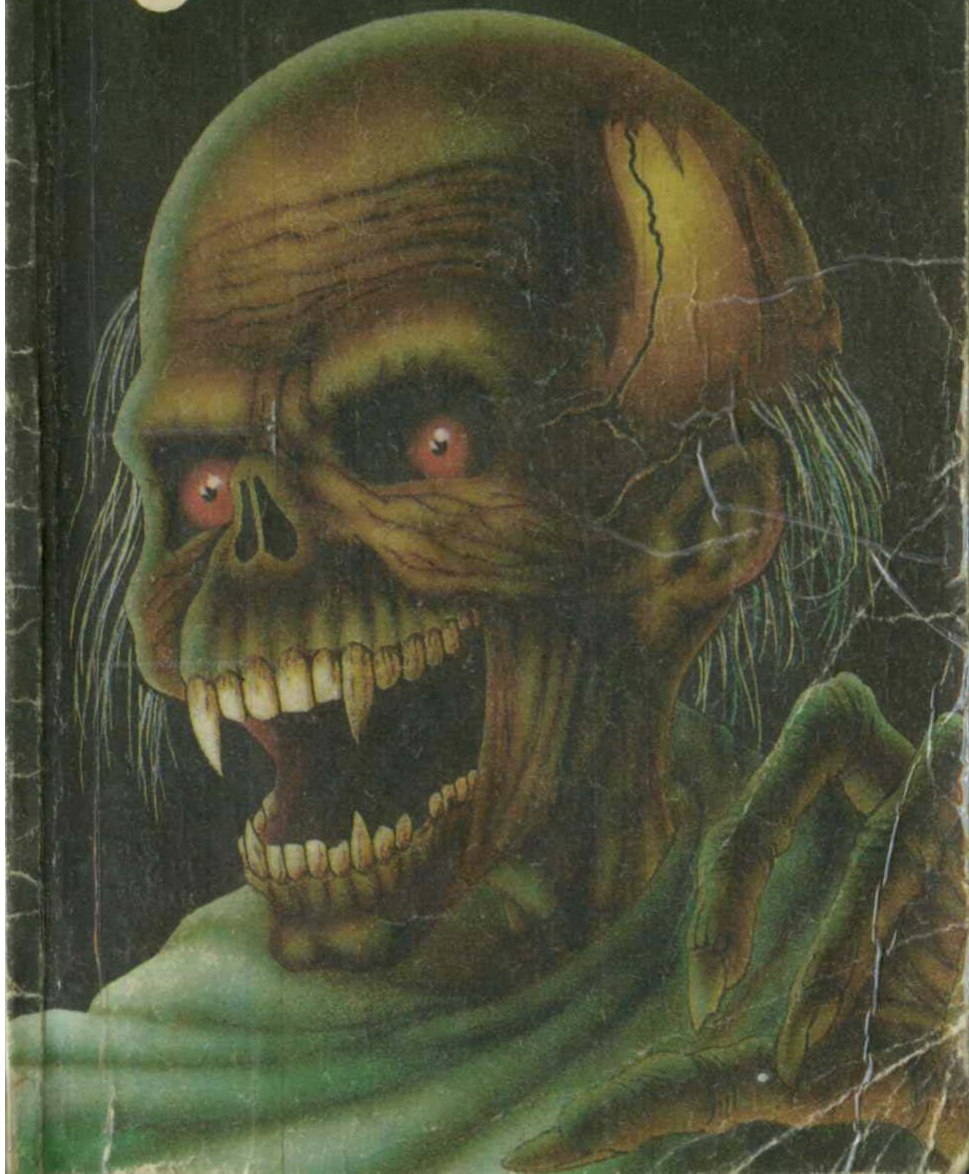
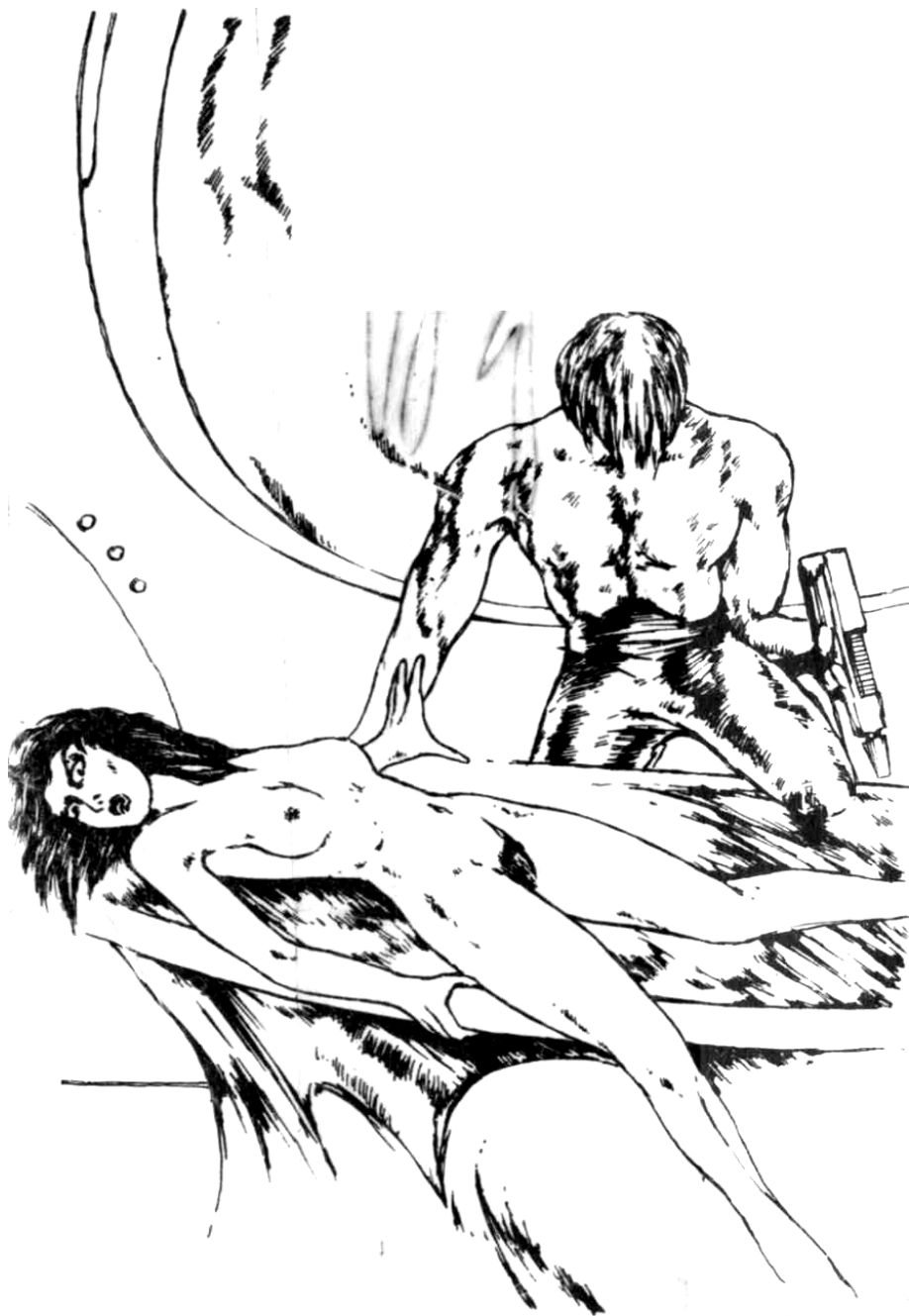

СП

1'92

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

Игорь Волознев • АДСКАЯ РУЛЕТКА •

ISSN

0869-2726

1'92

afp

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

И. Волознев. <i>Сокровища Шахерезады</i>	5
И. Волознев. <i>Адская рулетка</i>	20
А. Чернобровкин <i>Крысиный дьявол</i>	33
В. Андреев <i>Резервация</i>	39
А. Логунов <i>Оставшийся там.</i>	72
А. Логунов <i>Под созвездием октапода.</i>	89
В. Потапов <i>Гаденыш</i>	102
Н. Ю. и С. Н. Чудаковы <i>Атлантида, атланты, праатланты</i>	109

Художники Сергей Атрошенко и Роман Афонин

© Журнал "Приключения, фантастика", 1992

Индекс 70956

Перепечатка материалов только с разрешения редакции

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40

Главный редактор Ю.Д. ПЕТУХОВ

Формат 84 «108/32 Тираж 650 000 экз. Заказ № 1295

Сдано в набор 02.12.91. Подписано в печать 11.01.92.

Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 8.

Типография издательства "Пресса"

СОКРОВИЩА ШАХЕРЕЗАДЫ

На эту старинную книгу Пфаффер наткнулся в лавке букиниста, копаясь в груде журналов трехсотлетней давности. Скромный служащий цюрихского департамента инвестиций, он любил почитать, хотя это занятие в XXIII веке совершенно вышло из моды; все его знакомые обзавелись психотронными видеоманитофонами, позволяющими одним нажатием кнопки превратить комнату, например, в чашу тропических джунглей, или в метановую пустыню Юпитера, а то и в рулевой отсек звездолета, на котором зрителя психотронного фильма ждут самые невероятные, самые дикие, ужасные, захватывающие дух или забавные – как кому больше понравится – приключения. Пфаффер этих новомодных штук терпеть не мог, он предпочитал коротать вечера в старинном кресле, с книгой, изданной не меньше чем двести лет назад.

Раритетом, который он извлек из-под пачки журналов и поспешил купить, были мемуары некоего Пьера Керкийона, вышедшие в Париже в 1798 году. Весь день до глубокой ночи он с трепетом завязтого библиофила перелистывал желтые, покрытые пятнами и изъеденные жучком страницы...

Француз описывал свое путешествие по странам Востока, и в особенности – пребывание при дворе турецкого султана. Здесь-то он и услышал легенду о знаменитой сказочнице Шахерезаде, супруге царя Шахрияра. Будто на склоне своих лет этот царь, славившийся могуществом и неисчислимыми богатствами, пал жертвой заговора, а его страна подверглась опустошительному нашествию, и будто Шахерезада приказала верным ей людям погрузить царскую казну на верблюдов и лошадей и под покровом ночи пустилась в далекий путь к Аравийской

пустыне. По ее следам бросился передовой отряд захватчиков, возглавляемый самим Маммуном аз-Зуиддином, кровавым покорителем Багдада и Басры. Он настиг царицу на берегу Персидского залива, но ему достался лишь холодеющий труп Шахерезады. Незадолго до этого она приняла яд. И ни одного бриллианта, ни одной золотой монеты не нашлось в ее лагере. Богатейшие сокровища, накопленные Шахрияром, бесследно исчезли...

Сотни лет прошли с тех пор. Уже ко временам Керкийона мало кто верил в эту историю. Но вот однажды французу предложили купить старую полустершуюся карту, которая, как уверял ее владелец, показывала место, где Шахерезада спрятала сокровища. Керкийон дураком себя не считал и клочку пергамента не поверил ни на грош. В ту пору всяческие фальшивые карты и указательные записки, будто бы позволявшие отыскивать клады, продавались в Константинополе на каждом углу. И тем не менее судьба распорядилась так, что он оказался владельцем этого документа: его прежний обладатель погиб при весьма загадочных обстоятельствах. А вскоре и сам Керкийон без всяких на то видимых причин подвергся преследованиям каких-то темных сил: зарезали его слугу, дважды пытались убить его самого, причем во второй раз отравленное вино, явно предназначенное для Керкийона, случайно выпила его юная наложница; несколько раз его дом грабили почти подчистую. Дошло до того, что француз был оклеветан перед султаном и вынужден был бежать из Константинополя...

Вся вторая половина записок была посвящена его последующим скитаниям по дебрям Аравии и Африки. Волей провидения француз оказался в том месте Аравийской пустыни, на которое указывала карта. И он решил воспользоваться подвернувшейся возможностью и проверить ее истинность, тем более оазисы, вершины невысоких холмов и старые, давно высохшие колодцы на ней были обозначены с поразительной точностью... И карта привела-таки его в тот оазис, где чернели каменные плиты с полустершимися письменами и конский череп мордой показывал на заваленный глыбами и засыпанный песком вход в тайник!

Несколько дней Керкийон трудился, разбирая завал, а когда наконец проник в пещеру, то оцепенел от изумления. Никогда еще не случалось ему видеть столько золота и драгоценных, камней! Сокровища были свалены на полу беспорядочной грудой. При свете факела сверкали россыпи бриллиантов, золотились бока наполненных жемчугом сосудов, переливались браслеты и ожерелья, сиял небывало крупный алмаз во лбу золотой статуи Будды. А в темной глубине пещеры виднелись мешки,

которые, судя по их тугим бокам, были битком набиты золотом... Керкийон, как стоял, так и упал на эту грудь. Целый час он в буквальном смысле купался в доставшемся ему богатстве: черпал обеими руками золотые монеты и лил их на себя сверкающим дождем, целовал статую Будды, закапывался в золото весь, и хохотал, хохотал как безумный...

Давно уже сгустился вечер, когда Керкийон, насытившись блеском и звоном сокровищ, выбрался из пещеры и устроился на ночлег у пересохшего колодца. Он уснул, а проснувшись утром, едва не лишился чувств: пещера была пуста! Ни единой монеты, ни одной, даже самой маленькой жемчужины!...

В поисках таинственных похитителей француз наткнулся на странные ямки в почве, метрах в трехстах от пещеры, словно сюда втыкали какие-то столбики. И сама почва в этом месте была как будто выжжена... Керкийон ничего не мог понять, тем более что вокруг оазиса простирались совершенно ровные, нетронутые пески. Виднелась лишь одинокая полуосыпавшаяся полоска следов. Но ее оставил керкийонов конь, когда француз добирался сюда!

Искателя сокровищ охватил суеверный ужас. Не помня себя, он вскочил на коня и бежал из этого проклятого места, долго скитался по пустыням и дебрям, а добравшись до Харрара, слег в тяжелой лихорадке.

– Интересно, – пробормотал Пфаффер, перечитав эпизод, где описывались странные ямки и выжженная почва. Он почесал в затылке. – Дело явно не обошлось без участия хрономобильного вора...

Чиновник отложил книгу, встал и прошелся по комнате.

"Кто-то, видимо, прочел мемуары Керкийона и, наведавшись в 8-е августа 1786 года, постарался обчистить пещеру за одну ночь, пока простофиля спал, – не без зависти размышлял он. – Повезло догадливому ворюге. Целая куча мешков с золотыми монетами древней чеканки! Да за одну такую монету нынешние коллекционеры никаких денег не пожалеют, пяти монет хватит, чтобы оплатить туристский круиз на Марс... И это не говоря уже о ювелирных изделиях, драгоценностях и статуе Будды!..."

Сокровища Шахерезады, доставшиеся неведомому счастливцу, так прочно засели в сознании Пфаффера, что он потерял аппетит и лишился сна. Целыми днями он тяжело вздыхал, перелистывая пожелтевшие страницы книжечки Керкийона.

И вот однажды его озарила идея.

"А в самом деле: кто сейчас читает книги? – спросил вдруг себя чиновник и сам же ответил: – Да никто! Нынешняя публика вообще ничего не читает, все поголовно увлеклись психотронным видео, а тот, кто все-таки прочел эти старинные мемуары, вряд ли поверил в их достоверность. Записки Керкийона полны несуразиц, откровенной путаницы, а иные места и вовсе кажутся фантастикой. К тому же книга вышла в дохрономобильную эпоху, а значит, до настоящего времени сохранились лишь считанные экземпляры... Голову даю на отсечение, что из всех, кто ее прочел, только я один ей и поверил!"

У Пфаффера от волнения сперло в желудке. Все говорило за то, что неведомый похититель сокровищ – это он и есть!

Ну конечно!

А иначе кто бы им мог быть?...

В неприметном, робком служащем словно прорвало какой-то кран. В нем забурлила энергия. Все вечера теперь он пропадал на ускоренных курсах вождения хрономобилей, а ночи просиживал над картами Аравийского полуострова XVIII века, специально выписанными из Эр-Рияда.

Часами из его кабинета доносился шелест бумаг и бормотанье:

– Караванная тропа... Та самая караванная тропа... Два градуса к югу...
Надо свериться с другой картой...

Жену, входившую к нему с кофейником, он огорошивал вопросом:

– Так что же мейсенский фарфор?

– Какой еще фарфор?

– Ну, дорогая! Я уже третий день прошу тебя узнать, каковы нынче цены на мейсенский фарфор, картины Рубенса и древнегреческие Манускрипты!

Жена начинала что-то лепетать, но он не слушал ее.

– Не кажется ли тебе, дражайшая Софи, что пора нам перебраться в более приличный особнячок? – И хитро щурил глаз. – Я тут уже приглядел один, довольно скромный, миллионов этак на пятнадцать...

И тихонько смеялся, потирая свои пухлые руки, отхлебывал из чашки и снова обращался к картам.

– Это несомненно здесь... – раздавалось в кабинете через минуту. – Керкийон двигался от русла высохшей реки на юго-восток... Четыре конных перехода за одиннадцать часов... Да, и не забыть захватить бархатные мешочки для ювелирных изделий!

Наконец настал решительный день. Искатель сокровищ уселся в кабину изрядно потрепанного дискообразного аппарата – самого надежного из всех имеющихся, как заверили его в бюро проката. Управиться с машиной было нетрудно: нажатию кнопок надо было набрать цифровую комбинацию – дату прошлого или будущего, в которую требовалось переместиться. Правда, тут же, на пульте, имелась строгая надпись, категорически запрещающая перемещение в прошлое глубже 2170 года – времени изобретения хрономобилей. Но кто узнает, если перемахнуть за эту границу всего на несколько часов?...

Пфафферу было прекрасно известно, что, несмотря на запреты и угрозы высоких штрафов с конфискацией хрономобиля, в "заграничное" прошлое наведываются далеко не только любознательные ученые. Целые гангстерские банды специализируются на подобных путешествиях. Конечно, в исторические события хрономобильные воры не вмешиваются. Это слишком рискованно для них же самих. Ведь существует такая вещь, как людская память, которая может донести до будущего, а значит – до "полиции времени", сведения об их варварских деяниях... И все же скрыть свои дисковидные или сигарообразные аппараты от глаз людей прошлого им зачастую не удается. Предания о загадочных летающих объектах встречаются во все времена и у всех народов – предания, однако, настолько туманные, что вычислить по ним какой-то определенный аппарат и привлечь его владельца к ответственности почти невозможно. Худший вариант для хрономобилиста, рискнувшего залететь в "заграничное" прошлое – это сразу напороться на патруль "полиции времени". Но шансы разминуться с этими сверхбдительными ищейками весьма велики, поскольку они не в состоянии удержать под своим наблюдением весь временной массив прошлого. Смельчак, залетевший туда, в девяноста случаях из ста ускользал от вездесущего патруля и, очутившись, например, в Голландии XVII века, инкогнито прогуливался по улицам тамошних городов и за гроши покупал картину у нищего старика Рембрандта, чтобы затем, вернувшись в будущее, неслыханно обогатиться!

Дисколет, мигая красными и зелеными огнями, взлетел над лужайкой в окрестностях Цюриха и... растаял в воздухе. Пфаффер почувствовал лишь легкое головокружение (и то главным образом с непривычки), когда надавил на последнюю кнопку, ответственную за переход сквозь время. И тотчас, придя в себя, увидел за стеклом иллюминатора ночное небо 1786 года...

Хрономобиль висел метрах в ста над землей. Внизу расстился густой лес, блестела лента ручья и мерцал огонек в окне уединенной избушки. Мирный, идиллический пейзаж седой старины! Но Пфафферу некогда было на него любоваться. Он включил скорость и аппарат рванулся на юго-восток. Путь его лежал через Малоазийский полуостров и Палестину, прямым ходом в Аравию.

В первые минуты полета Пфаффера больше всего беспокоила возможность наткнуться на один из полицейских хрономобилей, патрулирующих временной массив прошлого. Аппаратура на этих ищейках обладала дьявольской чуткостью, она могла засечь Пфаффера чуть ли не с противоположного полушария планеты... Но он летел, никто его не беспокоил, и небо было безоблачным, полным звезд... У искателя сокровищ понемногу отлегло на душе.

Хрономобиль мчался стремительно, и уже через полчаса внизу поплыли пески Аравийской пустыни. Пфаффер, замедлив скорость, понемногу повел аппарат на снижение. Теперь он не отрывал глаз от иллюминаторов. За бортом показывались и пропадали оазисы, холмы, какие-то руины, экзотические стоянки бедуинов... Замаячил черный силуэт трех пальм, словно растущих из одного корня, – ориентир, указанный Керкийоном... Поодаль виднелась чахлая рошица и темнеющие плиты древнего пересохшего колодца. Звездный свет струил на них свое серебристое сияние. Вокруг не заметно было ни единого шевеления...

У Пфаффера дрожали руки от волнения, когда он дергал за рычаги, сажая аппарат. Он прозевал момент посадки и стабилизаторы слишком поздно выкинулись из-под днища; они все же вонзились в землю, хотя хрономобиль при этом сильно трянуло. С минуту из дюз било бесшумное пламя, оплаывая почву. Выждав, когда оно погаснет, Пфаффер вылез. Достал из кабины два пустых мешка, прицепил к поясу фонарик и, крадучись, заторопился к пещере.

Справа показался колодец. Свернув к нему, искатель сокровищ наткнулся на спавшего француза. Тот лежал, положив голову на конскую попону, и сладко сопел во сне. Тихонько смеясь, Пфаффер поднес к его лицу баллончик и попрыскал снотворным газом – для страховки, чтоб тот уж наверняка спал до утра.

Вход в пещеру разочаровал хрономобилиста. Он досадливо поморщился, осветив фонариком черное отверстие немногим шире барсучьей норы. Пожалуй, трудновато будет вытаскивать оттуда мешки...

Метра два Пфафферу пришлось ползти по-пластунски. Потом проход расширился, а когда стены разошлись, образовав довольно просторный подземный зал, искатель сокровищ замер от ужаса и изумления: в пещере мелькали огни и слышались голоса!

– Слушай, ты, – хрипел грубый бас неподалеку от Пфаффера. – Тебе повезло, что ты вполз сюда раньше. Но и мне грешно жаловаться на судьбу – ты мог укокошить меня сразу, как только я появился здесь! Но ты промахнулся! Я еще дешево отделался – ухом... Ха-ха! Черт с ним, пришьют искусственное... Зато мой бластер промашки не даст...

Яркий тонкий луч прорезал темноту.

– Лучше давай договоримся, приятель! – провизжал фальцет откуда-то из глубины пещеры. – Зачем нам убивать друг друга? Мы ведь остались вдвоем. Те трое, которые были здесь, – мертвы...

– Ты их пристрелил, старый козел, пообещав мирно разделить золотишко, – проревел бас. – Но я не такой дурак, чтоб поверить тебе. Ты не выйдешь отсюда! И жить тебе осталось самое большее – десять минут!

– Ну, это мы еще посмотрим...

Из-за груды мешков вырвался ответный луч, полоснув по кованому сундуку, за которым прятался детина с обожженным ухом.

Пфаффер подался назад. Мысли его смешались. Выходит, не он один поверил Керкийону... Сюда прибыло еще несколько человек, причем трое из них уже убиты, а двое оставшихся – явно хрономобильные бандиты...

На полу при вспышках бластерных лучей сверкало рассыпанное золото. Груда была в точности такой, какую рисовало Пфафферу воображение. Сотни монет вперемежку с ювелирными изделиями, и среди них величественно высилась золотая статуя Будды с бриллиантом во лбу!

Чиновник устоял на это богатство, не в силах сдвинуться с места. Сердце бешено колотилось, рука словно сама собой тянулась к откатившейся монете... Ее одной хватит, чтоб окупить расходы, связанные с перелетом в прошлое, да еще получить прибыль. Подобрать ее, думал Пфаффер, и скорей уносить ноги. Собственная жизнь дороже любых сокровищ.

Усилие – и монета оказалась в его руке. И в тот же миг в затылок Пфафферу больно уперлось холодное дуло.

– Не вздумай запищать, – прошептали над ухом. – Ползи назад.

Пфаффер вздрогнул всем телом. Пальцы его импульсивно разжались и монета выскочила из них... Замирая от ужаса, он покорно выполз наружу. Здесь в грудь ему уперлось сразу четыре бластера.

Вооруженные молодчики в темных облегающих костюмах взяли его в плотное кольцо. Их пальцы лежали на кнопках бластеров; колючие глаза холодно, без всякого интереса рассматривали чиновника.

К нему приблизился коренастый, коротко стриженный человек, судя по повадкам – главарь.

– Ты с ними? – спросил он хриплым шепотом и показал на отверстие пещеры. – Сколько вас сюда прилетело? Где остальные? Ну, отвечай?

– Я... я... я... один, – запинаясь, пролепетал искатель сокровищ. – Я один, клянусь! Не знаю, убей меня Бог, не знаю, кто они такие...

Подбежало еще двое.

– За скалой стоит хрономобиль, – доложил один из них. – Он пуст.

– Твой? – обернулся главарь к Пфафферу.

– Нет... Моя машина – вон там, возле пальм...

– Еще мы видели два аппарата на юге и юго-западе. Я послал Тима и Джимми проведать их.

– Это, наверное, хрономобили тех людей, что сидят в пещере, – дрожащим голосом заговорил Пфаффер. – Мне еще показалось, что там есть убитые...

– Посмотрим, – сказал главарь.

Словно из-под земли вырос долговязый молодчик.

– Все тихо, – сообщил он. – В том хрономобиле, – он ткнул концом бластера на юг, – сидел какой-то тип. Я его пришил. А больше никого вокруг нет, если не считать француза. Но он дрыхнет как сурок.

– Отлично, – главарь обернулся к бандиту со шрамом через все лицо. – Боб, дай тем, в пещере, прикурить.

Тот дернул чеку газовой гранаты и нырнул с ней в пещеру. Оттуда донесся глухой звук взрыва. В черном дыму, повалившем из отверстия, показался Боб с противогазной маской на лице.

Остальные бандиты тоже натянули противогазы. Кинули его и Пфафферу:

– Надевай. Для тебя есть работа.

Как только дым, шедший из пещеры, начал редеть, один из бандитов вполз туда и вскоре вернулся с добычей. Его окружили, рассматривая драгоценности. У Пфаффера появилась прекрасная возможность бежать: в нескольких шагах начинались глубокие рытвины и нагромождения камней, за которыми, в густом ночном мраке, он мог бы скрыться... Но чиновник, как и все, замер, завороченный блеском сокровищ. Бандит держал на ладонях целую дюжину ожерелий и браслетов. Рубины, алмазы

и изумруды переливались при свете звезд. От них невозможно было оторвать глаз...

Первым опомнился главарь.

– За работу! – крикнул он. – Вытаскивайте золото наружу, и живее. Если появились эти, то могут нагрязнуть и другие. Шевелитесь! Ты что стоишь? – накинулся он на Пфаффера. – Пошел в пещеру!

Тому ничего не оставалось, как поползти за остальными.

Гангстеры установили в пещере фонарики, осветив ее низкие своды, мешки и сундуки. При виде обгорелых трупов Пфаффера стошнило. Он сорвал с себя маску, но тут же закашлялся и вынужден был снова надеть ее: в пещере еще не рассеялся ядовитый газ.

Его бесцеремонно толкнули в бок. Гангстер показал на труп и сделал энергичный жест, погрозив бластером. Пересиливая отвращение, Пфаффер взял обгорелое тело за ноги и поволок в угол, куда указывал налетчик. Надо было освободить проход для тех, кто вытаскивал мешки.

Пфаффер совершенно обессилел от страха. Трупы, которые он оттаскивал, вызывали в нем оторопь и казались неимоверно тяжелыми, с ними почти невозможно было справиться... У него подгибались колени, он давно свалился бы и остался лежать, если б не боязнь получить горелую дырку в голове, а то и еще что-нибудь похуже. Он знал, что бандиты, орудующие на машинах времени, – это коварные и беспощадные люди. Их неписанным законом было не оставлять после себя свидетелей. С человеком, который им негоден, они перелетали в какой-нибудь триасовый период и устраивали себе потеху: швыряли несчастного прямо в пасть динозавру. Пфаффер, таская мешки, стонал; воображение рисовало ему омерзительную бородавчатую морду гигантской рептилии... Его били прикладами, подгоняя. Он падал, подымался и снова падал, волоча мешок или помогая толкать сундук...

Сами гангстеры работали, не щадя сил. Главарь прохаживался снаружи и с беспокойством поглядывал на небо. Там, среди звезд, временами проносились стремительные огни.

– Быстрее, быстрее! – кричал он на своих подручных. – Ворочаетесь, как сонные черепахи! Сундуки оставляйте в пещере, нечего с ними возиться – вываливайте их содержимое в мешки... Билли, подгони поближе нашу хронотачку... А ты совсем не шевелишься,дохлая курица, это уже относилось к Пфафферу. – Джобби, подзаряди-ка его!

И чиновник получил удар такой силы, что кубарем полетел на землю. Подняться он уже не смог... Впрочем, бандитам было не до него. Они

бегали как ошпаренные, торопясь очистить пещеру. Перед входом в нее на расстеленной парусине быстро выростала золотая гряда. Статую Будды пришлось извлекать с помощью веревок, как пробку из бутылки.

Бандиты так увлеклись, что не заметили людей, подбирившихся к ним под прикрытием валунов. Незнакомцы двигались бесшумно, короткими перебежками, сжимая в руках бластеры.

Их увидели, когда Будда был уже извлечен из пещеры и красовался на вершине золотой гряды. Появление незнакомцев застало гангстеров врасплох. Тишину пустыни разорвали истошные вопли, замечались бластерные лучи, кося нападавших и обороняющихся. Две конкурирующие хрономобильные банды сошлись в яростном единоборстве, и перевес был явно на стороне нападавших.

Пфаффер, который к тому времени уже пришел в себя, подполз к золотой гряде и скрючился, пытаясь в нее зарыться. Рядом рухнул, как подкошенный, Боб. Затем на Пфаффера, страшно исхлестанный огнем, пал главарь. Чиновника всего залило кровью... Он лежал, задыхаясь от приступов дурноты, и не смел пошевелиться: все-таки лучше изображать труп, чем быть им на самом деле...

Когда схватка утихла, какие-то люди принялись хладнокровно добивать раненых. На Пфаффера они не обратили внимания.

Едва победители успели извлечь из пещеры последнюю горсть золота, как небо над оазисом прочертили сразу три дискообразных аппарата. А вскоре показались другие хрономобили...

В небе зависли купола парашютов. Со стороны скал подходила цепочка вооруженных до зубов верзил; два хрономобиля опустились за пальмами, оттуда тоже приближались люди... Гангстеры заняли вокруг золота круговую оборону, но сдержать натиск трех отрядов они были не в состоянии.

Нападавшие пустили в ход мощные гранатометы, и грохот взрывов превратил мирный оазис в ад. Золотая гряда оказалась в эпицентре схватки. За пять минут на Пфаффера свалилось еще двое подстреленных, закрыв ему обзор; теперь он мог видеть лишь самый краешек бледно-синего ночного неба. Но и то, что творилось даже на этом краешке, заставляло его цепенеть и ждать смерти каждую минуту. С мемуарами Керкийона, оказывается, познакомились не две хрономобильные банды, и даже не пять! Судя по битве, разгоревшейся в небе, сюда, в это злосчастное 8 августа 1786 года, слетелись все банды, орудующие на машинах времени!...

Дисколеты выплевывали пучки света и изрыгали мощные лучи, которые били по аппаратам противника или перехватывали такие же лучи, направленные против них. Машины, застигнутые смертоносным излучением, начинали дымиться, иные взрывались.

Обломки подбитых хрономобилей падали подчас совсем близко от Пфаффера. Они перепахивали землю и косили дерущихся не хуже разрывных гранат. Золото совершенно скрылось под трупами. К нему со всех сторон ползли раненые и умирающие, из последних сил протягивали к нему руки, зачерпывали драгоценности, дрались друг с другом за каждую монету, за каждый бриллиант, в своей ненасытной алчности не сознавая, что жить им осталось считанные часы, даже – минуты...

Тело Пфаффера затекло, гудела шея, трещали все кости; он задыхался, в голову словно лили свинец... Он попытался приподнять плечо и хотя бы немного сдвинуть навалившийся на него труп... Мертвец сполз, и его бледная, перекошенная от ярости и боли физиономия с вытаращенными глазами уткнулась прямо в лицо Пфафферу.

Чиновник потерял сознание.

Его привело в чувство оглушительное завывание полицейской сирены. Район побоища окружило несколько десятков больших сигарообразных хрономобилей полиции времени. Оазис накрыло мощное парализующее излучение.

Бандиты, которые дрались на земле, оцепенели. Их летательные аппараты, сражавшиеся в воздухе, замерли. Боевые лучи разом погасли. Бандитские хрономобили не в состоянии были не то что нырнуть в другое время, но даже сдвинуться на сантиметр...

Полицейские машины снизились. Появившиеся блюстители порядка действовали быстро и четко. Они надевали наручники на оглушенных гипноволнами гангстеров и уводили их к хрономобилям-фургонам с зарешеченными иллюминаторами; раненых и убитых укладывали на носилки.

Пфаффер приободрился. Уж теперь-то он не погибнет в пасти динозавра и не останется навсегда в дикой пустыне XVIII века! Конечно, предстоят неприятности, конфискуют хрономобиль, наложат штраф, но зато он вернется в свое время...

И тут только до него дошло, что перед самым его носом – целая груда драгоценностей и золотых монет, что он лежит на сокровищах, может щупать их руками, лицом, чуть ли не глотать их... Глотать! Да, именно это ему и остается!...

Несмотря на то, что парализующее излучение к тому времени уже сняли, Пфаффер не мог пошевелить ни рукой, ни ногой: на них невыносимым грузом лежали трупы. А между тем полицейские, оттаскивавшие мертвецов, приближались... Еще четверть часа – и его тоже положат на носилки, оторвут от этой изумительной груды, которая так и не досталась ему...

Глотать, скорее глотать, благо хоть челюсти еще могут двигаться! Он ртом добрался до золотой цепочки и начал, давась, затягивать ее в горло. Когда он окажется в своем времени, он найдет способ вытащить ее из желудка. Медицина в XXIII веке все-таки кое-чего достигла! Проглоченные вещи извлекают без разрезания тела. Правда, сама процедура довольно болезненная; один знакомый доктор рассказывал Пфафферу, что особенно неприятные ощущения испытывают пациенты как раз в момент вытягивания предмета через задний проход...

Но ради золота Пфаффер готов был на все. И пока есть возможность, надо глотать, как можно больше глотать... Острая, как зубная боль, пронзила мысль: если он обратится в клинику, то об извлеченных из него золотых вещах сразу поставят в известность полицию!... Видно, придется пойти на поклон к Брауэру, этому гнусному мошеннику и шарлатану от медицины. А он наверняка потребует для себя половину всего добытого Пфаффером... А то и две трети...

Осилив цепочку, Пфаффер принялся загребать ртом монеты и, содрогаясь от спазм, глотать их одну за другой.

– До него долетел разговор двух полицейских, остановившихся возле золотой груды.

– Поздравляю вас, комиссар. Это самая грандиозная операция за всю историю существования полиции времени!

– Честь ее разработки принадлежит профессору Хайгету, – отозвался тот, кого называли комиссаром. – Признаться, поначалу я скептически отнесся к его плану. Но в борьбе с хрономобильными бандитами приходится использовать все средства, даже такие экзотические, как сочинение фальшивых мемуаров...

– Я тоже не ожидал, что на эту удочку кто-то клюнет, – сказал его собеседник.

– А между тем, дорогой лейтенант, на нее клюнуло, по предварительным подсчетам, двадцать две крупные хрономобильные банды, не считая мелких объединений и одиночек, орудующих на свой страх и риск. Вся банда Кречмера, за которой Интерпол безуспешно

охотится сразу в двух тысячелетиях, полегла тут в перестрелке. Здесь же нашли свой конец и знаменитые братья Дурысовы...

– Это те, которые в 2415 году совершили дерзкий побег из камеры Омского центра и за головы которых объявлена крупная награда?

– Они самые.

– Удивительно! Вот уж не подумал бы, что эти полуграмотные головорезы читают книги, да еще изданные в такую старину...

– Не забывайте, лейтенант, что в XXIV веке по мемуарам Керкийона сняли отличный стереофильм!

– Посмотрите-ка сюда! – Лейтенант показал на труп, голова которого была разбита о статую Будды. – Разрази меня гром, если это не Дик Краковски из XXX века, прозванный Неуловимым Убийцей! Здорово его измочалили...

– А в метре от него лежит Хью Гарвей, – добавил комиссар. – Надеюсь, слышали историю про золотой трон Рамсеса Третьего?

Лейтенант присвистнул.

– Так это он? Тот самый парень, который ухитрился ввести хрономобиль точно в пространство тронного зала египетского царя в каком-то там доисторическом веке, причем вычислил момент, когда зал был пуст?

– Да, и умыкнул трон. Он переправил его в XXVI век, где продал одному каучуковому тузу из Рио-де-Жанейро за бешеные деньги. Трон лет двести находился в частной коллекции, пока одному из наследников туза не пришлось в голову продать его на лондонском аукционе. Тут-то и всплыла вся эта история. По закону украденное полагается вернуть настоящему владельцу, и фараон получил обратно свое кресло в целостности и сохранности. Оно было доставлено к нему во дворец и установлено на прежнем месте ровно шесть минут спустя после того, как было похищено. Древние египтяне, кажется, даже не заметили, что их реликвия за шесть минут "постарела" на двести лет!

Разбиравшие трупы полицейские приближались к Пфафферу. Тот вынужден был прервать глотание и с набитым монетами ртом вновь прикинуться мертвецом. Надо подождать, пока его уложат на носилки и унесут в санитарный хрономобиль. А уж там он как-нибудь улучит минуту, когда за ним не будут следить, и проглотит все, что удалось зачерпнуть...

– Не сомневаюсь, что в самом скором времени вас ждет повышение по службе, – сказал комиссар, останавливаясь возле Пфаффера. – План профессора Хайгета прошел как по маслу, и в этом ваша немалая заслуга.

– О, не больше, чем того специалиста по старой литературе, который состряпал Мемуары, и наших людей, которые инкогнито внедрили в XVIII век и издали их в качестве душеприказчиков Керкийона, – ответил лейтенант. – Кстати, надо бы представить к награде того малого, который играл роль француза. Ему ведь пришлось несладко. Вокруг разыгралась настоящая битва – рвались гранаты, падали обломки...

– С ним все в порядке, – сказал комиссар. – Беднягу, правда, изрядно накачали снотворным газом, но это, может быть, и к лучшему. Он благополучно проспал весь спектакль...

– Чего не скажешь об ублюдках, которые лежат здесь бездыханными! – подхватил лейтенант. – Взгляните хотя бы на этого лопоухого, с плутовской рожей, – он показал на Пфаффера. – Такое впечатление, что перед смертью он окончательно спятил и начал пожирать золото...

– Они слетелись на сокровища, как мухи на дерьмо... – комиссар брезгливо переступил через труп бандита с распоротым животом. – И хоть бы кто-нибудь успел сообразить, что золото им подсунули фальшивое, а вместо бриллиантов насыпали цветных стекляшек!

И тут оба вздрогнули от неожиданности: окровавленный труп, простертый у их ног, судорожно скрючился и выплюнул целую пригоршню монет!

Пфаффер извивался, хрипел, засовывал себе в рот пальцы, содрогался от приступов рвоты, но цепочка и еще с десяток металлических кругляков уже ушли в желудок... Он выл от отчаяния...

Полицейские смотрели на него в немом изумлении.

АДСКАЯ РУЛЕТКА

Пресыщенные созерцанием космических чудес, путешественники недоумевали: звездолет затормозил возле невзрачной, безжизненной планеты. Неужели тут предусмотрена остановка?

На Креаррере они прогуливались по зеркальным пещерам с оживающими отражениями, на Унне парили в туннелях, искривляющих пространство, на Сэйдане в нейтринных годолосферах погружались в океан гипномызыкальной плазмы; но какое развлечение сулят им эти голые скалы, камни, воронки от взрывов и поля оплавленной почвы?

Корабль снизился и полетел над пустынной поверхностью. Зал, где в удобных креслах располагались пассажиры, походил на стереотеатр: на громадных обзорных экранах плыли угрюмые, озаренные низким зеленым солнцем ландшафты. Ничего примечательного на них не появлялось; даже попадавшиеся временами развалины циклопических строений и те казались какими-то унылыми, вызывающими скорее скуку, чем любопытство.

– Зачем нас сюда притащили? – ворчал лысый толстяк с сигарой в зубах. – Эка невидаль – обломки!

– В космосе миллионы планет, где есть точно такие же руины, – кривила лицо старуха, поправляя в волосах бриллиантовую брошь. – От них тоска одна!

– Немного терпения, господа, – заговорил долговязый улыбчивый распорядитель круиза, прохаживаясь между креслами. – Мы приближаемся к одной очень любопытной постройке, чудом уцелевшей в пожаре грандиозной войны, которая уничтожила жизнь на планете сотни тысяч

лет назад... А, да вон же она!... Взгляните налево... Нет, не развалины города нас сейчас интересуют, а та башня еще левее развалин...

Звездолет приблизился к упомянутой башне и завис примерно в километре над ней. Башня располагалась центре круглого ровного участка, обнесенного сплошной, массивной стеной. Участок в разных направлениях пересекали другие стены, но не такие массивные и не сплошные, отчего при взгляде сверху он походил на примитивный лабиринт.

Центральное строение, или "башня", как назвал ее экскурсовод, внешне напоминала граненый стакан – она не имела крыши и внутри была абсолютно пуста. Экраны показывали ее так отчетливо, что путешественники могли видеть ее гладкое, почти зеркальное дно.

Невзрачный, запущенный вид постройки, облезлых стен, кое-где уже подернутых плесенью и бурой ржавчиной, вызвал среди туристов шепот разочарования. Толстяк демонстративно развернул перед собой иллюстрированный журнал.

– Башня далеко не так безобидна, как это представляется на первый взгляд, – заторопился с объяснениями экскурсовод. – Сравнительно недавно здесь побывала археологическая экспедиция, которая смогла узнать достаточно много о прошлом планеты. Оно, в общем, тривиально и характерно почти для всех планет, кончивших самоубийственной войной. В последние годы перед своей гибелью обе враждующие стороны стали испытывать острую нехватку живой силы. Этим и вызвано сооружение объектов, один из которых вы видите. Их было много, но в рабочем состоянии сохранился только один...

– Уж не хотите ли вы сказать, – осведомился – впрочем, без особого любопытства, – кто-то из путешественников, – что башня способна создавать эту самую "живую силу"?

– Как, живых людей? – вскричала старуха. – Вы сказали: живых?

– О нет, речь идет о клонах, то есть двойниках, – ответил экскурсовод. – Способ их, если можно так выразиться, изготовления чрезвычайно прост. Достаточно поместить человека – живого, обычного человека – внутрь башни, как тотчас срабатывает механизм клонирования, и из всех дверей, которые расположены по периметру здания, начинают выскакивать двойники. Они во всем подобны своему оригиналу. На них та же одежда, с ними те же вещи, даже интеллект клонов, как удалось выяснить, приближается к интеллекту помещенного внутрь башни индивида. Существенное отличие их от оригинала (заключается в том, что они созданы прежде всего для войны, для убийства; в них изначально, уже при

самом процессе создания, заложен сильный заряд агрессивности; едва возникнув, они сразу начинают искать, к чему бы приложить переполняющую их боевую энергию. Поэтому пространство вокруг башни замкнуто стеной и разделено на секторы – чтобы клоны не истребили друг друга в первые минуты после своего появления...

– Неплохо было бы посмотреть на это в натуре! – воскликнуло сразу несколько голосов.

– Для этого здесь и предусмотрена короткая остановка, – отозвался экскурсовод. – На нашем звездолете в особо охраняемом отсеке находится группа опасных преступников, приговоренных судом Сэйдана к смертной казни. Туристическое агенство выкупило право на свершение приговора...

– Станным, однако, образом вы намереваетесь их казнить! – недовольно перебил его толстяк с сигарой. – Вместо того, чтобы уничтожить преступников, вы хотите их... размножить!

– Но это и будет казнью... В окруженном стеной пространстве, которое вы видите внизу, преступник окажется один на один со своими двойниками, охваченными жадной убийства. Они тотчас начнут охотиться друг за другом, и преступнику не останется ничего другого, как тоже вступить в драку. Ему просто негде будет скрыться... И, уверяю вас, все закончится довольно быстро. Клоны прикончат друг друга, а заодно – и того человека, с которого началось клонирование. Возможно, и даже наверняка, кто-то один останется в живых. Самый последний. И необязательно, чтоб этим оставшимся был человек...

– Но если все они будут похожи друг на друга, – сказала одна из дам, – то как мы узнаем, кто из них кто?

– Да вам-то какая разница? – воскликнул неугомонный толстяк.

– Я к тому говорю, – пояснила дама, – что вдруг этим последним, кто выживет, окажется человек?

– Нет ничего проще, сударыня, – ответил экскурсовод. – За уцелевшим мы вышлем зонд, и если это клон, то он исчезнет, растворится в воздухе, когда зонд поднимет его на пару сотен метров от поверхности... Если уцелеет человек – что, повторяю, весьма маловероятно, – то он благополучно достигнет звездолета, где ему будет оказана медицинская помощь. В этом случае фирма помилует его и он будет высажен на первой же обитаемой планете.

– Валяйте, запускайте ваших преступников, – зашумело оживившееся собрание. – Невелико удовольствие любоваться на драку, так мы хоть "поболеем" за своего, за человека!

– Мы обставим сражение так, что для вас, господ это будет игрой наподобие рулетки, в которой полем станет весь этот обнесенный стеной лабиринт, а шариками – гладиаторы, которые будут бродить по нему и истреблять друг друга, – с любезной улыбкой сказал экскурсовод.

И он предложил всем пройти в соседний зал.

– Располагайтесь, господа, прошу вас, – перейдя туда, он рукой показал на широкий круглый стол с мерцающей голубоватым светом поверхностью и расставленные вокруг него кресла.

Все расселись. Поверхность стола представляла собой экран, на который проецировалась башня и лабиринт вокруг нее. Глядя на этот экран, казалось, будто смотришь на загадочную постройку древних с высоты птичьего полета.

– Надеюсь, сегодняшней вечер будет таким же приятным, как и все предыдущие вечера нашего прекрасного путешествия, – сказал экскурсовод. – Итак, мы открываем казино, где рулеткой будет этот экран, который покажет нам все, что происходит в лабиринте! Обязанности крупье я, с вашего разрешения, возьму на себя... – он отвесил церемонный поклон. – Сейчас, сбросив в башню одного из наших гладиаторов, мы разбудим ее древний механизм. Тотчас начнут появляться двойники. На экране возле каждого из них засветятся цифры порядкового номера, чтоб вы могли делать ставки – на одного или на нескольких, как вам больше понравится... А пока взгляните сюда... – он показал на стену, где замерцал еще один экран.

На нем возник крепкий коренастый человек с черными усами. Не зная, что его видят, он утирал нос и засовывал за голенище сапога большой зазубренный нож. Еще один нож был приторочен к его поясу.

– Экземпляр номер один, – сказал экскурсовод (теперь уже крупье). – Приговорен к смерти за вооруженные грабежи и убийства.

К человеку с ножами приблизился массивный, медленно переставлявший ноги кибер и бесцеремонно толкнул его. Усач понуро поплелся к двери. Экран на стене погас.

– Наш первый экземпляр спускается в зонде к размножающей башне, – сообщил крупье, длинной палочкой показывая на центр стола-экрана. – Вот вы видите спускающийся зонд. Он подлетает к башне и... сейчас кибер швырнет нашего гладиатора прямо в ее пустую утробу... Вот, полюбуйте!

Сидевшие за столом разразились изумленными восклицаниями, глядя, как из всех дверей башни начали стремительно выскакивать усачи,

вооруженные ножами. В считанные секунды башня опустела. Клоны, и среди них осужденный рассеялись по лабиринту.

– А где все-таки наш-то? – недоумевала старуха с брошью, вглядываясь в совершенно одинаковых человечков на экране. – Я даже не успела углядеть. Они посыпались из башни, как горох...

– Клонирование происходит с чудовищной быстротой, – объяснил крупье. – Поэтому человеку, помещенному внутрь устройства, необходимо как можно скорее его покинуть. Каждая секунда промедления чревата появлением новых двойников, а это уменьшает его шансы выжить в предстоящем поединке. Осужденный получил инструкцию на этот счет и, как видите, поторопился. Но и за те секунды, что он провел в башне, он успел наплодить свыше трех десятков клонов... Сейчас все они разбрелись по лабиринту... Определить, кто из этих тридцати четырех тот, с кого началось размножение, теперь не представляется возможным. Мы выясним это только после того, как они истребят друг друга – Крупье дал знак официантам внести напитки и принялся излагать условия игры, оказавшейся очень похожей на обыкновенную рулетку.

Возле каждой фигурки на экране светился ее порядковый номер, который неотступно сопровождал ее в блужданиях по лабиринту и кровавых стычках с другими фигурками. На эти цифры и делались ставки, причем самый крупный выигрыш должен был достаться тому, кто угадает номер уцелевшего в поединке.

Крупье еще не кончил объяснений, а экран уже показывал вспыхнувшую в лабиринте бойню. Гладиатор – выхватив ножи, ринулись друг на друга. Видимость была настолько хорошая, что можно было различить горящие яростью глаза, разинутые в неистовом реве рты, страшные кровавые раны. Каждый дрался сам за себя. Раненых мгновенно добивали.

Уже через четверть часа в живых осталось не более десятка сражающихся. Один за другим гасли номера, повышались ставки. К концу тура азарт светился в глазах даже самых апатичных игроков. Крупье своей палочкой двигал прямо по экрану круглые пластиковые жетоны, заменявшие деньги.

– Делайте игру, господа, – повторял он. Наконец в живых осталось двое – номер шестой и номер двадцать второй. Оба были ранены и едва передвигали ноги, и все же с неуголимой злобой спешили навстречу друг другу. Тот из игроков, что с самого начала поставил на двадцать второго, сдавленно охнул: шестой всадил кинжал в грудь своему противнику!

– Проиграл! – воскликнул он. Крупье сгреб жетоны в кучу.

– Итак, выжил номер шестой, – объявил он. – К нему уже подлетает зонд. Вы видите, как кибер поднимает нашего героя на борт летательного аппарата... Через пару минут мы будем знать, кто такой этот номер шестой – клон или человек. Если человек – то ему здорово повезло. А пока оцените следующего гладиатора...

Стена снова осветилась. Перед публикой предстал готовившийся к спуску в лабиринт силач с мощными бицепсами. Он пальцем пробовал острие громадного, под стать себе, тесака.

– Номер шестой исчез, – доложил по радиации кибер.

– Значит, это был клон, – сказал крупье.

Силач вошел в освободившийся зонд и через несколько минут был доставлен в размножающую башню. Он замешкался в ней, и в результате возникло более пятидесяти двойников. С неистовым ожесточением, заложенным в их сознание древними изобретателями башни, они бросились убивать друг друга.

Еще не успели растаять в прозрачном воздухе мертвые тела предыдущего поборника, как у всех поворотов лабиринта уже валялись новые трупы. Ручьями текла кровь.

– Делайте игру, господа, – палочка крупье сновала по столу-экрану, передвигая столбики жетонов.

И вновь самыми волнующими были последние минуты сражения, когда решалась судьба главного приза. Трое истекающих кровью гладиаторов сошлись в предсмертной, отчаянной схватке и погибли, нанеся друг другу глубокие раны. Хотя один из них прожил еще десять минут после того, как скончались другие, победа досталась не ему. Зонд направился к сорок девятому номеру, который блуждал в противоположном конце лабиринта в поисках противников.

– Номер сорок девятый – клон, господа! – Крупье склонился к микрофону: – Покажите следующего.

На настенном экране возник третий обреченный.

И все началось сызнова. Двойники со звериной жестокостью набрасывались друг на друга, бились изо всех сил, норовя ударить, находясь даже при последнем издыхании, а в салоне звездолета пили вино, хохотали, разражались азартными криками и швыряли на экран жетоны.

– Клон, клон, опять клон, – крупье привычным движением придвинул к себе жетоны. – Не везет пока нашим молодцам, бьют их... Видно, злобности в них маловато, а может – выносливость не та...

Партии двойников, заполняющие кошмарный лабиринт, истребляли себя быстро, без проволочек. Зонд курсировал между звездолетом и башней, подвозя к ней новых узников. И никто из них не возвращался. Каждый раз самым последним, уцелевшим в сражении "выигрышным номером оказывался клон... Зонд пустым подходил к звездолету.

Наконец истребила себя последняя, десятая партия. Юная дама положила свои тонкие руки на груды жетонов, которую придвинул к ней крупье. Она сделала ставку на одиннадцатый номер, и он принес ей победу. По условиям игры ее выигрыш должен быть вдвое больше, если этим одиннадцатым окажется человек. Все с нетерпением ждали сообщения с зонда.

Радиодинамик пророкотал что-то невразумительное, послышался шум помех, щелканье, и он умолк.

– Маленькая техническая заминка, – сказал крупье.

– Номер одиннадцатый исчез, – взорвался наконец динамик надтреснутым голосом кибера.

– Увы, сударыня, – крупье соболезнующе развел руками. – Но и без того ваш выигрыш велик!

И, собрав жетоны, он объявил, что игра окончена. Все десять преступников, которые находились на борту звездолета, получили по заслугам, хотя у них и был шанс выжить. И что через час корабль снимается с орбиты и берет курс на Сафер-Икль, где путешественников ожидают новые чудесные увеселения.

Он еще не кончил фразы, как за дверью послышались звуки борьбы, ударов и грохот падения. Дверь с треском распахнулась. На пороге стоял последний, десятый гладиатор, весь в страшных ранах, с помертвелым лицом, на котором кровоточил глубокий шрам. Кровь, казалось, стекала со всего его изуродованного тела, подошвы его башмаков оставляли кровавые следы. Дрожащими руками он сжимал бластер, целясь в захмелевших игроков.

В салоне воцарилось молчание. Обернувшиеся к двери лица исказились от ужаса. Пришелец казался грозным, жаждущим мщения призраком, явившимся из загробного мира. Крупье выронил груды жетонов и отступил на несколько шагов. Его бледное лицо покрылось мертвенной синевой.

Гладиатор натужно расхохотался.

– Да, да, это я, последний ваш номер, который уцелел в сатанинской бойне!...

– Брем Йон, – прохрипел крупье, – ты же мертв!

– Нечестно играешь, Оггер, – кривясь в зловещей усмешке, сказал пришелец. – Ты обещал дать каждому из нас шанс. Один шанс из ста. Что ж, я выжил, как видишь... Но кибер, который подобрал меня в лабиринте, пытался меня убить. В зонде, когда стало ясно, что я не клон, он двинулся на меня с ножом... Это тоже входит в правила игры?

– Я сдержу слово, Брем! Ты будешь свободен! Богат и свободен, слышишь? Только убери бластер. Убери!...

– Откуда он взялся? – громко спросил какой-то подвыпивший игрок, до которого еще не дошел смысл происшедшего.

– Откуда взялся? Можете считать – из могилы, – все с той же, словно приклеенной, ухмылкой ответил Брем и в упор посмотрел на крупье. – Как же это вы, господин Оггер, не догадались навести справки о профессии выкупленного вами смертника? Теперь за эту оплошность вам придется жестоко расплачиваться. Я был специалистом по киберам, я их тысячи собрал собственными руками, и уж кому, как не мне, знать их уязвимые места! Ваш кибер имеет серьезные неполадки в системе электронного зрения. Этим я и воспользовался... Мне удалось нейтрализовать его, когда он пытался меня прирезать. Я перевел его на другой режим... И сейчас он подчиняется только моим приказам!

– Брем, я дам тебе столько денег, что ты сможешь купить десять планет!

– Я загнусь через пару часов, а мертвецу планеты ни к чему.

– На борту есть опытный врач!

– Мне ничто не поможет. Я подохну, подохну, черт бы вас всех побрал!.. – И он с силой ударил прикладом по подносу стоявшего рядом официанта. Посуда со звоном посыпалась на пол.

Резкое движение причинило Брему сильную боль; он застонал и привалился спиной к стене.

– Мы выражаем вам свое искреннее сочувствие... – сахарным голосом залепетал толстяк, но гладиатор грубо перебил:

– Заткнись, жирный ублюдок! Вы все подохнете вместе со мной!..

Официант попятился к двери.

– Стоять! – заорал Брем. – Стоять, паскуда! Лакей, не слушая его, рванулся. Но едва он взялся за дверную ручку, как ярко-алый луч, с шипеньем вырвавшийся из бластера, прожег его насквозь. Официант не успел даже вскрикнуть.

Луч бил считанные секунды и погас раньше, чем изуродованное тело рухнуло к ногам убийцы.

– Кто-нибудь хочет последовать его примеру? – мрачно осведомился Брем.

По салону прошелестел сдавленный стон.

– Брем, наш врач творит чудеса... – задыхаясь, хрипел Оггер. – Ты выживешь... Я отдам тебе звездолет...

– Молчать! Все в тот коридор! Живо! – Брем пошатнулся, едва удержав равновесие. Бластер задрожал в его руках. Казалось, оружие вот-вот выстрелит помимо воли своего владельца...

Все, теснясь, устремились в коридор, на который показывал гангстер. Там лежали тела двух убитых Бремо охранников. Оба были разоружены. А в конце коридора виднелась распахнутая дверь кабины зонда. За ней маячил кибер, в чей электронный мозг была введена команда – доставить зонд с людьми к размножающей башне и вывалить всех в ее утробу.

Крупье дико завизжал, увидев роковую дверь. Паника передалась и остальным. Все мгновенно протрезвели.

– Возьми, – шептала старуха, протягивая Брему бриллиантовую брошь, – у меня есть еще кольца... На, возьми, возьми все...

– Сколько вы хотите? – икая, вскрикивал толстяк. – Я заплачу. Я дам сколько скажете. Назовите любую сумму.

Брем хладнокровно, в упор скосил его из бластера. Луч прошил еще нескольких пассажиров, попытавшихся остаться в салоне. Только после этого публика с испуганными воплями хлынула ко входу в зонд.

Брем, держась одной рукой за стену, а другой стискивая бластер, мыча от боли и грязно ругаясь, гнал толпу по коридору. Он то и дело нажимал на спуск, изрытая огненную смерть, отчего у входа в зонд даже образовалась давка.

Последней покидала звездолет юная дама, только что взявшая выигрыш. Она замешкалась у двери, обернулась, смело взглянула на Брема и вдруг рванула на себе платье.

– Нет! Нет! Только не смерть! – красавица бросилась к ногам мстительного гладиатора. – Пощади!

Он ударил ее носком башмака по подбородку, отшвыривая навзничь. Крикнул киберу:

– Пошел! – и всем телом навалился на захлопнувшуюся дверь.

За стеной глухо заурчали двигатели. Зонд, набитый пассажирами, оторвался от звездолета и взял курс к зловещей башне.

Брем с минуту отдыхал, привалившись к двери. Невыносимая боль терзала его тело. По затылку словно били кувалдой... Кряхтя, почти теряя сознание, он наклонился к трупку охранника и извлек из его внутреннего кармана шприц. Всадил в себе в вену все, что там было – тройную дозу...

Через минуту в глазах его прояснилось. Он заметил обнаженную красотку. Страх и отвращение читались в ее взгляде. Она пыталась отползти, спрятаться за трупками...

Гладиатор шагнул к ней и еще раз ударил ее ногой оставив на ее белом теле кроваво-грязный отпечаток подошвы.

– Вставай, – приказал он. – Иди туда.

И дулом бластера указал на стол-экран, где еще стояли бокалы с недопитым вином.

Экран показывал пустынный лабиринт, башню и приближающийся к ней зонд. Брем, держа красотку на прицеле, смотрел, как зонд подлетает к башне, как сыплются в ее жерло люди, как лабиринт наполняется клонами – многие из туристов с перепугу не сообразили, что надо покинуть башню как можно быстрее, они остались в ней, и вот уже в лабиринте сотни, тысячи их двойников и каждый охвачен неутолимой жадной жадностью убийства!

Усмешка раздвинула запекшиеся губы Брема.

– Ползай, – обернувшись к девушке, он кивнул на стол-экран. – Ну! Живее!... А это снять! – и рывком сдернул с нее остатки платья.

Красотка, дрожа, легла на стол, поверхность которое показывала уже не побоище, а дикую давку. Стиснутые в увеличивающейся толпе, люди и клоны били, терзали рвали друг друга, душили, выдавливали глаза, затаптывали упавших ногами. Толпа все росла. Клоны валялись из башни, втискиваясь в человеческое море, в котором уже невозможно стало пошевелить рукой. Лабиринт превратился в чудовищную, разбухающую давящую...

Засмотревшись на нее, Брем вовремя не среагировал на звук шагов за дверью. В салон ворвались три вооруженных телохранителя Оггера.

И все же он успел полоснуть по ним из бластера. Охранники упали с громкими криками. Брем яростно жег и резал их корчащиеся тела, пока они не затихли, превратившись в бесформенные груды горелого мяса.

Потом он опустил бластер и снял с себя разодранную! одежду. Морщась от боли в ранах, тоже влез на стол. Экран стола и тело красавицы запачкались его кровью.

Брем навалился на женщину и его пальцы сладострастно сомкнулись на хрупкой, вздрагивающей шее. Красотка забилась, потом затихла, только

рот ее судорожно дергался и вздымалась грудь, словно силясь набрать воздуха...

Стискивая женщину все сильнее, он не отрывал глаза от месива давящихся человеческих тел в лабиринте. Зрелище страшной мясорубки распяляло его страсть, при внося в нее особую сладость. Он погружал ногти в нежную кожу женщины, кусал ее губы и стонал, испытывая жгучее наслаждение, глушившее сознание близости смерти и боль от множества ран.

Наконец содрогания животного восторга сотрясли его изувеченное тело – содрогания, на которые ушли его последние силы. Сознание его затуманилось...

Первой очнулась женщина. Пачкаясь в липкой крови, она выбралась из-под грузного тела гладиатора. Спрыгнула на пол, подобрала бластер. С неистовой злобой ударила Брема концом ствола, ткнув в одну из самых глубоких его ран.

Он испустил мучительный стон.

– Подымайся, убийца, – срывающимся голосом сказала она.

Брем разлепил ресницы. Измазанная кровью голая красotka целилась в него из бластера. Она держала тяжелое оружие неумело, сновали ее пальцы, пытаясь нащупать спусковую кнопку.

Откинувшаяся рука Брема коснулась бокала. Внезапным движением он выплеснул остатки вина ей в лицо. Она почти непроизвольно надавила на кнопку. С яростным шипеньем вырвался луч и ударил по столу, по груди жетонов, по ногам заревевшего от боли Брема.

Он дотянулся до бластерного ствола и отвел его в сторону. Луч прошелся по люстрам – с сухим треском они погасли одна за другой. Затем погас и сам луч – это Брем вырвал, наконец, бластер из рук женщины. Салон погрузился в темноту. Корчась от страшного ожога на бедрах и в паху, Брем вцепился в запястье красотки, не давая ей ускользнуть, сполз со стола и, преодолевая невыносимую боль, притянул ее к себе.

Истошно визжа, она шарила пальцами по его лицу. Нашла наконец глаза, впилась в них ногтями. Глаза потекли. Обезумевший от ярости и боли Брем не замечал этого. Подмывая ее под себя, он давил и ломал ее хрупкие ключицы. А когда нащупал шею, испустил громкий, полный звериного восторга рев...

В салон, выбив двери, ввалились члены экипажа с бластерами. Их встретили сумерки и мертвая тишина. Забрызганный кровью экран еще

мерцал, показывая опустевший лабиринт. Там тоже все успокоилось. Погибшие в давке клоны растворились в воздухе мрачной планеты, лишь кое-где под стенами виднелись тела людей раздавленные и неузнаваемые.

Пошарив по салону фонариками, звездолетчики наткнулись на несколько обгорелых трупов. Два из них простерты возле стола, казалось, еще сжимали друг друга в объятиях – то ли в последнем порыве любви, то ли в приступе смертельной ненависти.

ФОНД «МЕТАГАЛАКТИКА»

ждет Ваших пожертвований на доброе дело возрождения крутой российской фантастики в литературе, живописи, кинематографе. В условиях нарастающей травли и гонений Русские Таланты смогут выжить только благодаря Вам!!! Р/с 602003 Издат-Банк 161939 РКЦ ГУ ЦБ РСФСР МФО 201791 Журнал «Приключения, фантастика».

Адрес для почтовых переводов: 111123, Москва, а/я 40, «Метагалактика».

Александр Чернобровкин

КРЫСИНЫЙ ДЬЯВОЛ

Рассказ

1

– Может, хватит одной крысы? Они же крупные – как кошки!

– Кровь должна попасть в желудок теплая и несвернувшаяся. Братъ будем из двух крыс одновременно, чтобы быстро натекло необходимое количество... Ты готов?

– Да.

– Начинаем... Осторожней со скальпелем!

– Тупой он какой-то!

– Каким и должен быть... Подержи мензурку, я приготовлю шланго-чку.

– Давай... Ох и крикливый у нас пациент! Месяц на свете живет, а орет громче взрослого. И брыкается: голодный, бедняжка! А какие ноги у него кривые! Младенцы все такие безобразные?

– Все.

– Странно: из такого уродца вырастет красавец-мужчина... Не пойму, похож он на отца или нет?

– Похож.

– Вы с ним были друзья?

– Да.

– Если б он знал, что ждет его сына...

– Он знал. Мы вдвоем работали над этой проблемой пришли к Одинаковому решению.

- И обязательно ребенок? Разве нельзя взрослого? – Нельзя. Срабатывает только на ребенке и только на грудном.
- Жаль!..
- Давай мензурку.
- На... Подержать шлангочку? А то еще перекусит.
- У него зубов нет.
- А слезы уже есть... Так сморщился – не могу смотреть!
- Кто там тарабанит?!
- Она.
- Я же приказал не выпускать из комнаты!
- Что могут поделывать двое мужчин с матерью, спасающей сына? А остальные все ушли на раскопки.
- Пойди помоги, я сам закончу... Отвели ее?
- Еле справились втроем.
- Что за кровь на лице?
- Поцарапала.
- А пятна на рукаве?
- Молоко...
- Не подходи близко: ты не стерилен.
- Какая разница... Смотри, затих. И позеленел, как лягушка. Он не умрет?.. А если умрет, если ты ошибся?
- Выкинь тушки доноров и продезинфицируй инструменты.
- Сейчас... А все-таки, что если ты не прав, если эксперимент не получится?
- Значит, погибнем все.

2

- Ну, как себя чувствует наш пациент?
- Спит.
- Температура упала?
- В пределах нормальной.
- Дышит ровно и не потеет... Но как он похудел! личико стало совсем стариковским!
- Потерял пол кило.
- Ух, не хотел бы я, чтобы мой сын оказался на его месте!
- Придется.
- Умом понимаю, а сердцем никак не могу согласиться... Она спрашивает, когда забрать ребенка?

- Вечером.
- Его можно кормить грудью? Не окрысинел – не откусит?.. Шучу.
- Можно.
- Если не возражаешь, его отнесу я.
- Да, так будет лучше.
- Прости ее...
- Бог простит.
- Она говорит, что ты сделал это из ревности, потому что ребенок от него, а не от тебя. Над своим ты бы такое не вытворял.
- Над моим делал бы он. А я бы вместо него отдал ей и будущему ребенку свою жизнь.
- Да, страшно все получилось... Ты ее до сих пор любишь?.. И теперь она никогда не будет твоей... Когда повторим эксперимент?
- Через две недели.
- Она опять будет драться... Может, снотворное подсыпать?
- Повлияет на молоко. Эксперимент должен быть чистым. Мы не имеем права рисковать.

3

- Бедный старый добрый пес! Он был единственным развлечением в нашем подземелье. Сам умер или укол ему сделал?
- Укол.
- Правильно. Больно было смотреть, как мучается... Шерсть вся вылезла. Лысый пес. А шею как разнесло! Что у него с шеей?
- Резкое увеличение щитовидной железы. Большую дозу получил.
- Там, в развалинах?.. Да, если бы у нас и был собачий противогаз, все равно нельзя было надеть... Бедный пес: даже после смерти еще раз послужит людям!.. Не будем его... расчленять?
- Нет.
- Понимаю: старый друг, больно.
- Не в этом дело. И так... заинтересуются... Бери его, а я Ребенка понесу.
- Лучше я ребенка: я моложе, а ребенок тяжелее собаки... Он не слишком большой для полутора лет?
- Нет, развивается нормально.
- Смотри, как он болтает и улыбается! У-у, зубастый какой. В коня пошел корм! Интересно, о чем он говорит? Может, снимем пока шлем?
- Нет.

– Нет – так нет... Ему не холодно будет в ползунках и рубашечке, может потеплее оденем?

– Нельзя. Запах тела должен быть сильным. Иначе...

– Ясно... А это не слишком опасно, что он так – без защитного костюма?

– Прогулка продлится недолго. Только убедимся – назад.

– Фу-у, устал по этим лестницам с непривычки!

– Давай я понесу ребенка.

– Не надо, справлюсь. Раньше я здесь часто ходил.

– Зачем?

– Посмотреть... Знаешь, сидишь в этих мрачных серых стенах, так надоедает, думаю, пойду хоть гляну на волю...

– И помогало?

– Еще хуже становилось. Вокруг снег и бетонное небо. Взвою волком – и бегом вниз... А потом бросил, чтоб не расстраиваться, месяца три уже не был.

– Напрасно: небо просветлело.

– Вижу!.. Солнце! Смотри – солнце!

– Восемнадцатый день появляется.

– А почему ты молчал?!

– Не хотел расстраивать. Все начали бы рваться туда, а там...

– А там ничего, только снег... Нет, вон земля появилась – видишь, чуть правее?.. И больше ничего и никого...

– Сейчас кое-кого увидишь. Выстреливай собаку. Чтоб метрах в пятидесяти от входа упала.

– А не дальше? Больше будет шансов спасти, если что...

– Не спасешь. Только отодвинешь смерть на время. На очень короткое.

– Ясно... Там упала?

– Да.

– Смотри, со всех щелей полезли!.. Ой, сколько их! И какие крупные!.. Интересно, чем они питаются?

– Трусами.

– Да, в развалинах еды у них много, а они везде пролезут, на то они и крысы... Странно, как это они до нас еще не добрались?

– Хватает пищи. Но Скоро доберутся. И просто так мы с ними не справимся...

– Одни крысы. И больше ничего живого!

- И мы.
- Да... Бедный пес! В минуту слопали, кости грызут! Бр-р!..
- Выпускай ребенка.
- Может" подождем, когда их поменьше останется?
- Нет.
- Ну, тогда я с ним пойду.
- Нельзя.
- Но ведь они... он такой маленький и его, как пса, – в минуту!..
- Выпускай!
- Если подойдут ближе, чем на пять метров, я затаю его внутрь.
- Нет.
- Затаю!
- Нет! Дай тросик!

– Все, все, не затаю... Смотри, как забавно он вышагивает – как луноход!.. Сейчас они его увидят... Увидели... Принимаются... Если кинутся, я затаю... я...

– Не кинутся.

– Что это с ними?! И шерсть дыбом встала!.. Убегают!.. Убегают! Нет – улепетывают в ужасе со всех лап! Как от дьявола!.. Ты – гений! Ты победил их!

– Люди победили.

– Нет, это только твоя заслуга! Если б не ты, если б не твоя вера, твоя твердость!.. Знаешь, я не верил, до последней секунды не верил. Если б ты знал... прости меня!.. но если бы с ребенком... я бы убил тебя.

– Я знал.

– Откуда?!

– Ты ведь тоже любишь ее...

– Да... Еще раз прости меня. Я понимаю, что не имел права – что я в сравнении с тобой?! – но так получилось! Ей нужна была защита, опора, а я...

– ...а ты приносил ей живого сына. Я все понимаю!.. Что у него в руках?

– Не пойму... Цветок! Подснежник!.. Откуда здесь! подснежники?!

– Раньше там клумба была. Там цвело чуть ли на круглый год. Особенно она любит лесные цветы, сама сажала.

– Странно, да, – подснежник в начале августа?

– Весна... Ядерная весна...

Резервация

Третья планета Солнечной системы пережила ядерные войны, климатические катастрофы и колониальные захваты армиями чужих цивилизаций. Земля превратилась в пустыню, на которой не осталось ничего. В этой пустыне очень редко встречалась вода и скудная растительность. Единственным уцелевшим оазисом была Австралия и близлежащие острова, половину которых поглотил океан, еще во время ядерных войн.

Колонии чужих цивилизаций, на Земле, вели постоянные войны между собой. Мало кто выжил в этом аду. Но все кончилось, когда планету прибрала к рукам группа ученых галактической конфедерации человекообразных. Они добились восстановления атмосферы планеты, в целях проведения биологических опытов и экспериментов. Дельцы конфедерации на корню скупили планету, чтобы по окончании работы сделать из нее, большой галактический курорт. Власти галактики одобрили этот проект.

Оставившуюся от общества Земли горстку страшных мутантов отловили и переселили в наиболее уцелевшее место материка Евразия, которое в древности было городом и носило название – Москва. Температура планеты продолжала повышаться. Эксперименты ученых подходили к концу. Мутанты и уроды начали вести себя крайне нежелательно и место их расселения оградил защитным энергетическим полем. К Резервации, для установления порядка, приставили армейского сержанта, в обязанности которого входило: Недопущение безобразий, побегов, преступлений, азартных игр, употребления наркотических веществ и тому подобное.

Сержант оказался терпеливым парнем, тем более, что не так уж велик срок его службы в этом жутком мире.

Иногда, по статистике, где-то раз в пять – шесть лет, в районе планеты, терпело крушение какое-нибудь летающее средство.

1

Новая, маленькая и яркая звездочка зажглась прямо возле стоящего в зените солнца. Она сильно полыхнула, падая в горячую песчаную пустыню, раздавив горизонт грохотом своего падения.

Разбившийся космический истребитель обоими боковыми элеронами и носом ушел в песок. Заглушая ругательства, раздался треск отломанного, герметичного колпака кабины. Вслед за ним, на песок, вывалился и сам летчик.

Выговорив, но уже тише, еще несколько бранных слов, на разных языках галактики, человек поднялся огляделся по сторонам. Он посмотрел вправо, но увидел только песчаный горизонт, посмотрел влево, но и там было то же самое, и впереди было – песок, песок и не в котором ничего не летело ему на помощь. Пилот собрался с духом и начал было ругаться снова, но понял, что его все равно никто не слышит, оставил эту затею. Он обошел вокруг лежащего на боку, дымящегося от разогрева истребителя, дал по нему со всей силы ногой полез обратно, в кабину. Вернее, туда залезли его голова руки, а ноги и все остальное остались снаружи.

После продолжительных поисков, ему удалось найти передатчик, портативный энергогенератор и визорное устройство. Все это он свалил на песок. Ни одна из систем разбившейся машины не желала работать и пилот, со злости, еще раз врезал ногой по железному борту. В кабине было еще что-то, что нужно было найти. И пилот нашел.

Но тут, прямо под его ногами, пробежал кто-то, схватил передатчик и принялся удирать. В изумлении пилот отпрыгнул в сторону, выхватывая сразу оба бластера, подвешенные на поясе. Но этот кто-то, укравший передатчик, нырнул в песок и исчез.

– Черт! А, зараза! – вскричал пилот, опуская оружие и снова начиная ругаться.

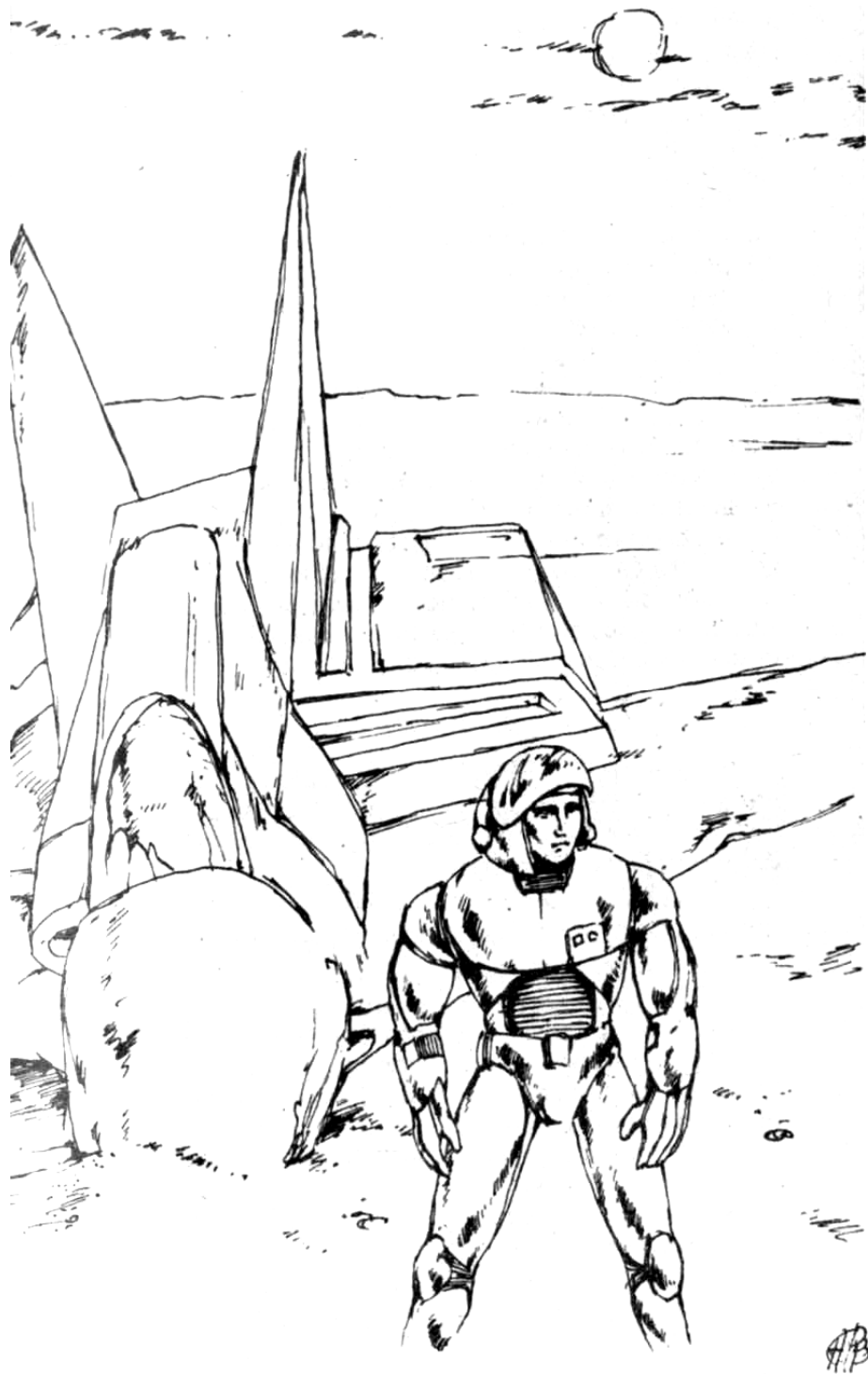
Еще бы, последний действующий передатчик у не сперли.

Вор оказался далеко от истребителя, выскочив из песка. Бежал он уже явно налегке. Увидев это, пилот начал шквальную, беспорядочную стрельбу в горизонт и лишь когда удостоверился, что она бесполезна, остановился.

"Закопал он его, что ли? Ну так надо откапывать, или я буду здесь торчать, пока кусок солнца не свалится"? – думал пилот, заставляя ноги бежать что было мочи к месту, где нырнул в песок похититель. И он нашел это место. Нашел его сразу, потому что везде вокруг были разбросаны обгрызанные, полусъеденные куски передатчика.

Пилот испуганно оглянулся на свой истребитель и не без страха вспомнил, что возле него оставил визор и энергогенератор, а в кабине пластиковый ящик с едой импульсную сигнальную систему. Сожалеть о потере передатчика теперь не было времени. Надо было спасать все, что осталось. И он побежал. Побежал обратно со скоростью, которой позавидовал бы даже луч света.

Страшный крик разнесся по пустыне, когда он добежал. Пилот космического истребителя – специально тренированный для войн и

экстремальных ситуаций, владеющий несколькими школами единоборств, открыл шлем, орал от страшной ярости, не найдя на месте ничего, кроме самого разбитого истребителя и большого количества песка вокруг, истоптанного странными, запутанными следами. Следами, идти по которым не представлялось никакой возможности.

2

В дверь старого, чудом уцелевшего, подвала, развалившейся пятиэтажки, культурно постучали.

Три волосатых щупальца сгребли и спрятали куда-то старые игральные карты.

– Опять он нашу малину накрыл! – прорычал Мягкая Голова, запрыгивая на канализационную трубу.

– Входите, входите, сержант!

Держа наготове оружие, пилот резко ударил ветхую дверь ногой и влетел в подвал. Из темноты на него уставились три глаза сверху, четыре справа и один слева. Увидев дуло бластера, все глаза тут же погасли. И тогда пилот понял, что совершил ошибку, так грубо ворвавшись. Он убрал оружие и показал пустые руки. Глаза снова уставились на него.

– Это не сержант совсем, – произнес тот же голос, что предложил войти.

– А кто же это? – поинтересовался кто-то с потолка.

– А я откуда знаю, может, спросим, чего ему надо?

– Надо, надо, – сделал шаг вперед пилот, – воды, воды надо, вода есть?

– Давай скажем ему, что нету, – предложил кто-то из темноты.

Пилот потянулся было за оружием. Он мог бы взять воду и сам, или заставить ее принести. Но, подумав, решил не спешить. В этом подвале, Бог знает, где они ее спрятали, может, даже в песок зарыли, вряд ли найти самому. Припугнуть их? А они шасть в песок и в разные стороны.

– Да чего ты смотришь на этого урода, – закричали три глаза с бетонной канализационной трубы.

– погоди, Мягкая Голова, может, у него что есть?

– Бейте его, пока он оружие не вытащил!

Нога с разворота съездила сразу по всем четырем глазам, и они одновременно моргнули.

– Назад, сволочи! – заорал пилот, собираясь бить еще.

– Да ладно, ладно, – испуганно поморгали глаза, – Бритый, убери рога и ноги, он не шутит.

– Не шучу! – крикнул пилот, уже с трудом подавляя ярость, – есть вода или нет?

– А меняться будешь?

Рука пилота легла на рукоять бластера.

– Тогда нет воды, – буркнул один глаз. Совершать преступление пилоту не хотелось, хотя он легко мог это сделать сейчас, в таком состоянии. Но он был парнем дисциплинированным.

– Ладно, черт с вами, давайте меняться, – согласился он.

Четыре глаза вылезли из темноты, за ним последовал хозяин одного глаза. Три спрыгнули с трубы.

Тусклый свет, пробивающийся через щели, озарил поле переговоров.

– Кто свистнул мой вставной глаз?! – возопил на свету один из уродов.

– Кто свистнул, кто свистнул, нечего было его раскидывать где попало, надо было на резинку привязывать, – ответил ему другой.

– На резинку! – возмутился урод.

– Эй, эй, – успокоил их пилот, – ну мы придем к какому-нибудь соглашению или нет?

Все глаза снова взглянули не него, затем взоры переместились на его левую кобуру, из которой торчала аппетитная рукоять оружия.

– Вот это, – ткнул кривой волосатый палец в кобуру, – вот это, на канистру воды.

– Это? – хлопнул пилот по левому бластеру, – это только на воду? Мало!

Произнесенное им слово – "мало", заставило содрогнуться стены подвала.

– У нас тут еще пара пакетов есть, с вашей, человеческой жратвой.

Пилот кивнул в знак согласия.

– Циклоп, неси.

Один из уродов скрылся в темноте, но быстро вернулся. Десять тонких рук с присосками протянули человеку запаянную пластиковую канистру и два таких же пакета. Пилот проверил герметичность канистры и пакетов, достал из кобуры бластер, покрутил его на пальце и, выдохнув, отдал мутанту, который увидев оружие, уронил слюну на пол. На том месте, куда упала слюна, послышалось шипение разъедаемого пола. Пилот, машинально, отодвинул свой сапог.

Глаза уставились на вторую кобуру.

– А второй бластер? – поинтересовались уроды.

– Нет, – отрезал человек, – второй не меняю.

– Чего жидишься! Чего жидишься! – заорал мутант по кличке Мягкая Голова.

– Вон, бетон жри, – бросил ему пилот, догадавшись, что они сделают с оружием, – бетон, по-моему, вкуснее пистолета, да его здесь и больше, чем железа.

– Пожалуй он прав.

Плоская, многозубая челюсть поездила, как напильник, по бетонной стене, оставив на ней пропиленную полосу.

– Ну как?

– Не, без стекла это невкусно, – ответил недовольный урод.

– А чего это не едите? – пилот потряс продуктами.

– Да ты что, двуногий, совсем спятил, хочешь, чтобы мы этим отравились?

– Ваше дело.

– Конечно наше, – ответили два рта на одной голове, – у нас еще тормозная жидкость есть, от бронехода, можем тормозную жидкость продать.

Пилот порылся в карманах. Менять что-нибудь из снаряжения было жалко, а тормозная жидкость всегда бы пригодилась. Он вытащил из кармана сложенный кусок медной проволоки и несколько мелких запчастей, показал все это уроду.

– Пойдет, – кивнул мутант.

Теперь во тьме исчез Мягкая Голова. Он вернулся с еще одной канистрой, отсосался от нее и протянул пилоту – На, я отхлебнул малость.

На его уродливой голове встали зубцы, три глаза на отростках, разъехались в разные стороны. Голова стал плоской и малиновой, затем затылок сморщился, и все вернулось на прежнее место. Мягкая голова, громко и сыто, скрипуче рыгнул. Довольная улыбка застыла на его физиономии.

"Вот скотина, – подумал пилот, – теперь дезинфицировать канистру придется. Ладно, зато можно будет из тормозухи сигнальные огни разводять". Пилот прихватил и канистру с тормозной бронеходной жидкостью и направился к выходу.

– Эй, как ты ходишь на двух ногах? – раздался вопрос сзади.

Человек обернулся.

– Ну я же не спрашиваю, как ты пьешь двумя ртами сразу, или вот как он, кусает затылком.

С этими словами пилот вышел.

– Пообедаем? – облизнулся одноглазый.

В ответ послышалось удовлетворенное хлюпанье хоботами.

Циклоп получше ухватил бластер щупальцами, поднес к своей пасти или хлебалу (с человеческой точки зрения было не разобраться).

– Только не весь! – подпрыгнул от нетерпения Бритый.

Циклоп поморгал на него одним глазом и откусил ствол. После короткого шипения, расплавленное железо стекло в желудок.

– Надо же, какой хороший бластер, можно даже песком не заедать, – потер живот одноглазый.

– Давай сюда, с тебя хватит! – прохрюкал Мягкая Голова. Циклоп, испуганно, протянул ему оружие. Мягкая Голова вынул из бластера батарею и кинул ее Бритому. Бритый любил батареи и всю подобную им энергетическую гадость. Сам же Мягкая Голова запустил останки оружия в рот и глотнул. Останки в животе Мягкой Головы упали на какие-то другие железяки и, дзинькнув, скатились с кучи. Бритый тоже сразу проглотил батарею, даже не укусив ее. И когда все пузо покрылось прыщами, он воскликнул:

– Ага, вот это деликатес, давно я такого дефицита не ел!

Сразу, после восклицания, на его брюхе начали вздыматься пузыри, а кое-где проскакивать электрические разряды.

– О! – подпрыгнул при первом разряде Бритый.

– Сколько в ней было вольт? – спросил Циклоп.

– Ну, если так стегает, значит, вкусная. Удовольствие Бритого неожиданно прервал яростный крик Мягкой Головы:

– Кто съел мою кассету?!

Бритый прекратил разряжаться и удивленно переглянулся с Циклопом.

– Про что он говорит? Я ничего не расслышал.

– Натяни третье ухо на затылок, – посоветовал ему Циклоп.

Бритый натянул ухо и вопрошающе уставился всеми четырьмя глазами на Мягкую Голову.

– Чего ты орешь во время обеда?

– Да, действительно, – поддержал его Циклоп..

– Ну, вы, я знаю, что это вы ее съели, я ее за тридцать рублей купил! – не унимался убитый горем Мягкая Голова.

– Железных рублей? – переспросил одноглазый.

– Нет, бумажных.

– А, тогда фигня, – махнул щупальцем Бритый.

– Ага фигня! – налетел на Бритого Мягкая Голова, – моя фигня, моя!

– Да не вопи ты на всю пустыню, давай кинем в картишки, если отыграешься, я твою кассету отрыгну, – предложил Бритый.

Все согласились. Так и прошел час.

– На что теперь играем? – встал Циклоп.

– На последнюю лампу.

– Так нечестно! – снова заорал Мягкая Голова, кассету которого Бритый во время игры, уже успел переварить, – я видел, он под правой верхней ногой туза прятал!

– Убери хобот, а то как дам по мягкому черепу, – огрызнулся Бритый.

– Ах так! – вскочил Мягкая Голова.

– Бей его! – заорал теперь и Циклоп.

Точным ударом трех копыт в левый нижний глаз Бритого сбили с шести ног. Отросток, на котором был глаз, согнулся гармошкой, а потом опять выполз наружу. Бритый встал, поморгал подбитым глазом, и отковыряв с него когтем фингал, сунул его в рот.

– Вы это бросьте, – крикнул Бритый, – а то я сдачи дам.

Но вдруг Циклоп прекратил бить Бритого, встал, вытянул вперед свой поросший длинный щетиной и слизью глаз, поморгал в темноту черными кожными складками и разинул пасть. Клейкий, волосатый язык ударил в стену и нырнул обратно в рот. Циклоп причмокнул и пояснил:

– Муха.

– А мне? – возмутился Мягкая Голова.

– Кто поймал тот и съел! – гордо процитировал один из местных законов одноглазый.

Действительно, возмущения были неуместны, все было законно, а закон гласил:

1. Кто поймал, тот и съел.

2. Что поймал, то и съел.

3. Принимать форму того сосуда, в который тебя наливают.

Что касается третьего закона, то он уже был чисто физический.

Так что... А Циклопу действительно повезло, мухи сейчас встречались крайне редко и в большинстве своем были невкусными.

В это время, мирно бегающий на всех шести лапах, по останкам древнего овощного магазина Жужа, облизывал пропитанные запахом отрубей и отбросов камни. Но вот, запах кончился. Жужа попробовала на зуб камень, но сломав пару зубов, сплюнул. Камней он не ел, разве что песок. И он, хоботом, втянул в рот литра три песка. Облизнувшись, Жужа огляделся, в надежде найти еще что-нибудь съедобное, но оказалось, что ничего больше нет, что все съели до него. Он почесал свой хвост задней кривой лапой. С облезлого хвоста отвалилось несколько чешуек.

"Пойду в подвал залезу. И если никого нет дома, я у них там съем что-нибудь", – подумал Жужа и пошел к подвалу, гордый тем, что в его голове родилась такая умная мысль.

Жужа имел привычку открывать дверь головой, что он и сделал на этот раз. Только с первого удара дверь подвала почему-то не открылась.

В подвале все насторожились.

– Бритый, иди глянь, кто там ломится.

– Почему я?

– Иди, иди, ты больше всех проиграл.

Бритый лениво пополз на всех конечностях к двери. Осторожно приоткрыв ее и увидев Жужу, он замахал щупальцами и закричал:

– Иди, иди отсюда! Нет у нас ничего, проваливай!

– Дай лампочку, а то не уйду, – заявил Жужа. Бритый отбежал от двери, схватил лампу и кинул ее Жуже, выпихивая его из дверного проема. Жужа, чмокнув, проглотил лампу и хлопнул по животу лапой. Лампочка лопнула внутри его желудка.

– Вкусная лампа, хорошо бабахнула, – снова постучал в дверь Жужа.

– Проваливай а то сейчас в глаз получишь! Нету у нас больше ничего, – раздался из подвала уже злой голос Бритого.

Жужа больше не стал просить, он весело рыгнул и побежал греться на солнышке.

– Вот гад, – возмутился одноглазый, – это была последняя лампа.

– А если б мы не дали, – проговорил Мягкая Голова, – он бы сержанту капнул.

– Про что? Он же ничего не видел.

– Да про что попало, из вредности.

Не дать Жуже что-нибудь проглотить было невозможно по двум причинам. Во-первых, он бы все равно не отстал и попрошайничал до третьего пришествия. А во-вторых, потом еще и сержанту бы

нажаловаться. Нажаловался про что попало, главное нажаловался. Что же касается сержанта, то тот прописал бы всем по первое число.

Солнца было много, песка тоже. Жужа отбежал не так далеко от подвала и плюхнулся в горячий песок лапами вверх. И так ему стало хорошо. Совсем рядом послышался металлический звук и шуршание песка, как будто на него положили бетонную плиту. Жужа лениво приоткрыл, один из своих мозаичных глаз, в него ярко светануло солнце, он закрыл глаз.

Но звук превратился в шум. Шум вырос, надвинулся откуда-то сверху, заноса над Жужей свои бронированные мускулы и огромную плиту из бронированной стали. Увидев плиту, Жужа сразу понял в чем дело, но смыться с дороги не успел. Успел только нецензурно выругаться и... Плита проутюжила его, как носовой платок, вдавив в песок.

Жужа откопал свою трехгранную голову и удивленно ею повертел.

Огромный, стальной, четырехногий зверь, с шипением остановился чуть поодаль.

– Черт, – снова ругнулся Жужа, – опять все брюхо плоское! Когда сержант перестанет по мне на бронеходе ездить!

Из железного зверя-бронехода сержанта начал высовываться трап. Человек в шлеме и черной форме спрыгнул с трапа на землю.

– Здорово, сержант, – проурчал Жужа.

Увидев Жужу и его положение, человек разразился громким смехом, хлопая себя руками по коленям.

– Чего смеешься? – обиделся Жужа, – у меня весь завтрак из-за тебя во все дырки вылез.

– А нечего на трассе загорать, – ответил ему сержант.

– Ладно, ладно, раз тебе так весело, я тебе что-то очень важное не скажу.

– Не скажешь? – удивился сержант, – ну если ты не скажешь, тогда и я не скажу, что у меня есть ненужное железо.

При слове "железо", Жужа подпрыгнул над песком.

– Нет, нет, сержант, ты меня неправильно понял, я хотел сказать – хочешь, что-то скажу?

– Говори.

– А пожрать дашь?

– Дам, дам.

– А что дашь? – поинтересовался Жужа.

– Старый генератор, – пообещал сержант.

– Пойдет.

– Договор заключен?

Жужа утвердительно глотнул.

– Ну, говори, – посоветовал ему сержант.

– Знаешь в подвале этих троих, – шупальце Жужа, что росло прямо над глазами, показало в сторону подвала.

– Ну, знаю, – кивнул сержант.

– Ну, так вот они, там, опять в азартные игры на лампочки играют. Даже мне, другу сержанта, не хотели лампу давать.

– А ты-то откуда знаешь, что играют?

– Знаю, и потом, они опять оружие съели и играют.

– Как съели? – удивился сержант, у которого в последнее время ничего из оружия не пропадало, только один раз из бронехода слили тормозную жидкость.

– Съели, съели, у одного из них изо рта свежим бластером пахло, – подтвердил Жужа.

"Так, – подумал сержант, – опять контрабандисты с Татуина что-то здесь меняли!"

Сержант развернулся и направился к бронеходу.

– Эй, сержант! – догнал его окрик Жужа, – а поесть? Сержант знаком показал, чтобы он ждал, а сам залез в бронеход. Через минуту в бронеходе открылся большой люк, из которого на песок рухнул старый генератор. Потом вылез и сам сержант с длинноствольным штурмовым лучеметом. Он закрыл шлем, проверил обе кобуры с бластерами и пошел к подвалу.

– Они оттуда выходили? – бегло спросил он у Жужа.

– Еще нет, – ответил тот, откусывая от генератора предохранительную панель.

На сей раз в дверь подвала никто не стучал, она просто вылетела с куском стены.

– Патрульный обход! Разбегайся по темным углам! – завопил Бритый, засовывая карты за щеку.

Яркий луч фонаря ударил во мрак подвала, над которым загредел страшный голос сержанта:

– Так! Вылезай, Мягкая Голова, кончай прятаться, вот твой плоский затылок из-за трубы виднеется. И вообще, лучше сами выходите, а то хуже будет!

– Эй, урод двуногий, не стреляй, мы вылезаем, – слышалось из темноты.

– Давай шустрее вылезай, разгильдяи! – подгонял их сержант.
– Да мы ничего такого не делали, сержант, – виновато выговорил Мягкая Голова.

– А в азартные игры, значит, я играл, на лампочки, к тому же сам с собой, – удивился сержант.

– Да мы чуть-чуть, – попытался оправдаться Циклоп.

– Карты сюда! – приказал сержант, – и живо признавайтесь, у кого брали оружие, только не говорите мне, что вы его не ели.

– Какое оружие? – удивился Бритый.

– А ну заткнись! У кого выменяли?

– Да мы откуда знаем, – взвизгнул Мягкая Голова, – сел где-то в пустыне, пришел меняться мы и поменялись.

– На что менялись? – не отставал сержант.

– Мы ему два пакета вашей жратвы и воды, а он нам бластер.

– Хорошо, – медленно проговорил сержант, а потом опять закричал, – карты сюда, я сказал!

– Э..., сержант, может, карты оставишь? Мы их прямо при тебе съедем.

– Конечно, а потом отрыгнете и опять играть будете. Ничего не выйдет!

– Ладно, ладно, – достал карты Бритый и сунул их в протянутую перчатку сержанта.

– У тебя хотя бы старое железо есть? – поинтересовался Циклоп, – или битые бутылки?

– У меня бутылки пластиковые, они не бьются, – ответил ему сержант, собравшись уходить.

– Может, скинешь ящичек? – оживился Циклоп.

– Перебьешься, троглодит, худеть пора, – кинул Циклопу сержант.

– Совсем жрать нечего.

– Кирпичи жри, я тебя кормить не буду.

– Но они же невкусные! – возмутился одноглазый и испугался, увидев прямо перед собой черное, герметичное забрало шлема сержанта.

– Привыкать надо, – тихо проговорил ему шлем. С перепугу, Циклоп плюхнулся на задницу.

– В какой стороне он сел? – обратился сержант ко всем присутствующим уже возле самого выхода.

– На юго-запад от отстойной ямы, – крикнул Мягкая Голова, – точно не знаю, но когда дует ветер, оттуда железом пахнет.

Сержант кивнул головой и погрозил в подвал пальцем.

– Если еще раз что-нибудь, точно, у меня все в зоопарк попадете.

Он знал, что они боятся зоопарка, там их железом кормить не будут.

– Это Жужа заложил, больше некому! – закричал Бритый, как только сержант ушел.

– Точно! – выпялил глаз Циклоп, даже выпустив из зубов кончик хвоста Бритого, который он пытался откусить.

– Ничего, одноглазый, – щелкнул щупальцем по глазу Циклопа Мягкая Голова, – когда мы его поймает, ты отгрызешь ему хвост. Ты ведь любишь хвосты?

– Не буду я его хвост есть, он зеленый и облезлый, у Бритого хвост намного приятнее, – признался одноглазый.

– Скотина! – увидел конец своего отгрызенного хвоста Бритый и, вскочив, оторвал когтем у Циклопа несколько црыщей с живота. Прыгнув в сторону, он сунул их в рот и протолкнул хоботом в желудок.

– Совсем ополоумели! Делом пора заняться! – гаркнул на них Мягкая Голова.

4

Славу Богу, что уцелел стерилизатор и маленький баллончик дезинфекции. Пилот сейчас очень гордился своей привычкой не оставлять стерилизатор в кабине или багажном отделении, а вешать его на пояс, позади правой кобуры. И маленький баллончик уцелел тоже, только чудом – завалившись в кармане. Просто он забыл про него. Но теперь пилот был очень рад за себя. Даже не просто рад, а счастлив. Конечно он не доверял чистоте пищи в герметичных пакетах, выменянных у трех уродов. Такие же сомнения были у него и насчет воды. Пусть даже канистра запаяна, а пакеты герметичны. Стерилизатор же дал возможность ему изменить точку зрения на продуктовый вопрос.

Пилот трапезничал, устроившись в тени нависшего над ним элерона, привалившись спиной к борту истребителя. Очень приятно было хлебать в такую жару из чистой канистры, чистую воду. Он слышал шум приближающейся огромной машины и даже знал, что это едет местный сержант, но отрываться от обеда ему не хотелось.

Машина остановилась совсем рядом. Пилот на минуту перестал жевать и прислушался, выглядывать из-за борта было лень. Бронеход высунул динамики, из которых сначала донеслось короткое шипение, а потом голос сидевшего в нем сержанта:

– Эй, ты, в армейском истребителе, ты еще там?

– Там, там, – отозвался пилот, проглатывая очередную порцию и захлебывая ее из канистры.

Голос из динамика был такой знакомый, что пилот чуть не подавился водой. Конечно, где-то он этот голос слышал.

– С тобой говорит сержант резервации, выходи сдаваться, контрабандист несчастный, – снова разнеслось над головой.

"Ну конечно, это он, – думал пилот, – он просто моего бортового номера не видит". Пилот узнал собеседника. Это без сомнения был его старый боевой приятель, которого несколько лет назад засунули в какую-то дальнюю дыру, он даже не знал в какую. Зато теперь эта дыра была ему известна. Известна, и очень хорошо.

– Эй, ты что, не слышишь! Мне что, вылезти что ли? – крикнул сержант. Пилот высунул голову из-за разбитого борта и лукавым голосом прокричал в ответ:

– Не видишь сержант, у меня перерыв на обед. А потом, сам ты контрабандист.

Увидев голову, высунутую из-за искореженного борта, сержант открыл люк бронехода, оттуда сразу же полилась приветственная, веселая брань. Не менее нецензурные ругательства, приветствия понеслись и из-за истребителя.

– Ха-ха! – схватил сержант пилота и хорошенько встряхнул его.

– Сколько световых лет? Сколько зим?! Сержант с неохотой отпустил его.

– Постой, а что ты здесь делаешь? – спросил, Пилот криво усмехнулся, посмотрел на солнце, поковырял песок носком сапога, а потом перевел взгляд на истребитель и опять дал по нему ногой.

Сержант, сочувственным взглядом осмотрел машину, наконец увидев бортовой номер, упорно скрывавшийся от него под грудой железа и слоем песка с гарью.

– А я думал, это какой-нибудь армейский левак, опять думал уроды-контрабандисты с Татуина налетели. Я их вечно путаю с местными.

– А это совсем не они, это совсем я оказался, – улыбнулся пилот.

– Да, а это оказался совсем ты. А ты знаешь, что по местному закону, я вообще тебя должен арестовать.

Пилот удивленно взглянул на приятеля.

– Чего ты на меня так смотришь, ты же тут оружием торговал.

– А, это ты про этих троих в подвале?

Взгляд сержанта застыл на канистре с тормозной жидкостью. Сержант взял ее и осторожно понюхал.

– Моя тормозуха. Откуда она у тебя?

– В подвале выменял, на какие-то гайки и кусок медной проволоки, – пожал плечами пилот.

– Ну я разберусь с этими охотниками до тормозной жидкости! Славу Богу, что ты попал именно в резервацию, на мою территорию. Такое раз в жизни случается. Пить по этому поводу мы будем долго.

– Долго, – мечтательно прошептал пилот, чувствуя, как сержант затаскивает его в бронеход, – постой, постой, а как же моя машина?

– А она взлететь сможет? – спросил сержант.

– Нет.

– Тогда оставим ее здесь, ничего с ней не случится. Здесь все знают, что жрать боевую технику запрещено.

– Да, но все снаряжение-то уже пожрали! – возмутился пилот.

– Ну, снаряжение это еще не сама боевая машина, – успокоил его сержант.

Пилот поморщился.

Бронеход убрал трап, закрыл люк и двинулся с места с экипажем уже из двух человек.

– И давно ты тут загорал? – спросил сержант, поглядывая на песчаную пустыню.

– С самого утра, причем до этого двое суток болтался в пространстве солнечной системы, это пока сюда не шлепнулся.

– Если хочешь, я могу тебя сегодня отправить, у меня тут недалеко корабль стоит.

– Ты что, с ума сошел! – ужаснулся пилот, – лучше я здесь пару дней по пьянствую, пока начальство считает, что меня нет в живых. Или ты захотел лишить меня выходных?

– Нет, конечно, у меня и в мыслях такого не было. Действительно, какая тебе разница, когда получать по шее за аварию, два дня раньше, два дня позже, – сержант достал из-за командного кресла бронехода бутылку и протянул ее пилоту.

– А ты? – удивился тот.

Сержант усмехнулся и достал вторую, открыв ее зубами. Радости сержанта не было предела, и он не скрывал ее!

Отпив от бутылки больше половины и сдвинув глаза немного к носу, пилот удивленно заметил, что они едут в бронеходе.

– А чего ты на флаере не летаешь? На бронеходе ведь неудобно, – спросил он сержанта.

– Да ты что, это на флаере здесь неудобно, только поставишь его где-нибудь, его тут же и съедят, даже поля защиты не спасают. А на бронеход у них зубов не хватает, – пояснил сержант.

– Ты же говорил, они технику не едят.

– А ты думал, это всегда сбрабатывает?

Сержант резко дал по тормозам, и машина застыла, с поднятой в воздухе передней ногой, из-за которой, на них глядел огромный удивленный глаз.

Сержант, спокойно, взял микрофон и ледяным голосом произнес:

– Эй, будь человеком, убери глаз с дороги, у нас машина поскользнется.

Глаз два раза моргнул.

– Как ты меня обозвал? – спросил кто-то снизу.

– Ох... – выдохнул сержант.

– Если будешь так обзывать, я щас весь вылезу, – продолжал кто-то внизу.

Сержант взялся за лучевые гашетки и, не долго думая, без прицела, пальнул по песку. После первых же выстрелов, глаз убрался.

– Хулиганы, – пояснил сержант.

Бронеход продолжал удаляться к северной границе резервации, провожаемый голодными, жадными взглядами. Его сверкающая на солнце броня заставляла щурить глаза.

5

Вечерело. Покрасневшее солнце, надувшись после жаркого дня, висело над горизонтом, вот-вот готовое сорваться за него от усталости.

Закончив патрульный объезд резервации, обойдя небольшую отстойную яму, куда сержант сваливал мусор и объедки, бронеход тяжело встал на краю местной стартплощадки. Казалось, что в лучах заходящего солнца корабль сержанта стоит немного накренившись на левый борт.

– Я же сам тут последние дни сижу, – начал выключать системы бронехода сержант.

– Слышали, слышали, про ту конфетку, которую решили из этого бардака сделать.

– Как только это начнется, я умываю руки, какой сегодня день? – поднялся из кресла сержант.

– В-в-вторник, – икнул пилот, которому явно нужна была помощь при вставании.

– В четверг здесь будут строители, а в воскресенье это начнется.

– Я тоже хочу, – заявил пьяный истребитель. Сержант поднял его из кресла, взвалил его руку с бутылкой к себе на шею и потащил к трапу.

– Я тебе специально приглашение достану, – пообещал он.

– Куда? – удивился пилот.

– Как куда? Ну ты же сам хотел!

– А что я хотел? – все еще переспрашивал пьяный летчик.

– Как что, ты же сам хотел на сафари. Сюда даже негуманоидов пригласили, здесь поставят лагеря для охотников, бары, и, чтобы не мучить армию, выдадут им кучу боевых, снайперских парализаторов.

– А шашлык?

– Какой шашлык? – удивился сержант, который тоже начал косеть.

– Из того, что поймаем, – пояснил пилот.

– То, что поймаем, посадят в клетки и отправят в зоопарки.

– Ладно, черт с ним, с шашлыком, – согласился пилот, отбрасывая в сторону пустую бутылку.

Из темноты тут же появилась пасть, языком поймавшая бутылку налету, и утащила ее в песок.

Бронеход стоял, вращая всеми опознавательными огнями и сиренами. Пилот лениво оглянулся и поднял руку с указательным пальцем, ткнул им в сторону машины:

– Уходя, надо гасить свет.

– Не надо ничего гасить, – успокоил его сержант, таща к кораблю.

– Как это не надо, меня всегда в детстве учили гасить свет.

– А я говорю, пускай, пусть думают, что я не сплю и блюжу закон.

Пилот коротко кивнул в знак того, что это сержант здорово придумал.

Сержант неожиданно встал от удивления. Он наконец разглядел, что корабль действительно стоит накренившись. Сержант выпучил от ярости пьяные глаза и выхватил бластер.

– Сволочи! Эй, сволочи! Кто?! Кто грыз шасси? Лучше сразу признавайтесь! – заорал сержант.

Пьяный пилот сполз на четвереньках и сплюнул на покрытие стартплощадки.

– Ну я грыз, – вылез из отстойной ямы, заполненной черной водой, двухвостый, желто-коричневый крокодил.

Сапог сержанта тяжело пнул его в морду, так, что преступник свалился обратно в яму. Рука пилота начала, машинально, искать какой-нибудь кирпич. Кинуть так не терпелось.

– Чего дерешься! – взвыл обиженно мутант, – будешь драться, я и второе шасси съем...

Но тут метко пущенный пилотом булыжник заткнул ему глотку. Крокодил с шумом плюхнулся в густую, маслянистую и сильно вонючую пучину отстойника.

– Надо же, я попал! – обрадовался пилот.

– Черт с ним, – начал поднимать его сержант.

– Как это черт, пусти, для меня сафари уже началось!

Лишь здорово стукнувшись об опору подъемника корабля шлемом, пилот угомонился, и сержанту удалось наконец затащить его внутрь.

Солнце угасло. Из корабля донеслось дружное чавканье, короткий, спетый дуэтом, боевой марш и громкий храп за ним.

Когда сержант проснулся, в черном небе над пустыней, висела яркая, цивилизованная Луна. С Земли были хорошо видны огни ее городов и портов. От этого вида сержанту снова захотелось выпить. Пить в одиночку – ничего хуже не придумаешь, и он отправился расталкивать пилота.

Мирно храпевший в одном из анабиозных аппаратов пилот долго не хотел просыпаться. Но вскоре, страшно чертыхаясь и обещая перебить половину империи, он открыл глаза. Осознав, что это действительно сержант и что он опять хочет выпить, пилот согласился, причем сразу и молча. А что в такую ночь могло быть лучше, чем выпить и закусить на свежем воздухе?

Когда он выбрался из корабля с пластиковой коробкой закуски, сержант уже разводил химический костер прямо посреди стартплощадки, сидя на перевернутом ящике. Еще два ящика стояли рядом, один для пилота, второй нормальный, полный бутылок. Пилот сонно сел рядом с костром. Он взглянул на небо, где меж звезд то и дело зажигались и гасли маленькие огоньки космических кораблей. Опуская глаза обратно и отирая рукой лицо, он взял протянутую сержантом, уже открытую бутылку. При виде бутылки пилот заметно оживился. Еще бы, им в армии почти всю жизнь запрещают брать в рот даже каплю. Редко когда во флоте представляется случай пропустить граммов сто, а тут такие выходные подвернулись!

– За удачное сафари, – предложил сержант.

Они стукнули друг о дружку свои бутылки и одновременно запрокинули их. За встречу они уже пили сегодня и за армию, и за флот, и за конфедерацию человекообразных тоже. Так что сейчас на очереди стояло веселое воскресенье, полное охоты, а такой день всегда нужно обмывать заранее.

Но яркий голубовато-зеленый свет заставил сержанта поднять глаза. Перед ним, в воздухе, висел кто-то и светился.

– Ты еще кто? – сердито спросил его сержант.

– Я? – удивился светящийся пришелец, – да я в общем-то привидение.

– Ну вот, допился, – вслух произнес сержант.

– Да нет, это не вы допились, это вы меня видите. Я тут раньше участковым работал.

– Участковым? – переспросил сержант. Покосившись на привидение, пилот достал стерилизатор и синим лучом продезинфицировал его.

– Да идите вы к черту со своими мерами предосторожности! – обиделся призрак, которому это явно было неприятно.

– Тог-да перестань светиться, – икнул пилот.

– Подожди, подожди, хватит его дезинфицировать, – вмешался сержант.

– Я, товарищ сержант, вот с каким вопросом, – начал было участковый.

– Я тебе не товарищ! – погрозил ему кулаком сержант, – товарищей себе вон там поищи, – показал он в сторону подвала, – а к нам в компанию нечего набиваться! Ясно?!

Призрак тут же вытянулся по стойке смирно и начал докладывать:

– Интересуюсь вопросом отправки меня в ближайший галактический зоопарк, сэр.

– Куда, куда? – удивились оба, сидевшие у костра. Впервые они видели, что кто-то сам хочет попасть в зоопарк.

От удивления пилот снова простерилизовал висящее перед ним привидение.

– Э, нет! – сказал сержант, – еще корабль из-за тебя гонять, делать нам больше нечего, давай, проваливай отсюда.

– Мы такими делами сейчас не занимаемся, – поддержал его пилот.

– А жаль, – вздохнул призрак и исчез.

Вдалеке, в лунном свете, поднимая пыль, пробежала шайка синих и лысых уродов с выпученными глазами. Пилот смотрел на них с пьяным удивлением. Первый раз он видел толпу таких синих и таких лысых, да

еще и бегущих сплошной кучей. Сержант же при виде их сплюнул и сходил в корабль за штурмовым крупнокалиберным лучеметом.

Ровно через десять минут толпа уродов снова пробежала мимо них, что-то крича, размахивая синими руками и палками. Глаза их сияли во тьме, как сто фонарей. А за ними, взрывая песок, несло что-то здоровое. Очевидно они его разбудили. Кому понравится, если ночью по нему пробежит такая толпа?

Сержант схватил пулемет и запустил им вдогонку толстым лучом.

– Тьфу, – опять сплюнул он, – вот собаки, каждую ночь они тут спокойствие баламутят.

– А ты не пытался эту шайку разогнать?

– Как же, разгонишь их тут! Я над этой проблемой уже второй год убиваюсь. Даже оружие не помогает. Бегают, и все тут.

– Тогда спать пойдем лучше в корабль, – сказал пилот.

Ночь прошла относительно тихо, если не считать того, что кто-то несколько раз пытался прогрызть дыру в трюме корабля. Но защитное устройство било его током и он, матерясь, уползал обратно, в нору. Еще раз пятнадцать пробежала шайка синих и лысых злодеев, поднимая в пустыне гомон и тучи песка.

Светало.

Из отстойника потянулась очередь тварей, которые шли разыскивать завтрак. За ними оттуда выполз густой тухлый и желтый туман.

Вылезая из корабля, сержант потянулся. Увидев туман над отстойником, он выхватил бластер и пустил в него пару импульсов. Туман тут же улетел, чертыхаясь и ругаясь матом.

– Я буду жаловаться! – кричала, удаляясь, вонючая туча.

– Сколько угодно, – добродушно ответил ей сержант, засовывая бластер обратно, в кобуру.

За сержантом вышел и пилот, держа в руках визорное устройство. Лучи солнца легли на песок. Красные и слабые, они начали рассеивать мрак.

Пилот приложил визор к глазам, отыскивая свой истребитель. Истребитель так и лежал на борту, зарывшись носом в песок. Но тут на него, с разбега, налетела шайка синих и лысых, тех, что "баламутили спокойствие" нынешней ночью. В лучах рассвета замелькали плоские челюсти.

– Эй! Стой! Что вы делаете, гады! – закричал пилот, но было поздно.

Надулись животы и истребитель исчез. Пилот растерянно оглянулся на сержанта. Тот взял у него визор и взглянул на место преступления.

– Все, – прокомментировал сержант, – крышка твоему истребителю.

– Но... – заикнулся пилот.

Сержант оторвался от визора и развел руками:

– Съели. И не хватайся за оружие, стрелять уже бесполезно.

– Свины! Гады! Ублюдки! – ругался пилот.

Сержант сочувственно положил ему руку на плечо.

Мимо них по песку кто-то прополз, остановился, показал им весь в бородавках зеленый язык и издал звук, похожий на "бе-бе-бе", при этом язык его болтался, как тряпка, из стороны в сторону. Но отполз он после этой шутки недалеко. Из песка высунулась пасть, заглотнула его и аппетитно чмокнула.

Донеслось призывное пищание, и сержант убежал на этот сигнал. Добравшись до центрзала, он погасил на пульте управления два мигающих красных сигнала. Его вызывали на связь, вызывала центральная база Австралии.

– Седьмой патруль слушает базу, – сказал сержант. На видеоэкране связи появилось изображение базы.

– Привет, седьмой, это центр. Ну, что у тебя там?

– Да все нормально, – пожал плечами сержант.

– Ох сержант, сержант, прикрываешь приятеля? Того, что потерпел крушение.

Делать было нечего, на базе все уже знали, надо было признаваться.

– Да, я тут подобрал нашего пилота, а вы-то как про это узнали?

– Сейчас расскажу, – ответили ему с базы, – только пока ты прикрываешь истребителя, нам приходится закрывать твою задницу, сержант.

– С меня причитается, – заверил базу сержант.

– Окей. Теперь к делу. У тебя там армейский истребитель должен лежать, раз ты пилота подобрал. Так?

– Так, но... – возмутился сержант.

– погоди, сержант, там преступление готовится. Только что мы ненадолго открывали защитное поле и к нам успел долететь Беззубый. Он говорит, что этой ночью подслушал разговор. И как ты думаешь, чей?

– Ну чей?

– У тебя там есть мутант по кличке Мягкая Голова, в прошлом опасный рецидивист. Жрал технику, катался на аппаратах темпоральной переброски. Не один раз был в зоне наказания.

– Ну это все так, – подтвердил сержант, – но он же отсидел.

– Этой ночью он провоцировал съедание боевой техники, подбивая на это одну из местных банд.

– Ты мне дашь слово вставить? – взмахнул руками сержант.

– Давай, – ответили ему с базы.

– Ну так вот, этот истребитель давно уже съели, и я пытаюсь тебя об этом уведомить с начала нашей беседы.

– Надо же! Ну тогда состав преступления налицо, бери их.

– Кого бери?! – взмолился сержант, – этот истребитель весь квартал жрал, а я их тут ищи всех! Эту машину все равно бы съели!

– Ладно, тогда бери как зачинщика и главаря Мягкую Голову. На этот раз ему не отвертеться. Это его рук дело.

– И что ему будет? – криво улыбнувшись поинтересовался сержант.

– На этот раз, за бандитизм – демонстрационная камера, как пить дать.

Лицо сержанта тут же повеселело.

– Хорошо, отправляемся его брать.

– Мы ждем тебя, сержант.

– Окей, ждите.

Экран связи погас. Сержант постоял возле него с минуту, шумно выдохнул и со всей силы закричал:

– Тревога! Выкатывай боевой флаер! Пилот! Пилот, ты где, мать твою!

Двухместный, скоростной, боевой флаер, завращал сиренами и крутя верхним разворотом огромного лучемета, рванул в направлении подвала.

– Ну, сейчас такой шухер начнется, – повернулся сержант к пилоту.

6

Машина носом пробила стену подвала и вошла внутрь всей передней частью. Моментально убрали колпак кабины и из-под него показались дула двух бластеров.

– Не с места! – страшным голосом заорал сержант.

Но в подвале играли в карты только Бритый и Циклоп. Они, не успев спрятать карт, испуганно уставились на флаер и оружие, торчащее из его кабины.

– Живо говори, где Мягкая Голова?!

– Не знаем мы, – снова свалился на пол страх Циклопа.

– Мы здесь не причем, – запищал Бритый, – он упер у нас последнюю железяку и слинял ночью!

Флаер, покачиваясь, начал медленно выползать из подвала задним ходом.

– Ладно, а вы у меня смотрите, – показал кулак сержант Бритому и одноглазому, – о, да я вижу вы опять в карты резались.

– Ам! – проглотил Бритый колоду, чтобы не отдавать сержанту.

– Ну. я с вами потом разберусь, – пообещал тот. Выйдя из подвала, флаер развернулся на одном месте и понесся над пустыней.

На песке, были отчетливо видны следы конечностей Мягкой Головы. Машина, надрыбно свистя двигателями, набирала скорость.

Тем временем, Мягкая Голова, жадно грыз украденную им ночью железяку, сидя на песке. Железяка была вкусная и отпускать он ее не хотел, но вдали, над землей показалась маленькая блестящая точка. Предмет очень напоминал железо по своему блеску. От жадности Мягкая Голова глотнул. Блестящая точка быстро приближалась.

Поняв, что это летит, Мягкая Голова подавился своей железякой и нырнул с головой в песок.

Стреляя из всего оружия, которое было на борту, флаер пронесся мимо.

Мягкая Голова выскочил из песка и бросился бежать в противоположную сторону. Да так бежать, что все его руки и ноги представляли из себя мелькающие в воздухе круги. Флаер сделал мертвую петлю и понесся вдогонку. Выли сирены и двигатели летающей машины, вздымался песок.

– Гарпун! Выдвигай гарпун! – прокричал сержант. Из правой носовой части флаера выехало гарпунное устройство.

– Стреляй!

Пилот навел устройство и нажал на кнопку спуска. Гарпун пронзительно визгнул, увлекая за собой многометровый трос. Но Мягкая Голова нырнул в песок снова, продолжая удирать под ним, оставляя на поверхности перекопанные песчаные сугробы. Гарпун ударил в песок.

– Отцепляй, не попали!

Трос отлетел от флаера. Из установки выдвинулся новый гарпун.

– Снижайся, – крикнул пилот, – так я не попаду! Мягкая Голова замучился бежать под песком и выскочил наружу. Флаер снизился, стукнул днищем о камень.

– Куда ему стрелять? Я только один зад вижу, – спросил пилот, не отпуская прицела.

– В него и стреляй! Лучше не придумаешь!

Гарпун снова взвизгнул. Мягкая Голова подпрыгнул от боли, завертелся на месте, откусил зубами трос и опять принялся удирать. Среди песка то и дело мелькала его задница с воткнутым в нее гарпуном.

– Замени гарпун на сеть! – посоветовал сержант, – гарпуном мы его не возьмем!

– Ты жми, жми, давай, отрывается! – ответил ему пилот.

– Никуда он не денется, – успокоил его сержант.

Мягкая Голова уже устал бегать, то и дело меняя направление. Машина настигала его. Устройство выплюнуло пучок синтетической сети.

Мягкая Голова задергался, пытаясь вырваться и запутываясь все больше и больше. Как он ни старался, сделать ничего не мог.

Из подвала высывались все новые и новые любопытные глаза. Флаер возвращался, и под его бортом, в сети, как в авоське, болтался свежепойманный.

– Поделом тебе, скотина! – раздавались крики из подвала, – не будешь больше наше железо воровать, гад! – хрюкали множество хоботов.

Флаер повис на месте, возле корабля. Сержант с пилотом, отцепив сеть, потащили ее в трюм, то и дело пиная ногами по дороге. Затащив сеть, они вышли из трюма, отряхивая перчатки и одежду, довольные собой. Сержант залез во флаер, вытащил оттуда свеженькую бутылку, которую они тут же распили. После чего полезли в корабль.

На площадке подъемника сержант вспомнил, что оставил флаер болтаться наруже. Он прыгнул и побежал загонять и его в трюм.

Наконец добравшись до пульта управления, сержант включил связь, вызывая базу.

– Это седьмой говорит, эй, меня там слышат?

– Слышат седьмого, – ответил сержанту экран.

– Ну что, парни, я его взял.

– Хорошо, сержант, тащи его сюда.

– Ташу, ташу.

Задвинув люк, корабль начал тяжело подниматься, разгоняя по стартплощадке метель песка. Из трюма его доносились крики и писк Мягкой Головы. Но вот он умолк, очевидно автоматике корабля надоели его пiski, она треснула его чем-нибудь тяжелым по мягкому затылку, и теперь он собирает мозги в кучу, дабы начать вопить снова.

Сразу же, по прибытии, двое роботов извлекли преступника из сети и поволокли Мягкую Голову в лабораторию. Андроиды бесцеремонно сложили его в несколько раз и запахали в камеру аппарата, отдаленно напоминающего стиральную машину. Один из роботов привел механизм в действие.

В лабораторию вошел сержант, с ним пришел и техник. В аппарате, вместо Мягкой Головы, мелькала сплошная масса, из которой появлялись то руки, то ноги, то глаза. Сержант еле сдерживал смех. Техник же был мрачен как туча. Его процессы наказания больше не развлекали.

Аппарат встал, коротко помигав разноцветными огоньками. Крышку открыли, но каша, которая была в камере тут же возмутилась:

– Я протестую! Это Дискриминация! – орал жидко-образный Мягкая Голова.

– Закрывай обратно, – буркнул техник.

Роботы тотчас исполнили его приказание и снова пустили механизм. Теперь в аппарате ничего интересного не было, каша и каша, а точнее слизеобразное вещество.

Аппарат снова встал. Содержание его камеры налили в пластиковую канистру. Сержант взял ее, одобрительно по ней похлопав и хорошенько взболтав содержимое, поставил на пол. Но канистра у его ног заерзала, а из ее горлышка высунулся глаз. Канистра качнулась и упала на пол. Каша, вытекшая из нее, посмотрела на сержанта и техника, обругала их на чем свет стоит, прогрызла дыру в стене и бросилась улепетывать по песку, прочь от лаборатории, нецензурно ругаясь.

– Стреляй! Уйдет! – подпрыгнул техник. Сержант выхватил бластер и начал палить, держа его обеими руками. Посреди убегающей лужи образовалась шипящая дыра, и желеобразный Мягкая Голова стал ругаться громче и нецензурнее. Сержант еще раз выстрелил.

Убрав оружие сержант взял со стола лаборатории небольшую коробку, совок для мусора и отправился собирать то, что осталось от сбежавшего бандита. Аккуратно сгреб пепел в коробку и разровнял его пальцем.

В ответ на это из пепла послышалось матерное слово, за ним еще одно.

Сержант открыл шлем и плюнул в коробку с пеплом.

– Чего харкаешь! Чего харкаешь! – донеслось оттуда.

Сержант удивился, скорчил злорадную ухмылку, извлек из-за пояса плазменную зажигалку и острием языка плазмы начал равномерно

нарезать пепел кусочками. Коробка запрыгала в его руках; но вскоре угомонилась.

– Надо же, заткнулся, – и с этими словами сержант плюнул в нее еще раз.

– Ну ты! – раздалось из коробки.

На этот раз сержант не выдержал. Он страшно заорал, подкинул коробку вверх и в прыжке, что было силы, нанес по ней смертельный даже для слона удар ногой. Тысячи черных пылинок разлетелись по ветру, а вместе с ними и тысячи матерных слов.

Уже было поздно. Нужно возвращаться. Сержанту нелегко было отпускать пилота после стольких лет разлуки. Но что поделаешь. Самого его ждала каторжная работа. На рассвете прибегут строители. Нужно обеспечить полную безопасность им, их технике, смотреть в оба, не смыкая глаз, что бы не было съедено дорогостоящее оборудование.

Прощаясь, сержант, незаметно сунул пилоту пластиковую бутылку, и тот, незаметно успел спрятать ее под форму.

Последний раз махнув отлетающему шаттлу, уносящему пилота к начальству, сержант побежал к своему кораблю.

"Бог знает, что успели натворить эти уроды за время моего отсутствия"? – думал он.

7

Было далеко за полночь, когда над резервацией появились огни корабля сержанта. Он повис над стартплощадкой, разворачиваясь с креном на корму, выпуская шасси.

Увидев огни, шайка синих и лысых прекратила бегать и притаилась за одним из песчаных холмов.

Корабль опустился, но его огни и прожектора не гасли. Казалось, день пришел на стартплощадку. Прожектора и фары корабля сделали из нее сплошное светящееся пятно, посреди черной земной ночи. Вертящиеся корабельные сирены бросали яркие отсветы на дальние барханы.

В ярком свете были видны, передвигающиеся по площадке железные многорукие создания, издающие то и дело странные звуки и мигающие маленькими огоньками. Между ними часто мелькала фигура сержанта, отдающего приказания. Андроиды, руководимые сержантом, монтировали подсветку площадки для безопасной посадки летающих средств в полумраке рассвета.

Слепящий свет вспугнул банду синих и лысых, и они понеслись по холмам, прочь от корабля, сверкая в отблесках сирен своими лысыми. Далеко, почти на линии горизонта они снова затаились. Но их опять вспугнули. Их вспугнула первая, падающая на освещенную стартплощадку звезда. Падающая звезда зажглась далеко от места посадки и теперь приближалась и росла.

Начиналось беспокойное утро.

Сержант помогал строителям выгружать оборудование, командуя роботами, когда мимо него пробежал Жужа.

– Сержант! Сержант! – кричал он, запыхавшись.

– Ну, чего орешь? – повернулся к нему сержант. Жужа остановился и шумно задышал хоботом.

– Бритый Одноглазого съел!

– То есть? – не понял его сержант.

– То и есть, съел и все, вот его хвост, – протянул Жужа сержанту обглоданный хвост Циклопа.

– Так, Бритый! Бритый, свинья, иди сюда! – закричал сержант.

Через несколько минут, пыхтя, с набитым животом, лениво приполз Бритый.

– Говорят, звали, шеф? – осведомился он.

– Твоя работа? – показал ему сержант хвост.

– Это Жужа накапал? – ответил вопросом на вопрос Бритый.

И тут сержант вспомнил, что будет в воскресенье и что первая задача сейчас – это дать спокойно работать строителям. И что теперь они хоть в карты, хоть во что играют.

– Да, это он накапал, – негромко сказал сержант, размахнулся и выбросил хвост Одноглазого.

Жужа выпучил от страха глаза. Чешуя на нем встала дыбом. Он не понял, что это вдруг случилось с сержантом.

– Да я его съем! – зарычал Бритый.

– И правильно сделаешь, – буркнул сержант, снова занимаясь роботами.

– Ага, сержант, – отвлек его Бритый, – я его съем, а ты меня в камеру.

– Нужен ты мне больно, – ухмыльнулся сержант.

– Что, правда? – удивился Бритый.

– Даю слово, – успокоил его сержант.

Бритый перевел взгляд с сержанта на Жужу и издал утробный рыг.

И они понеслись. Сначала Жужа, от страха, потом Бритый, от голода. Сержант же продолжал махать руками роботам.

Мимо него пробежала шайка синих и лысых. Обратнo они волокли за все конечности Бритого, Который тащился на спине по песку и трогал свой круглый живот, откуда были еле слышны пискИ Жужи:

– Свинья! Выплюни меня обратно, а то хуже будет! Но Бритый и не думал его выплевывать.

Сержант посмотрел им вслед, усмехнулся и занялся делом.

В ночь с субботы на воскресенье сержанту тоже не пришлось спать. Он встречал. Встречал участников сафари. Их было много, и сержант уже валился с ног от усталости. В конце концов, последний раз взглянув, как андрoиды провожают охотников в лагерь, сержант пошел проверить боевую, оснащенную батареями парализаторов и сеточных устройств технику. Осмотрев и ее, сержант взглянул на часы. Спать ему осталось от силы два часа. Сержант огляделся, откорректировал будильник в часах и залез в ближайший воздухоход, положив ноги на пульт управления.

Воскресное утро началось неожиданно и еще раньше, чем сработал будильник сержанта, что впрочем очень разозлило его хозяина.

Один из мутантов просто решил позавтракать. Он выбрался из отстойника, потянул хоботом воздух и обнаружил, что совсем рядом видимо-невидимо железа, ламп, пластмассы и прочих вкусных вещей. Но съесть ничего так и не удалось.

Злодей оказался пойман стальной, трехпальцевой рукой боевого андрoида. Рука эта почему-то не кусалась, об нее только ломались зубы, зато лизать ее было очень удобно.

Сержант проснулся от возни, произошедшей при поимке голодного упыря, а когда выглянул из воздухохода, то увидел, что робот везет сдать ему, местному представителю власти, то, что поймал.

"Откуда этот железный чайник узнал, что я сплю именно в этом воздухоходе"? – подумал сержант и произнес вслух:

– А мне-то ты его зачем тащишь?

– А что с ним делать, сэр? – в недоумении остановился робот.

– Да выкини его куда подальше.

Следуя совету сержанта, робот немного отъехал, размахнулся и запустил, то, что висело у него в руке, со всей своей железной силы.

Спросонья сержант долго смотрел, как улетает урод, дергая руками и ногами, пока не скрылся из вида. В нормальное бодрое состояние сержанта привел пронзительный писк на руке. Будильник возвещал о том,

что пора трубить подъем. Сержант взглянул на восток, где слабо брезжил рассвет и повернулся к андроиду.

– Поднимай лагерь. Начинаем.

В первых лучах рассветного солнца сержант, расхаживая взад и вперед, произносил длинную речь перед целым легионом охотников. За их спинами была построена фронтом и разбита на отряды, выведенная заранее из ангаров техника. Меж нее то и дело сновали роботы, в последний раз проверяя – все ли в порядке.

Вдали от сержанта, целая орда галактических панков заводила несколько увешанных цепями и странными черепами, ярко размалеванных воздухоходов.

– И чтобы никакой лучевой стрельбы, кроме парализатора. И никаких гарпунов. Порча добычи недопустима. Я сам буду на флагманском бронеходе. Это все, джентльмены, – закончил свою речь сержант, последний раз оглядев строй охотников, среди которых встречались и ребята, видом покрупче местных мутантов.

– Это и к вам относится! – крикнул сержант панкам.

Орда панков притихла и закивала головами в знак того, что они поняли сержанта. После этого знака панки снова, улюлюкая, принялись заводить свои страшные машины.

Сержант был давно знаком с панками. Он часто прибегал к их помощи, когда в резервации случались несанкционированные митинги или какие-нибудь демонстрации протеста и дебоши за права человека, а то и просто от обжорства. В ответ на это сержант просто звал галактических панков и разрешал им беситься, устраивать оргии и стоять на ушах, на территории резервации сколько им влезет. А влезало обычно много. После этого ни один урод не рисковал показываться на свет Божий из своей норы с месяц, и в резервации снова наступала нормальная жизнь, без всяких политических страстей.

Но сержант был далеко не добренький дядя даже с панками. И они уважали его, а он, в свою очередь уважал их.

– По машинам! – раскатом грома прогремел над лагерем голос сержанта, – начинаем!

Солнце испуганно выглянуло из-за горизонта, когда завывли боевые сирены.

Сафари началось.

Веером в пустыне развернулся отряд заговорщиков. Их машины шли невысоко над землей, фронтом, насколько хватало взгляда.

Далеко перед ними бежала, что-то крича шайка синих и лысых, которых не менее шумно преследовали два воздухохода с панками.

Вой сирен и свист двигателей вперемешку с улюлюканьем и криками охотников, заставляли уродов выскакивать из нор и отстойников, заставляли бежать, зигзагами, впереди преследовавших их машин.

Стрелки вовсю драли глотки, не успевая разворачивать оружие за целью.

Кто-то вообще целился, выпрямившись, стоя на ходу в открытой кабине. Постоянно раздавались хлопки пневматических систем, выплевывающих заряд синтетической сети.

Как только завывли сирены, Бритый сразу смекнул, что ему нужно делать. С первым же звуком синие и лысые снова сбились в кучу и, бросив Бритого, убежали в неизвестном направлении. Правда, к тому времени у него уже полегчало с желудком, и он сам мог прогнать эту банду, но ему было лень.

Все бросились в разные стороны, как только завывла сирена, а Бритый сразу побежал к местному отстойнику, нырнул в него и забился там в ил, под корягу, переждать третье пришествие. И только вдали смолк шум охоты, Бритый с облегчением перевел дух и высунул наружу хобот, подышать.

– Вроде все ушли, – думал Бритый, чувствуя, как у него снова разыгрывается аппетит.

– Ну да, как же, а вот они сидят и ждут. Только ты высунешься..., – говорил его внутренний голос.

– Ну хобот-то я уже высунул и ничего.

И тут кто-то со страшной силой схватил Бритого за хобот, торчащий на поверхности.

– Ай, дурак, отпусти, оторвешь нос! – закричал Бритый, барахтаясь под корягой.

Охотник, сидевший на берегу отстойника с удочкой, отпустил хобот. Крик, адресованный из-под воды явно ему, нагнал на него немало удивления. Он специально отстал от сафари, чтобы посидеть на берегу какого-нибудь водоема. Он и удочку прихватил специально. Рыбалка доставляла ему большое удовольствие, чем шумная охота. И какова же была его радость, когда он нашел водоем, пусть грязноватый, с черной водой, но все же водоем. А теперь еще и клевало. Да как клевало! Такую рыбу упускать было нельзя.

Бритый перестал барахтаться, когда рядом с ним, прямо на дно опустилось устройство, очень схожее с большим кипятильником. Вода, вокруг него, забурлила и температура начала подниматься. Бритый вытянул вперед свой многострадальный хобот и понюхал. Бурлящее устройство явно было железным.

– А что будет, если я откушу кусочек? Может греть перестанет? – спрашивал сам себя Бритый.

– Не ешь, козленочком станешь, – снова вмешался внутренний голос.

– А пошел ты, я и козла съем! – и с этими словами, Бритый укусил кипятильник.

После кипятильника упала еще какая-то, железяка, привязанная почему-то на леску.

– Ну, если я ту съел и ничего, это я и подавно проглочу! – обрадовался Бритый такому количеству еды.

И следующая железяка проглотилась легко, вот только леска сразу залезла куда-то промеж зубов и все.

Охотник, сидевший на берегу отстойника аж подпрыгнул, когда поплавок исчез под жижей. С мечтой о большой ухе, не долго раздумывая, рыболов подцепил сверхпрочную леску к крюку своего вездехода, влез в кабину и дал газа. У него уже было время убедиться, что голыми руками местная рыба не вытаскивается. Вода отстойника вздыбилась, как от взрыва динамита и из нее выскочил кто-то, весь в грязной, скользкой жиже, с горящими глазами. Страшно воя, этот кто-то все-таки оборвав леску, бросился бежать в пустыню.

Охотник, выскочив из вездехода, выхватил парализатор и несколько раз выстрелил, но было поздно.

– Черт, – сплюнул он, – пропала уха.

Тем временем Бритый от страха обогнал переднюю линию сафари и когда немного притормозил, понял, что бежит вместе с остальными. И в следующие мгновение небо над ним закрыла развернувшаяся синтетическая сеть.

Бронеход сержанта стоял на высоком песчаном холме возле северо-восточной границы. За ним, в боевом порядке, выстроились другие транспортные средства. Сержант возглавлял отряд засады. Именно на него должны были гнать добычу охотники из центральной пустыни. И когда вдали, на горизонте показались клубы пыли, сержант скомандовал в микрофон:

– Вперед! Раздвигаем фланги!

Надрывно засвистели двигатели. Их свист заглушал пронзительный вой сирен.

Отряд засады, клешнями разворачивая фланги, двинул на встречу фронта загонщиков, сжимая кольцо.

– Давай! – в азарте атаки кричал сержант, для которого тоже началось воскресенье.

В самый разгар удовольствия, перед сержантом вспыхнул сигнал связи. Его вызывала центральная база. Сержант с неохотой отозвался.

– Седьмой на связи, – произнес он, продолжая вести охотников.

– Развлекаешься? – спросили с базы.

– По мере сил и возможностей, – ответил сержант, поглядывая вперед.

– У нас тут небольшое дельце, если бы ты согласился, начальство бы тебе зарплату точно удвоило.

– Вряд ли я соглашусь, даже за двойную зарплату, – не отрываясь от охоты, говорил с базой сержант.

– Да, мы знали, что ты вряд ли согласишься, но понимаешь, больше некому. Ты же не оставишь нас в таком положении.

В ответ сержант промолчал.

– Тут дело в следующем, – продолжали с базы, – много уродов осталось по полям, по горам, особенно много в районах экватора. Мы их отловим и перекинем кучей на северную Америку. Тамошняя резервация всего-то на пару недель.

– Знаю я вашу пару недель, – усмехнулся сержант.

– Не больше, а зато еще одно сафари устроишь, ну как, по рукам?

Сержант глубоко вздохнул, Ох как не хотелось ему снова смотреть за резервацией. Но бросать своих, в бедственном положении считалось в армии последним делом.

– Черт с вами, я согласен, – сказал сержант, понимая, что до конца года ему точно не выбраться из этой дыры.

Александр Логунов. (Сороковиков).

ОСТАВШИЙСЯ – ТАМ.

Поминутно срываясь на бег, изнемогая от усталости – ртутью пульсирующей во взбухших змеями венах, Данг, уже который час, едва осознавая себя, брел по сельве Тумоса; успеть на базу надо было до заката, иначе... Данг прекрасно понимал, что – иначе, означает смерть. От бедолаг, оказавшихся в ночной сельве, к утру не оставалось даже скелета.

Омерзительный холод прокатился по взмокшей спине Данга, и он снова прибавил темп; но расчетам, до базы – пять-восемь миль, до заката, в лучшем случае – час.

Контрольный облет, начавшийся рано утром, подходил к концу; командир уже дал приказ к возвращению, как вдруг, эта вспышка, и вместо рубки – рваные клочья оплавленного металла. Данг, его пост в верхнем куполе, инстинктивно надавил на педаль дезинтегратора и рванув клапан катапультированная (словно с щелчком фотокамеры увидев, как обуглился лес на площади двух акров), покинув потерявшую управление машину.

Приземлившись более-менее удачно, Данг выбрался из-под строп парашюта и забрав ручное оружие, направился в указываемую индикатором сторону. Индикатор имел двоякое назначение. Во-первых: излучал короткие волны, по нему могли обнаружить с воздуха, во-вторых, не менее важно, имел лимб, направленный в сторону базы.

Пройдя сквозь обугленный дезинтегратором лес, Данг наткнулся на мертвых термитов, вповалку лежащих вокруг крайсерского мазера. Из-под лопнувших панцирей их тел проступала сукровица денатурированного белка; издававшая мускусный запах, она буквально на глазах застывала изжелта-зеленой пленкой.

– Сволочи, – Данг сплюнул густую слюну и пнул одного из них, – быстро научились пользоваться нашим оружием, даром, что биогены.

Для порядка, выпустив газовую накачку из мазерной пушки и разбив головку энергопатрона, направился в сторону, указываемую радиоиндикатором; снова, он – Данг Лэнг Брангор, бывший пехотинец, а теперь – стрелок боевого глайдера, остался жив.

Брангор перешел на шаг и с надеждой поглядел вверх – не пролетит ли дежурный глайдер, тогда радиомаяк сразу будет запеленгован; но мертвящая пустота прочно поселилась в выцветшем за день небесном куполе. Черта с два, нет на базе лишних машин! – выругался Лэнг и дал из дезинтегратора по сгустившимся впереди зарослям, – За три года угробили кучу техники, а что толку, – и подождав, пока с деревьев осыпется уничтоженная нечисть, снова погнал себя через сельву.

– Вперед, вперед, – страх знобким надсадом дышал в затылок, и Брангор, преодолевая усталость, в который раз обнаружил, что все пределы – относительны. – Вперед! – пот, катящийся из под шлемокаски заливал глаза липкими струями, и Лэнг скинул его, оставшись в одном берете; то же хотелось сделать и с комбинезоном, но прикосновение ядовитых лиан, через минуту сделали бы его покойником.

– Вперед, – Данг уже хрипел в такт чавкающим шагам, механически перепрыгивая через щупальца корней. Не заметил что одно из них ожило... Если бы не усталость, он бы увидел инородность среди корневых извивов; а сейчас, истошно крича и беспорядочно махая бластером, Данг пытался ухватиться за выступы корней, но это было равносильно попытке удержать взлетающий глайдер.

Широкая сизо-черная лента тащила его сквозь сплошные заросли кустарника, в клочья раздирая комбинезон, царапая в кровь лицо; Дангу казалось, что перед ним промелькнула целая вечность, и он, словно попавший в петлю Мебиуса, обречен всегда скользить по ее одномерной поверхности, где верх и низ были тождественны. И сам Данг уходил в вечность.

...Сверху рухнула случайно срубленная бластером ветвь, и Данг, ударившись о нее, начал постепенно приходиться в себя; сразу за ветвью длиной с небольшое дерево возвышался холм, поросший травой и кустарником, имеющий в основании нору, диаметром почти в ярд.

Цепenea от ужаса, Брангор заглянул в нее и чуть не потерял сознание; в глубине черной ямы настороженно фосфоресцировали шесть немигающий бусинок глаз. – Крот-осьминог. – Данг начал лихорадочно

шарить в поисках увесистого булыжника, забыв, что в другой руке у него бластер, а сбоку пристегнут дезинтегратор. – Сейчас-сейчас, ты у меня... Он и вправду наткнулся на торчащий из земли камень, но второе щупальце молниеносно прикрутило его к ветви, спасшей минуту назад от гибели. Данг до мельчайших деталей ощутил спиной все ее сучки, изгибы и выступы, и безуспешно дернувшись под затянувшимся вокруг груди щупальцем, истошно, до умопомрачения закричал, но скользкая, с шевелящимися присосками плеть, плотным кляпом закрыла ему рот; жгучая боль вдруг ошпарила голень и пропоролась насквозь стопу... и Данг рухнул вниз, разматывая обвившие его кольца; в судорожной коме он нажал на спуск бластера, прижатого к правому бедру.

Теперь оказавшись на свободе, Данг без остановки палил в черную нору и жег, жег, жег извивающиеся обрубки щупалец. Ствол уже раскалился до красна, но Брангор все никак не мог остановиться; он стрелял и стрелял, и лишь истощившаяся энергобатарея заставила его выбросить бесполезное оружие; Данг вскочил и тут же рухнул от дикой боли – половина правой стопы была обрезана бластером, и теперь, вместо нее пучилось бурое грязное месиво.

– Все, конец. – Перед глазами запрыгали красные всполохи и неудержимая рвота вывернула Брангора наизнанку; слизистая присосок содержала кадмиевый яд.

Последнее, что он увидел – опускающийся сверху глайдер.

...Данг открыл глаза и неторопливо оглядел номер отеля, стандартный и обычный: стол, два стула, задернутое шторой окно, в углу – платяной шкаф.

Вчера им вручали медали "За особые заслуги". Через каждые пять – шесть лет их вызывают и в обстановке торжественной конфиденциальности вручают очередную побрякушку, получил, расписался, а заодно – напомнят про подпись о неразглашении.

В первый раз прибыли почти все. Награды вручали в десять этапов – тысяча человек в неделю; каждый на что-то надеялся – раз вызвали, значит, не забыли. Вчера же набралось едва более сотни; очень многие за эти тридцать пять лет умерли, другие, просто не захотели приехать. Зачем? Все равно, здоровья от лишнего кусочка металла не добавится, а о подписке каждый и так помнит.

Собственно, Брангор приехал вовсе не ради наград; он записался на прием к генералу Грюнеру, бывшему командиру пехотного взвода, в котором служил Данг. Сейчас, Грюнер, начальник отдела обеспечения

Министерства обороны; он должен помочь. Дангу ведь немного надо – место в пансионате для инвалидов, либо, на худой конец, бесплатное лечение; его скудной пенсии уже не хватает на врачей, да и обслуживать себя стало трудно. Брангор вздохнул и поднявшись, пристегнул стоящий у кровати биопротез. Сегодня в десять он должен быть на приеме; генерал не станет ждать...

– Собственно, чем я могу помочь? – Произнес Грюнер после долгой паузы и, повертев между пальцами карандаш, спрятал его в нагрудный карман, – ведь для оформления вас в пансионат необходимо заключение коллоквиума госпиталя, в котором произведена операция. – И словно ставя точку, посмотрел бесцветными, как лед глазами. – Но, если хотите, можете убедиться, – он высокомерно улыбнулся и нажал несколько клавиш компьютерного пульта. На экране монитора тут же всплыла информация о Данге: "Пехотинец Данг Лэнг Брангор, впоследствии – стрелок боевого глайдера. Прохождение службы с... по... годы. В ...году уволен в запас. Данные о ранениях не сохранились."

– Это информация архивов, – пояснил генерал и фривольно махнул рукой, отключил компьютер. – К тому же, самого госпиталя давно нет, так что... Не думаю, что министр подпишет ваше ходатайство.

– Да, я понимаю. Это была секретная война! – закипая от ярости, Данг вскочил с кресла и несколько раз топнул биопротезом. – А вот эта пластиковая нога? Куда вы ее денете?! А эти легкие?! Эта печень, что никуда не годится?! Это тело, которое все помнит?!

– Уж не думаете ли вы разгласить секретную информацию? – Стальным тоном Грюнер обрубил его истерику и оглядел с ног до головы презрительным, прокаливающим насквозь взглядом.

..Лейтенант Грюнер бросил шашку в термитник и оттуда, и оттуда, как горох посыпались аборигены; детеныши, и взрослая особь женского пола. – Огонь! – Грюнер выхватил бластер и располосовал матку термитов. – Огонь! – И он бросил вторую шашку в лаз.

Данг вдруг почувствовал, что не может стрелять; лицо стянуло судорогой и волосы под шлемом зашевелились. – Это же обыкновенные пацаны: пацаны и девчонки. – Кровь в висках застучала, будто дюжина молотобойцев кинулась разносить изнутри череп. – И пищат, будто земные... на них еще нет панцирей: кожа, как у креолов.

– Что стоишь?! – В глазах Грюнера только белая свирепость. И он с ходу срубил двух детенышей, пытавшихся скрыться в сельве. – Огонь!

И Брангор, повинувшись приказу, начал палить куда попало...

– Так, что, подписка о неразглашении для вас не закон? – Генерал вновь окинул Данга холодным прокаливающим взглядом.

Данг остановился на полуслове, словно от удара по лицу, и с трудом проглотив удушающий комок, снова сел в кресло.

– Нет, законы я признаю, – хрипло произнес он, – но мы уничтожили цивилизацию биогенов, а теперь делаем вид, что ничего не случилось.

– Мы были вынуждены, – равнодушно отозвался генерал, – они управляли НИЧТО, мы – нет. – Он вынул из ящика стола щеточку и смахнул пылинку с рукава кителя, – на запрос о взаимодействии ответили отказом.

– Да-да, конечно, – Брангор уже начал отходить от недавней вспышки, – они начали захватывать наших колонистов.

– Разумеется, – генерал прекратил очищать китель от несуществующей пыли и спрятал щетку назад, в ящик стола. – Все, чем я могу помочь – это единовременная компенсация, в размере тридцати процентов от пенсии.

– Нет, благодарю, – Данг тяжело поднялся и хромяя, ампутированная нога снова начала ныть, пошел на выход. Около двери оглянулся: Грюнер – упитанный и самоуверенный словно боров.

И тут же, картинка из прошлого: НИЧТО окружило базу непроницаемым черным кольцом. Лейтенант Грюнер, пуская кулаки направо и налево, прорывается к механическому мосту...

Блангор еще раз окинул взглядом упитанное генеральское лицо и, кивнув, вышел из кабинета.

Покинув департамент Министерства Обороны, Данг направился вниз по широкой парадной лестнице и чуть не сбил с ног своего армейского кореша, оператора связи Ренуара, со странной кличкой – Штабной философ; в свое время они прошли, что называется – огонь и воду, и Данг впоследствии защищал его от насмешек и унижений пехотинцев, обычных по отношению к слабым и странным.

– Данг, дружище, – от Жака перманентно пахло букетом вин, – я знал, что мы здесь встретимся. Ха-ха, дьявол тебя дерит! На груди Ренуара болталась новенькая медаль.

Брангор приветственно обнял друга и несколько раз хлопнул его по плечу, лишь затем щелкнул ногтем по хромированной штамповке. – Не стыдно?

– С чего бы? – Жак картинно развел руками, – ты ведь тоже получил это?

– И тут же отправил в мусоропровод, – ернически отозвался Данг и увлек Жака за собой, – но, вообще-то я здесь по другому вопросу... да, разве у них что добьешься.

– Это верно, – Жак снял медаль и спрятал ее в карман, – кому мы нужны? Дело свое сделали, а теперь – забудьте. Но разве такое забудешь?

– Действительно, такое не забудешь никогда, – Данг остановился и в поисках скамейки посмотрел по сторонам; нога вновь начала противно ныть, и в голове зашумело, как перед приступом.

– Да, я ведь не за побрякушкой этой приехал. – Ренуар достал из кармана медаль и бросил ее в урну, – думал, может, встречу наших ребят, тебя, и не ошибся... по этому случаю, Данг, надо выпить.

– Ты же знаешь, мне нельзя. – Брангор направился к стоящей у пирамидального тиса скамье, чувствуя, как сотни разнотональных камертонов плотным роем зазвенели в ушах.

– Извини, забыл, – Жак кисло улыбнулся, – а мне вот, последняя радость осталась, – он сел рядом, и достав из кармана плоскую бутылочку, сделал несколько глотков. – Редко мы видимся, вот что я скажу, – произнес он, отдышавшись от выпитого спиртного, – а ведь, считай, мы как братья с тобой, после тех переделок

– Да, я все помню, – Данг откинул назад голову, не в силах сопротивляться нарастающему внутри самому, губы стали непослушными, и на лбу, холодной испариной выступил пот.

– Вот, видишь, – Жак с тревогой посмотрел на Брангора, но затем, после небольшой паузы, продолжил, – может быть, нам вместе съехаться? Или, еще лучше, собрать всех ребят, кто остался, в один пансион. Вместе ведь легче.

– Да, это было бы хорошо, – преодолевая себя, словно сквозь лихорадочный бред ответил Данг, – если бы кто-то ссудил нам некоторую сумму. Но мы никому не нужны. Каждый дал подписку, и если говоришь о войне с Тумосом, то... – Брангор обхватил голову и следом за камертонами, визгливо запел целый ансамбль корнетов и цуг-флейт.

...НИЧТО внезапно выдавилось из-под земли, и словно струя черного напалма разлилось по периметру базы; сирена боевой опасности взвыла через несколько секунд, и ее вращающийся вой интерферирующим смерчем ворвался в купол полуденного неба.

– Все, к ангарам! – Капитан Слейтон выскочил из офицерской кают компании в средний проход казармы, но подстегивать никого не надо

было; пехотинцы, автоматически выполняя отработанное на учениях, плотными рядами выбежали наружу.

Главное – вперед, к спасательным ангарам, к глайдерам. Но они, один за другим взмывали вверх, полупустые, унося с собой командование штаба, не дожидаясь рядовых солдат.

– Назад, сволочи! – Слейтон выпустил из бластера целый шквал плазмы. – Назад, трусы! – И снова вдогонку пошел огненный протуберанец.

Но глайдеры продолжали взмывать, едва успев выйти из ангаров, резко уходя за пределы досягаемости ручного оружия.

Вдруг, несколько бежавших впереди солдат покрылись ярко-зеленым свечением; острая судорога прошла по их телам, и они, как слизьяки расплылись по траве. И сразу же, вслед за туманной дымкой, задрожавшей над землей, выпрыгнулось это – черное.

Кто-то, из отчаянных, попытался перепрыгнуть неумолимо растущее НИЧТО, но невидимое поле не давало пересечь узкое, в один ярд препятствие и толкало их вниз, с чавканьем растворяя в inferнальной черноте растущей на глазах стены.

– Назад! Механический мост – к полосе! – Лицо Слайтона, казалось, лопнет от прихлынувшей к щекам крови, но машина уже шла, выдвигая на ходу стальную конструкцию.

Кое-кто, не дожидаясь полной остановки, вскакивал на капот, чтобы взобравшись на опасно качающуюся стрелу, спасти себя от верной гибели.

Наконец, агрегат выпустил гравиопоры и тут же плотная толпа рванулась вверх по трапу, мешая друг другу, сталкивая слабых, круша челюсти соперникам, сплошной массой втискиваясь в узкий, всего для трех человек проход моста.

Пробка из обезумевших людей перекрыла единственный выход из западни. И вытянувшаяся над НИЧТО, опасно качающаяся стрела, грозила вот-вот рухнуть и стать для всех общим надгробием.

Но не таков лейтенант Грюнер, чтобы лезть в свирепеющую от страха толпу; сбив мощными ударами заграждавших дорогу солдат, он вскочил на бампер машины и ухватившись за каркас несущей конструкции, перекинул через него свое тело; Грюнер всегда находил выход из положения, нашел его и сейчас – прыгая по зыбкой поверхности солдатских плеч и голов, одним из первых оказался на другой стороне.

Трое или четверо пехотинцев последовали примеру Грюнера, как вдруг, застывшая, будто в недоумении стена, рывком повернулась вверх и

мост, качнувшись под тяжестью десятков тел, погрузился в нее, словно корабль в набегающую волну; фейерверк изумрудного огня брызгами разлетался по сторонам и вместо жерла моста, с копошащимися в нем солдатами, получилось черное непроницаемое НИЧТО.

Данг в ужасе обхватил голову и дико, нечеловечески закричал; захлебываясь, задыхаясь от вопля, он побежал прочь от этой страшной черной стены, пока не оказался на строевом плацу у фасада казармы.

– Н-нет, я не хочу! – Данг упал ничком и в отчаянии заколотил руками, разбивая их в кровь. – Я не хочу умирать! – Он в истерике катался по плацу, бился всем телом об избитую подошвами кремнепластовую поверхность, но стена неумолимо сжималась к центру образованного ей периметра, чтобы с плотоядным вожделением наконец-то поглотить его – Данга.

Но вдруг, словно ледяной огонь жидкого азота обрушился на голову Данга; он так и остался лежать с задранной головой, будто впаянный в раскаленную жаровню строевого плаца.

На углу казармы стоял Жак и, покусывая травинку, наблюдал за его, Лэнга, художествами; как ни в чем ни бывало он гонял ее из одного угла губ в другой и посмеиваясь, смотрел на неподражаемую герменевтику стохастических телодвижений.

– Ты, ты почему здесь стоишь? – Данг медленно поднялся и, расставив в стороны сжатые кулаки, неверным шагом направился к Ренуару. – Ты почему здесь стоишь, я спрашиваю?! – Его почему-то злило непринужденное безразличие Жака, и было одновременно радостно, что рядом живой человек.

– Ты почему?... – Переспросил Данг уже в третий раз.

– Так, все командиры сбежали, запрещать некому. – Вполне серьезно ответил Жак и, сплюнув травинку, полез за сигаретами в карман.

– Ага, теперь понятно. – Данг, словно кого-то увидеть, огляделся по сторонам, – значит, теперь стало некому запрещать?

– И приказывать тоже. – Жак улыбнулся и прикурив от зажигалки, бросил ее в достигшую высоты второго этажа НИЧТО.

– Так ты сказал? – Необязательный в подобной ситуации ответ вдруг исполнился бездонной глубины, и приступ неудержимого смеха начал сотрясать Лэнга с той же силой, что и страх – несколько минут назад. – Как ты... ха-ха-ха, – Данг махнул руками, взвизгивая, всхлипывая, едва держась, чтобы не рухнуть наземь и не забиться в новом пароксизме конвульсий; это была реакция на пережитое только что отчаяние.

Неожиданно все оборвалось, будто срезанное бритвой, и в звенящей тишине мысль с почти галлюцинаторной яркостью, детально прорисовала весь дальнейший путь к спасению.

– Ну, чего смотришь? – Жак выпустил несколько табачных колец и, глядя с прищуром на свои упражнения с дымом, ткнул сигаретой в меньшее из них.

– И вообще, не надоело суетиться? Постоял хотя бы минуту... не о чем разве поговорить?

– Нет, именно сейчас, не о чем. – Данг уже знал, что делать, поэтому бесцеремонно схватив Жака за воротник, толкая взащей повел его впереди себя. – А сейчас, делай как я, философ доморощенный.

Вбежав, таким образом на второй этаж, Брангор оттолкнул в сторону ничего не понимающего Жака и, подойдя к железной двери в углу коридора, вlepил в нее рассеянный плазменный заряд: лопнув по диагонали и смявшись как фольга, дверь вылетела вместе с коробкой, открывая вход в помещение, где хранилось всякое старье.

– Жак, за мной. – Лэнг нырнул в завесу поднявшейся пыли и наугад пошел через темную, заставленную ящиками комнату. Интуиция не подвела и на этот раз, сразу, в углу, увидел ионный элемент глайдера – генераторную пластину, четыре на пять футов, которую однажды использовали для подъема радара на башню слежения. – Все на месте: ремни, батарея питания, дистанционный пульт. – Данг лихорадочно обшарил элемент, щелкнул тумблером управления и, завибрировавшая пластина плавно поднялась вверх.

– Не вешай нос, Жак! – Брангор радостно кивнул стоящему у входа Ренуару и выстрелил в задернутое стальным желюзи окно; в проем из оплавленного металла смотрела подступившая под самую казарму стена.

НИЧТО сжималось по всему периметру базы, оставляя после себя лишь багровую, матово отсвечивающую поверхность.

Мертвящий озноб липким потом наполнил тело; в воздухе тихо звенел ионный элемент – все было готово к взлету, но черная стена гипнотизировала своей непостижимостью, своей мерной неумолимой поступью: она не отпускала.

Жак плавно проплыл через все помещение, взял Брангора за руку и повел за собой.

– Данг, уходим, – прозвучало будто на километровой глубине.

Они шли по затонувшему коридору казармы, а пластина элемента почти беззвучно скользила позади; вот они оторвались от поверхности и

сами собой всплыли на крышу двухэтажного здания. Теперь они могут всплыть со дна этого страшного океана, но тут Брангор снова пришел в себя.

Застегнуть ремни крест-накрест было делом секунды.

– Ну Жак, с Богом! – Данг с силой надавил на кнопку вертикального взлета, и тонкая вибрация сотнями игл вошла в привязанных к элементу людей.

Последнее, что Брангор успел заметить – угол казармы, охваченный ярким, фосфоресцирующе-изумрудным огнем.

...Данг оторвал руки от лица и посмотрел на сидящего рядом Жака; приступ медленно затухал, обнажая под мерцающими углями бреда островки холодного сознания.

– Знаешь, Жак, – вытолкнул Брангор высохшими губами, – в последнее время я очень много размышляю над прожитой жизнью: думаешь, думаешь, ночи напролет. И пришел к очень простым выводам.

– Брось, Данг, – Ренуар отхлебнул следующую порцию вина и безмятежно посмотрел на играющих в сквере детей, – ни к чему эти мысли не приведут, – он поболтал остатками алкоголя и сделал еще один глоток, – в петлю утянут... вот, этим только и спасаюсь.

Брангор вдруг вцепился в Жака обеими руками и зашептал яростно, комкая слова, стремясь как можно скорее выплеснуть клокочущую внутри магму.

– Верно, верно ты говоришь. Как обо всем передумаешь, так и хочется с собой это – самое... Темно впереди, а прошлое, умерло. Верно-верно, и все наши страдания и болезни оттого...

– Брось, Данг. Не надо исповеди. – Ренуар вдруг весь съежился и померк.

– Нет, я скажу, я скажу, – еще яростнее забормотал Брангор, временами доходя до нечленораздельного клекота, – я скажу – неправое дело мы делали. Мы убивали... Убивали.

– Нас тоже убивали, – подавляя раздражение произнес Ренуар.

– Эх ты, – Брангор схватил Жака за плечи и с силой развернул его к себе, – ты стал совсем другим за эти годы, совсем другим: мы словно обменялись ролями. Ты стал, как я – прежде, а я – как ты. Но вспомни, вспомни – ведь это же была преступная война: мы были сильнее, расчетливее, изощреннее. Ну и пусть бы они владели своим НИЧТО, ведь они же не выходили в космос; но мы убивали, сначала тех, кто против нас, а потом всех остальных, целыми селеньями, с детьми, а они очень похожи

на наших, земных, вот тех – тех, что прыгают сейчас под деревьями. Я не сплю из-за этого по ночам, Жак. А потом, мы облучили планету жестким пси-полем, и они умерли – все... И я хочу сказать, – Брангор смотрел на друга воспаленным, едва ли не безумным взглядом. – Нам не надо было тогда улетать. Не надо. Ты был прав.

Жак медленно поднял голову, взглянул на мгновение выцветшими голубыми глазами и отвел лицо в сторону.

– Сейчас уже ни к чему думать об этом. Прошлого не вернешь.

– Да, ты прав, – Брантор уронил руки на колени и опустошенный неожиданной вспышкой, замолчал.

– Хотя, – на лице Жака появилось лукавое выражение, – почему бы не вернуть? По крайней мере, можно попытаться. – И пояснил, в ответ на вопросительный взгляд Брангора. – Тут, за углом, есть маленький театр снов. закажем сериал звездных войн... А?

– Не знаю, мне все равно. Да и стоит ли? – Данг лишь устало пожал плечами.

– Стоит-стоит, – Жак допил содержимое бутылки и выкинул ее в кусты. – Пошли. У меня как раз завалились лишние десять дайров.

– Ну, так уж и лишние? – Слабо возразил Данг.

– Ерунда. – Жак уверенно взял его за руки, – не так часто мы встречаемся.

В театре снов Ренуар подал оператору десятидайровую бумажку и попросил что-нибудь эдакое, о битвах с аборигенами-негуманоидами. Оператор двусмысленно хмыкнул и вежливо заметил, что это обычно смотрят школьники среднего возраста.

– Сэр, – Жак учтиво поклонился и даже приложил руку к сердцу, – сделайте, что вас просят, тем более, что нам нужен даже не сюжет, а общий фон, антураж., а уж остальное – мы сами.

– Как хотите. Слово клиента – закон. – Оператор пожал плечами и вытащив из ячейки кристалл, назвал номера шлемогенераторов в зале.

...Пристегнутые к ионному элементу, они скользили над сельвой, в сторону главного космодрома; тонкая вибрация отслужившего свой век генератора сотнями иголок прошивала тело: и когда работающий на пределе элемент начинал опасно дергаться и завывать, это становилось нестерпимым.

Пытаясь отвлечь себя от вибрации, Данг застывшим взглядом смотрел туда, где пенилась взрывами крон и извивалась лианами сельва Тумоса;

Она словно ждала, когда тонко воющий аппарат вдруг захлебнется и рухнет в ее клокочущее хлорофиллом, жадно раскрытое чрево.

– Только бы не попасть под мазер аборигенов. – Содронулся мысленно Данг, и на всякий случай повел аппарат за пределы уверенной досягаемости оружия.

Элемент еще сильнее задрожал на подъеме, отчего в мозгу с противным визгом завертелась слышанная от кого-то фраза, – Боливар не вынесет двоих... Боливар не вынесет... не вынесет...

А уходящая вниз сельва продолжала жадно шевелить присосками крон, с нетерпением ожидая новые килограммы биомассы, которые следовало пожрать, переварить, пустить в естественный круговорот веществ.

– Не дрейфь, Жак! – Брангор прокричал ему в самое ухо, – скоро будем на месте!

Ничего не видящим взглядом, в котором до самого дна было разлито страдание. Ренуар посмотрел в ту сторону, где за деревьями сверкнуло плато космодрома, и снова уткнулся лицом в тыльную часть ладони.

Уже было видно, как транспортный корабль готовится к взлету; внешний диск его начал медленно вращаться, окружив себя всполохами защитного поля.

– Только бы успеть. Только бы успеть. – Сломав ограничитель, Данг поставил двигатель на форсаж, но скорость от этого не прибавилась.

Между тем, диск транспорта остановился; тут же погасло и свечение.

– Только бы успеть, – Данг уже повторял это как заклинание, как молитву. – Успеть, успеть... Осталось не больше минуты полета. – Вдруг кольцо звездолета дернулось и начало быстро вращаться в обратную сторону. – Все... старт. – Данг почувствовал, как сердце больно ударилось о лопатку и словно пойманный голубь, затрепыхалось в вакууме груди.

Вращение кольца в несколько секунд достигло апогея, и транспорт, вворачиваясь в энергетический тоннель, медленно пошел вверх.

– Остановитесь! – Данг закричал, безумея от отчаяния и выхватил бластер, начал беспорядочно палить в набирающую ускорение машину.

– Негодяи! Подонки! – Блангор круто взял на себя и по касательной пошел вслед уходящему транспорту. Ионный элемент теперь стал орудием мести – носителем рвущегося к звездолету плазменного потока; пройдя несколько раз мимо дискоида, сверкающей луч ударил наконец в его центр, и тут же вокруг уходящей в пространство машины полыхнул короткий разряд.

На секунду все замерло, как если бы линза небосвода сконцентрировала в своем фокусе голограммный снимок в натуральную величину.

Такое замирание бывает перед ядерным взрывом или спонтанным выбросом энергии. И тогда – ураган из мегалитических глыб обрушивается на человека, дерзнувшего оказаться на пути, и сметает его прочь, не оставляя надежды на спасение.

Мощный удар разрушил голограммный мираж и словно щепку, попавшую в хобот смерча, потащил аппарат с привязанными к нему людьми, в непроницаемую мглу. Крик Брангора разорвал его пополам, и он уже физически чувствовал, как железобетонные блоки воздуха перемальвают его и Жака, тела, вытряхнув наизнанку легкие, внутренности; размазывая по грохочущим атмосферным недрам, неведомо откуда пришедших на эту планету существ.

Их то прижимало к самой земле, то, наоборот, выбрасывало в тропосферу, к слоистым облакам и Данг видел, как шлейф темной венозной крови растирается камнепадом воздушных глыб по мраморной чаше раскаленного добела небосвода. Потерявший управление аппарат вращало как сорванный с дерева лист, и вместе с ним вращалось, на сотни ярдов взрезая окружающее пространство, рвущееся из бластера, лезвие огненного луча.

Неожиданно все стихло, и генераторная пластина, словно по накатанной поверхности понесла их над застывшей в безличности сельвой; только свист ветра холодным лезвием прорезал эту выкачанную тишину, не оставляя, ни мыслей, ни чувств, как если бы Данг слился в одно целое с аппаратом, выполняя функции включенного на холостой режим электронного мозга.

Плавающая цокающая капля от соударений звенела, как металл скрежывающихся шпаг. Цзинь, цзинь, цзинь! Да, именно так звенят капли, падающие на сталактиты; капля известного раствора отрывается от сталактитного острия и летит вниз, на другое острие, и потому вокруг этот сплошной металлический звон. Ведь сталактитов и сталагмитов слишком много, настолько, что нельзя сосчитать их число. И каждая капля, сорвавшаяся с известковой горы на одной планете, должна преодолеть предписанное расстояние пространства, и упасть на строго определенную гору; другой планеты, другой системы, другой галактики. Капля по капле, миллиарды лет они будут тянуться навстречу друг другу: сквозь вакуум,

космический холод, радиацию звезд. Будут тянуться до тех пор, пока десятки манвантар не растают в призрачном прошлом. И тогда...

Пересиливая себя Брангор медленно поднял чугунную голову и сквозь розовый туман увидел, что Жак неотрывно смотрел вперед и глаза его широко распахнуты от ужаса. – ОНО пожрало реактор. – Лихорадочный шепот Жака слился в унисон с бритвенным свистом ветра и сознание Данга, как дельфин вынырнуло из омута каталепсии; они летели прямо на багрово-фиолетовый смерчеподобный колосс. Тот словно огромный змей, с необычайной легкостью ломая силовые поля, выталкивал в зенит свое катастрофическое тело. Казалось, его торжествующий рост не кончится никогда. Но вдруг, когда клубящийся столп достиг самого поднебесья, он ткнулся головой о невидимую преграду и начал медленно распадаться на десятки черных извивающихся щупалец: которые потекли к ним – летящим в объятия циклопической гидры, пришельцам.

...Данг очнулся и с омерзением отшвырнул мелких, тычущих в лицо присосками тварей.

Приподнявшись из зарослей травы и опершись на сбитые руки, он осторожно огляделся по сторонам; пластина ионного элемента дергалась, заклиненная между двумя могучими стволами: ее надсадный вой то и дело срывался в обиженное гуденье, словно это был не бездушный аппарат, а какое-то насекомое, попавшее в западню.

– Жак. – Тихо позвал Брангор и поднялся на ноги.

– Данг, ложись. – Распластавшийся за наростами корней Ренуар показывал стволом бластера куда-то вперед.

Невдалеке, в тридцати-сорока ярдах, мелькнуло несколько теней, и снова все замерло.

– Термиты. – Данг, как подкошенный, рухнул в кусты, и над его головой сверкнула спица лазерного луча. Брангор сделал отчаянный прыжок из ненадежного укрытия, и прокатившись по траве, оказался рядом с Жаком.

Несколько очередей, проследовавших за ним вспышками, оставили на стволах обугленные полосы и срезали верхушки молодой поросли.

– Откуда у них эти "мушкетеры", – свистяще прошипел Брангор, залавливая дрожь, начавшую колотить так, что застучали зубы.

– Контрабанда, чего тут не понять, – коротко отозвался Жак, заметив цель, сделал несколько выстрелов. Но тут же, около десяти спиц, перехлестываясь друг с другом, бешено заплясали над головой.

– Уходим, перебежками. – Жак выпустил в сторону зарослей огненный протуберанец, и перекатившись через плечо, побежал к следующему укрытию.

Брангор кинулся следом, и петля из стороны в сторону, то и дело падая, вкатился наконец за вздувшийся корневой бугор. Заметив отступление, термиты ринулись в почти открытую атаку, но тут же вновь рассыпались за стволы деревьев.

– Жак, один готов! – Брангор чуть было не запрыгал от восторга. – Кажется второй тоже, Жак! – Он обернулся назад, и похолодел: прислонившись спиной к членистому стволу, недоуменно улыбаясь, Ренуар смотрел на детеныша термита, стоящего в десяти-двенадцати ярдах от него. Данг не поверил своим глазам – в тонких вытянутых руках термита, отливал вороневой сталью, нет, даже не пистолет, а револьвер девятнадцатого века, из таких стреляли во всех ковбойских фильмах, и он вспомнил марку – револьвер системы "Смит-Вэссон". Это было равносильно тому, как если бы в двадцатом, на пороге двадцать первого века, стрелять из кремневого ружья.

По земным меркам, детенышу было лет семь, не больше: хитиновый слой отсутствовал полностью, и кожа, светло-коричневая, как у креолов; если бы не пара усиков над висками и не отсутствие ушных раковин, можно было бы спутать.

– Жак, – едва слышно произнес Брангор, но он, ничего не замечая, по-прежнему, с улыбкой смотрел на детеныша; этот карапуз, судя по его неумелому обращению с оружием, видимо, никогда ни в кого не стрелял, но его вели ненависть и страх, и он направил вороненый ствол в первого, кто был похож на убийц его соплеменников.

Револьвер дергался в его тонких руках, и грозя утянуть за собой, мотался из стороны в сторону: было даже видно, как он дрожит от иступленного желания отомстить, как нервно вздрагивают усики; и глаза – расширенные от напряжения, отчаянья и страха.

И Ренуар, словно забыв, что на него смотрит смерть, вновь удивленно улыбнулся и, обескураженно почесав в затылке, пошел к детенышу аборигенов, как идут к ребенку, чтобы отнять опасную игрушку. Болтающийся из стороны в сторону ствол испуганно вздрогнул и устоял в центре груди Жака.

И Данг понял, что это произойдет, именно сейчас.

Лэнг закричал, зажмурившись, так же как Грюнер когда он приказал жечь двухгодовалых детей и выпустил заряд по тому, кто принес свинец в

своих неокрепших руках. Но за мгновение до этого, короткий хлопок сухо разорвал полуденную тишину.

Крик – обретший самостоятельность, полетел следом за эхом хлопка: и Данг кричал, не в силах остановиться, потому что сам стал воплощением крика; сдернутый с бластера ограничитель словно гильза юркнул в траву, и Данг рванул запредельный форсаж, круша словно солому метровые в объёме деревья. Он палил направо, не глядя и не выбирая цель, заходясь в истошном надрыве, потому что Жака больше не было, потому что все зря, все дрянь, все низачем, и этот лес поглотит каждого, кто не знает его законов, кто пришел сюда, чтобы убивать. И он поглотит неминуемо его – Брангора, агонизирующего трансцендентными потоками плазмы, как поглотила только что, бывшего рядом человека, ибо термиты – мыслящие неразрывные части Тумоса, выполняют волю этой страшной и непонятной планеты.

Данг швырнул раскаленный, с израсходованной батареей бластер и кинулся к Ренуару, остекленевшие глаза которого застыли в умиротворенном изумлении, и улыбка, чуть изогнувшая сомкнутые губы, словно говорила о понимании какой-то новой, пришедшей перед самой смертью истины.

– Жак! – Брангор тряс за плечи расprostертого на траве друга.

– Жак! – Вокруг мельтешили пришедшие в театр зрители; оператор, выпучив глаза, на цыпочках бегал по залу, отчего был похож на хомяка, что в цирке научаются бегать в рост, смешно поджав передние лапы.

В дверь заскочили двое в белых халатах, и следом за ним – полицейский. Молоденькая медсестра с ходу раскрыла свой чемоданчик, привычно поставив датчики на голову и грудь.

– В крови алкоголь... Сердце не прослушивается. – Словно из тумана услышал Брангор. – Дыхания нет.

– Что вы понимаете?! Что вы можете понять?! – Расталкивая всех, Данг рванулся к Жаку и, упав на колени, рыдая, прижал к себе его холодеющее тело.

– Что вы можете понять?! Что вы можете знать?!... Он погиб! Погиб на этой войне! На этой секретной войне! – захлебываясь слезами, Данг кричал им, всем – отдирающим его от умершего: полицейскому, оператору, врачам, зрителям. – Он остался Там, вместо меня! Понимаете, он остался! Что вы можете об этом знать?! Что вы можете знать?! Что вы можете... знать!?

Александр Логунов (Сороковников).

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОКТАПОДА.

Властитель светоносного государства Джек Там Крин летел в Великому Учителю впервые. Его сделанную из саговниковых ветвей кибитку легко несли три гигантских птеранодона; возчик Йы Ону закончил кормление рептилий, используя для этого подвижные шнуры, и начал готовиться к снижению.

Их долгий, более чем в сутки путь, подходил к концу.

Все правители тысячелетней династии Кринов, начиная с основания Драдо Даро, с наступлением года Дракона, летели к Великим Учителям. Так случилось и теперь; Земля еще не прошла и одного года вокруг Солнца, как Тан Тар Крин ушел в мир тишины и звезд; и лишь совсем недавно Джек прошел обряд посвящения, чтобы занять место своего отца.

Возчик Йы Ону поправил на голове повязку с кристаллами и мысленно приказал птеранодонам снижаться. В головы рептилий были с рождения вживлены крупницы мыслепроводящего камня, и потому они немедленно скользнули вниз, постепенно приближая кибитку к громоздившимся внизу скалам.

Вскоре экипаж достиг горного плато, от которого Джаку предстоял путь еще в одни сутки, ибо простирающийся впереди перевал был для летающих ящеров непреодолим.

Снизившись до безопасной высоты, Ону приостановил рептилий и сбросил вниз рулон лиановой лестницы.

Не спеша спустившись по ней, Джек Тач Крин дал вознице знак рукой и отправил его обратно; через пять суток уже новая упряжь птеранодонов должна прибыть за властителем.

Когда-то, сотни веков назад, благодаря священному выбору Учителей, племена стеннообразных были возвышены над живым миром, чтобы обрести власть над ним. Именно Учителя дали им наследственную память, когда каждый следующий потомок помнил опыт своих предков.

Так возникли касты: ученых и ремесленников, слуг и охотников, воинов и скотоводов, военачальников и правителей – и каждое новое поколение все больше овладевало сферой своего знания.

Джак шел к Великому Учителю впервые, но знал этот путь во всех подробностях, потому что его прошли отец, дед – все многочисленные Крины, с того первого хождения в первый год Дракона. Каждый встречный камень, каждая скала указывала Джаку – твой путь верен, ты движешься к цели в единственно верном направлении.

Наследственная память интенсивно работала и попутно с воспоминанием дороги, в сознании Джака всплывали отличные картины начала образования их государства...

...Из-за горизонта, навстречу стеннонам, словно наяву двигалась армия воинственных стеннов, не пожелавших жить в мире со своими братьями, поправ все священные заветы Учителей.

И вот – обе армии столкнулись подобно гигантским волнам, от соударения которых кровь закипала, словно морская пена среди рифов и скал.

Избранники высшей воли вонзали в тела противников пилы клыков, рвали их когтями трехпалых рук и добивали павших острыми когтями шпор; так многие десятилетия уничтожали друг друга братья по разуму и враги по вере.

Нашествия повторялись еще и еще раз, но как ни храбро бились стенноны, стенны количеством теснили границы страны Кринов к трудным для жизни горам. Но когда пришел к власти десятый потомок Драдо Даро Крина, Учителя открыли ему способность кристалла двух лун, передавать мысли от одного существа к другому, ремесленник Гон Таро впервые изготовил его.

И наступил век благоденствия. С помощью боевых животных с вживленными кристаллами, стенноны восстановили границы. Снова труженики могли пасти скот, возделывать поля и производить орудия труда.

Но лазутчики стеннов похитили секрет кристалла и спустя сто лет на светоносное государство покатались армады завоевателей. Теперь вместо

воинов мчались полчища гигантских кровожадных тиров, которыми управлял всего один стенн-погонщик.

И уже почти не осталось во владениях Кринов богатых пищей лесов и возделанных равнин, но Кет Дон – пятнадцатый потомок Драдо Даро, выслал навстречу тирам стиростегов – надежно защищенных панцирем с рядами шипов и остроконечных пластин. Теперь это была битва не воинов, а ужасающее столкновение боевой животной силы.

Джак видел, как одно за другим захлебывались наступления кровожадных гигантов, когда они, ослепленные яростью, пропарывали свои брюшины о шипы и пластины стиростегов; как подобно огромным змеям вываливались наружу их внутренности, а сами тиры в конвульсиях падали на окровавленную землю.

И снова на десятки лет вернулся мир. Но однажды, неисчислимые стаи птеранодонов от края до края закрыли весь небосвод.

Гонимые изощренным коварством стенны все эти годы плодили летающих ящеров и когда число их стало огромным, воины, превратили крылатых рептилий в боевые машины; Каменные дожди обрушились на стада стиростегов, проламывая их панцири, как тонкие скорлупки зародышей.

Тогда стенномам тоже пришлось подняться в воздух, и война перешла с земли на небо. Гигантские ящеры сталкивались под облаками, ломая крылья, а оседлавшие их воины сдергивали друг друга, пользуясь шестами и гибкими лианами; и снова кровь лилась потоками, и страданиям не было конца.

Вот уже семь веков прошло с тех пор, как открыт кристалл мысли, которому нашли столько ужасных применений. Если стенноны использовали кристалл двух лун, чтобы управлять динообразными, то стенны применили его для управления себе подобными; если в стране Кринов он применялся во благо жизни, то в империи Шаров – во имя уничтожения ее.

Семьсот лет прошло, как появился этот проклятый камень, ибо знал Джак, что Ёа Щар – последний потомок первого Щара, расколовшего племени стеннов и стеннонов, хочет начать войну над небом.

Лазутчики Джака видели, как с помощью больших и высоких кристаллов, тяжелые камни отрывались от земли и улетали так высоко за облака, что видеть их не было никакой возможности. Будь проклят день, открывший путь к познанию. Будь проклят день, когда Учителя сделали их своими избранниками.

Обуреваемый мрачными воспоминаниями Джак Тач Крин упорно взбирался по скалам и полз над пропастями, почти не останавливаясь на отдых; он шел весь день до захода солнца, и когда заря восхода забрезжила над горизонтом, Джак снова двинулся в свой полный опасностей путь.

Добравшись к вечеру второго дня до высокогорного плато, Джак понял, что пришел, и начал убирать камни из небольшой в несколько метров окружности, котловины.

После часа работы ему открылось дно, гладкой, матово поблескивающей чаши, в которую без труда можно было вместить молодого стиростега. В центре чаши находилось глубокое вертикальное отверстие. – Поэтому здесь и не скапливается вода, – подумал Джак, – хотя, возможно, отверстие несет и еще какое-то назначение.

Он знал, что силовой стержень чаши уходит на сотни метров вглубь скал и использует при работе магнитную энергию Земли.

Встав у края, пугающего абсолютной чернотой отверстия, Джак сосредоточился на своем теле и почувствовал, как пронизался необычайно высокой вибрацией, отчего мышцы напряглись и словно потеряли вес.

Сейчас надо мысленно оторваться от поверхности, еще сильнее сосредоточить внимание... небо притягивает меня... без всяких усилий... небо притягивает... И вдруг стало совсем легко, а плато пошло вниз, и уже видно, как горы простираются под ним – Джак Тач Крином.

Сколько длился полет, Джак не знал, единственное, что осталось в памяти, это тончайшая вибрация, которая сразу же начинала ослабевать, если он отходил от верного направления; только одна мысль владела им – держаться высокой вибрации – единственного маяка в безбрежном воздушном пространстве. Путь Джак Тач Крина шел над океаном, но он не замечал ни волн, ни облаков, главное – не потерять далекого, каким-то седьмым чувством воспринимаемого ориентира. Но вот, мощь вибрации возросла и Джак понял – конец пути близок.

Вскоре на горизонте показался берег, а еще через час правитель светоносного государства приземлился, в такой же, как и в его горах, каменной чаше...

...Утром Джак Тач Крин покинул отведенные ему покои и вышел в сад, пьянящие запахи которого навевали состояние безмятежной отстраненности, словно не было опасных приготовлений на границах страны Кринов. Это был странный, ни на что не похожий сад; окружающие Джакка деревья имели, либо длинные многометровые листья

либо маленькие, овальные, тысячами усеивающие ветви и образующие величественные кроны. Со многих из них свисали разнообразные плоды, что были поданы вчера в качестве угощения.

Между рощами и аллеями деревьев росли совсем уж невиданные цветы, воспоминание о которых отчетливо воспроизводилось в наследственной памяти Джака; оказалось, именно они издавали запахи, навевающие истомную легкость и безмятежный покой.

Еще более удивительным оказалось отсутствие вездесущих рамфоринхов и птеродактилей, но зато, с деревьев испаривали другие обитатели воздуха; их тела и крылья были покрыты не чешуей и перепонками, а... ах, да, перьями... археоптерикс, – вспомнил Джак.

Он шел через рощи, пересекал полянки с цветами, наклонялся к каждому лепестку и никак не мог насладиться потоком невыразимого фимиама; запахи цветов его страны были терпкие и резкие, зачастую испражнявшие агрессивную горечь.

Джак Тач Крин шел от аллеи к аллее, стараясь впитать в себя все: запахи, деревья, цветы – все сразу и каждый в отдельности... Запомнить каждой чешуйкой кожи, окончанием нерва, каждой жилкой и мышечным волокном: кто знает, может быть посещение этого острова больше не повторится. Джак оглянулся; и увидел... Учителя.

Он шел навстречу, с другого конца аллеи; сглаженные расстоянием очертания внешности едва обозначались, но не узнать его было невозможно. Чувствуя, как заколотилось сердце, едва сдерживая себя, чтобы не побежать навстречу, Джак двинулся к Учителю. Да, это был он, непохожий ни на кого из стеннонов.

И чем ближе Джак подходил к Нему, тем сильнее переполнялся ощущением собственной ничтожности, что горячей кровью заливало сознание, сокрушая мысли и ломая слова – никак не желающие соединиться в фразу приветствия; и язык, словно высох и омертвел... Джак сделал еще шаг на подкосившихся ногах и упал, не смея поднять лицо, Джак – еще никому не поклонявшийся.

– Встань ученик. – Мягко произнес Мудрейший. – Встань и будь равным мне, ибо лишь между равными может быть понимание.

И спокойствие проникло в душу Джак Тач Крина: он поднялся и пошел рядом с Учителем, которого знал от своих предков уже тысячу лет.

Великий и Мудрейший был похож на стеннонов только внешне: так же у него было две руки и две ноги, и одна голова, и рост – ненамного превышающий Джака, но на этом сходство и кончилось. Кожа Учителя

имела темно-красный цвет, а черные глаза, казалось, занимали половину лица. На руках и ногах его, было по шесть длинных тонких пальцев.

Учитель и Джак молча прошли по дороге сада и им не требовалось слов, потому что оба понимали чувства друг друга – чувства доверия и покоя.

Также молча, без единого слова прошла утренняя трапеза и когда Джак Тач Крин с благодарностью поднялся и хотел объявить о цели своего прибытия, Мудрейший предупреждающе поднял свою шестипалую руку.

– Я знаю все, мой ученик, – произнес он и отошел к арке, сплетенной из вьющихся цветов, – существование Земли в небывалой опасности, – большие глаза Учителя устремились вверх, и казалось, он что-то видел за пределами небосвода.

– Земли стеннонов? – Переспросил Джак.

– Нет, всей Земли, – ответил мудрейший и обернулся к правителю.

– Значит ли это, что стены все-таки начнут войну? – Холодея от страшных предчувствий, спросил Крин.

– Она уже началась. – И лицо Учителя из темно-красного стало багровым.

Джак почувствовал, как звенящее оцепенение каменной твердостью стянуло все мышцы, а невыносимое отчаяние стало выламываться из груди как извержение вулкана, и не найдя выхода, с катастрофической силой ударило о дно черепной коробки.

– Война началась! Что делать?! Почему Учитель молчит?! – Джаку не хватало дыхания, он хотел бежать, но не смог – ноги будто приросли. – Но что же делать?! – Он видел, как кренится небо и сам он падает замертво; и страшный крик, судорожным взрывом потряс все его тело.

– Мудрейший! Как же это! – Джак кричал, не в силах сдерживать затопившее его отчаяние. Все вокруг стало странно плоским, окрасилось в невероятные багровые, черные и оранжевые цвета.

– Но как же это?! Мудрейший! Вы все знали! И позволили мне спать, есть, наслаждаться отдыхом! А полчища стеннов уже льют кровь моего народа! Как же это?! – И Джак упал буквально захлебываясь в своем крике.

– Успокойся, друг мой. – Учитель подошел к лежащему на земле Крину и положил руку на его содрогавшееся в рыданиях тело. – Уже когда ты летел сюда, остановить что-то было невозможно... сядь на камень, что

рядом с тобой и я расскажу тебе свою историю, и историю вас – стеннонов; первому из живущих на этой планете.

Бездонная пустота заполнила все существо Джака, он молча сел и приготовился слушать. Учитель тоже замолчал, словно желая отчетливей увидеть в тишине глубины своей памяти, и лишь затем неторопливо заговорил.

– Когда существа, подобные мне, прибыли на вашу планету, нас было более трех сотен. Измученные долгим перелетом люди, в надежде найти долгожданное спасение, высадились на третьей планете солнечной системы... Та планета, где жили мы, имела много государств, находившихся в состоянии вражды друг с другом. И однажды, вероятно это случилось без участия человека, были применены все виды оружия глобального уничтожения. Взрывались ракеты с антивеществом, орбитальные рентгеновские пушки расстреливали целые города, лучевое оружие мгновенно уничтожало военные корабли и ракеты противника, сейсмические генераторы производили извержения по заданной программе, искусственные смерчи поднимали в воздух квадриллионы тонн воды и грунта. И мы уже не могли остановить этот апокалипсис; техника – управлявшая глобальным оружием, не нуждалась в человеческом контроле. Это была война созданных нами машин – уничтоживших, себя и своих создателей.

Учитель надолго замолчал и Джек, онемев, неотрывно смотрел на его скорбно склонившуюся фигуру. Наконец, он словно очнулся из забытья и заговорил дальше, тихо и бесцветно.

– В результате войны, наша планета, как и другие спутники светила, превратилась в скопления астероидов: жизнь погибла. – Учитель достал свиток с изображением звездного неба и развернул его перед Джаком.

– Смотри, – он указал на центральную часть карты, – мы прибыли из созвездия Октапода. Оно ниже красноватого Альдебарана и похоже на уходящее в пучину чудовище, что собрало все свои щупальца по единой линии; основания его головной части видна маленькая звездочка. Это Тангор. Если соединить его прямой линией с Ригелем – Бета Ориона, то прямо над ней встанет Альфа Эридана – Ахернар.

Тангор – наша звезда, и очень похож на солнце. – Переживая Прошлое, Учитель вновь ненадолго замолчал, но вскоре, речь его полилась также однообразно и размеренно. – Шесть военных кораблей и две станции с окраины системы чудом остались неуничтоженными; горстка бывших врагов сплотилась воедино, в надежде на лучший исход.

Еще до начала войны гипотеза о жизни в системе Солнца будоражила умы многих ученых; спектральные картины говорили о правильности столь смелого предположения. И не случайно, что после катастрофы, слабые кванты Солнца стали единственным маяком в космической бездне.

Прошло шестнадцать лет полета с околосветовой скоростью, в течении которых мы меняли друг друга в камерах анабиоза. Достигнув планеты Земля, экспедиция еще три года не могла высадиться – микробы и вирусы мгновенно убили бы. И лишь выработав биозащиту, мы наконец оставили корабли.

Но перед нами оставалась угроза, отбиравшая всякий смысл борьбы за существование. Она называлась смертью от старости, ведь среди нас не было ни одной женщины.

Несколько ученых еще во время полета, теоретически разрабатывали проблему омоложения организма, а по прибытию на Землю все ученые – математики, биологи, физики, врачи, и даже бывшие военные включились в работу над этой безумной затеей. Огонь надежды охватил каждого, но годы шли – и колонисты уходили один за другим. И когда от экспедиции осталось несколько десятков стариков, наконец был открыт способ омоложения организма и консервации его генетической программы.

Большинство наиболее старых колонистов не выдержало трансформации и умерло в ее процессе; от трехсот посланников Тангора осталось только десять. Наши психические поля и механизмы регенерации стали необычайно сильными; благодаря мощной энергии пси-поля мы могли подчинить любое существо, имеющее зачатки нервной системы, а высокая восстановительная способность сделала время невластным над нами.

Но само бессмертие бессмысленно и соответствует смерти, если нет цели, ради которой надо жить вечно. И мы нашли цель.

Оставшиеся бессмертные стали искусственно ускорять эволюцию некоторых видов рептилий и земноводных. Но только через тысячелетия стало ясно – стенноны единственный вид ящеров, чей мозг способен стать носителем разума.

Естественные миллионнолетние процессы мы уплотнили в столетия, стараясь, насколько возможно, направить ваше развитие по нетехническому направлению, искренне считая, что эволюционируя по пути единства с природой, вы, придете к торжеству разума и гуманизма. Но приобретя сознание – вы, по своей сути остались ящерами.

Учитель оборвал рассказ и посмотрел Джаку в глаза, словно стараясь увидеть через них потаенные и мрачные закоулки его души. Этот короткий взгляд буквально обжег Крина и он невольно потупил голову, как если бы на нем лежала тяжесть неискупленной вины.

– Но Мудрейший, во всем виноваты стенны, – неуверенно сказал Джек, – они отвергли священные каноны, а Бог Щар разделил братские племена.

– Ты многого не знаешь, – с улыбкой остановил его Учитель, – то, что стенны потеряны для нас, мы поняли сразу. Они вырвались из под контроля и вернуть их в прежнее русло было также невозможно, как остановить извержение вулкана. Поэтому мы обратили все усилия на вас – стеннонов, уже имеющих зачатки культуры и науки. Это далось очень нелегко; мы удержали в повиновении государство Крина, но лишь ценой гибели семерых бессмертных.

– Мудрейший! – Джек крикнул и отчаянно замотал головой, – Нет, это неправда, это невозможно, стенноны не ящеры!

Но Учитель продолжал, словно не слыша его.

– Слово – предел, не годилось для определения коварства твоих предков: они строили хитроумные ловушки для нас, потому что знали, как сильно пси-поле бессмертных в прямом столкновении. И если бы не возможность гибели от рук стеннов – Драдо Даро Крина вряд ли бы подчинился нашей воле; с этой точки зрения, кровожадный Щар стал даже выгоден. Ведь именно опасность войны помогла сохранить цивилизацию от окончательного распада.

Джек слушал Учителя, почти прекратив дышать и казалось, сердце тоже остановилось от услышанного. – Нет, нет, нет! – Кричал его взорванный мозг, но постепенно, опустошенное безразличие окутало, заполнило Джака и он понял, – да, действительно, все было именно так.

– А где еще двое Учителей? – Спросил Крина, ибо он не знал, что можно еще спросить, после всего им услышанного.

– Они в северном полушарии, за тысячи километров от нас, – ответил Мудрейший, и в голосе его послышались нотки усталости, – возможно, мои братья направили эксперименты по верному руслу. – Он снова, с тревогой посмотрел на небосвод, – но это сейчас безразлично; война началась и малая Луна смещена с орбиты. С каждым своим обращением она приближается к Земле, до тех пор, пока не рухнет в мировой океан, превратившись в сотни гороподобных осколков.

Учитель замолчал ненадолго, вслушиваясь в себя в понимании некой важной мысли, затем, медленно, с расстановкой продолжил.

– Только теперь, когда все скоро кончится, я понял, что попытка внести на Землю искру сознания была преждевременной, и она также угаснет как угаснет, садовый цветок посаженный в сельве. Вмешательство в естественный эволюционный процесс не может пройти безнаказанно: преждевременный всплеск будет неминуемо выравнен, стерт окружающими условиями, ибо ничто не существует отдельно и само по себе.

Учитель снова умолк и его, начавшая возбуждаться речь, полилась ровно и спокойно. – Поэтому я верю, настанет необходимость в рождении Разума, он появится ни смотря ни на что. Возможно, пройдут миллионы лет, но это неважно, ибо эволюция жизни во Вселенной, к счастью, направлена в одну сторону – в сторону качественного усложнения психической материи.

Словно в полусне Джек слышал слова Учителя и разрывая нити их нереальных тягучих образов, спросил, будто вырываясь из бездны бреда.

– Но что же с нами будет?

И услышал страшный, невозможный ответ от того, кто спасал страну Кринов на протяжении многих столетий.

– Все динообразные вымрут. Вторая Луна не пощадит никого; километровые волны затопят материки, ураганные шквалы вырвут с корнями целые леса, радиация лавиной хлынет через прорванную атмосферу, облака черной пыли полностью скроют солнце, мертвящим холодом оденутся полюса планеты и ваш континент окажется под толстым слоем твердой воды; жизнь замрет, но не погибнет совсем. – Учитель вновь с тревогой посмотрел на небо, после чего задумчиво продолжил. – Выживут те, кто имеет максимум способностей к приспособлению и не требует большого количества пищи; вероятно, ими будут теплокровные живородящие существа, малочисленные и не заметные сейчас – они заселят опустошенную планету... и примут эстафету жизни, поэтому, я могу умереть спокойно.

– Мудрейший и Всесильный! Я знаю, вы можете, но не хотите нам помочь! – Джек упал к ногам Учителя, стремясь вымолить всевышнюю милость. Он знал, что Мудрейший сжалится над его страданиями и он молил, молил, молил своего единственного господина и друга на этой Земле.

Но Учитель оставался глух и безразличен, и к Джаку с окончательной ясностью пришла мертвящая душу мысль, – да, он мудрый и всесильный, действительно, сейчас слабее младенца.

– Но может быть еще что-то возможно, – со слабым отголоском надежды прошептал Джак. – Нет, мы уже тысячу лет только советники, – твердо ответил Учитель, – зло вырвалось из-под контроля, и лучше, если оно сейчас погибнет от собственной руки. Пусть наше неудачное детище перестанет существовать... Отправляйся домой, Крин, – уже без гнева обратился к нему Учитель, – а впрочем, можешь и остаться, ибо сейчас, ничего уже не изменить.

Не помня себя, словно в сновидении, Джак прошел через сад, стараясь не повредить ни один цветок. Каким-то образом добрался до взлетной поляны, нашел на ней каменную чашу и очнулся уже высоко над Землей. Его полет прерывался провалами бреда, и лишь какими-то окраинами сознания он чувствовал тончайшую вибрацию, позволявшую держаться нужного направления.

– Ураганы пыли, волны высотой в гору, – слова Учителя взрывались в воспаленном мозгу, гудели, напоздали друг на друга, сталкиваясь и деформируясь от соударений, – вымрут динообразные, твердая вода покроет страну стеннонов... но разве вода может быть твердой?... радиация... океаны мрака... искра гаснет... ураганы... психическая материя... цветок в джунглях... твердая вода...

Нескончаемый день сменился такой же нескончаемой ночью, которую освещали те же две луны, но Джак, возвращаясь из бредовых провалов, замечал, как меньшая из лун неумолимо увеличивалась в размерах, становясь больше главного земного спутника – в два раза, потом в четыре..., в пять... Пока не спрятала его за собственной сферой.

И когда горизонт осветился пурпуром восходящего Солнца, Луна начала быстро разрастаться, становясь больше его, как если бы, обладая страшным притяжением, она втягивала в себя звезды и увеличивалась за счет них; и вот – только гигантский черно-багровый шар, от горизонта до горизонта заполнил все пространство, плюща невообразимой тяжестью алую от утреннего солнца атмосферу – кровавым потоком брызнувшей из все уменьшавшейся на востоке полосы свободного неба.

Ураганным шквалом Джака бросило вниз, и вдруг ему показалось, что черная громада зависла на сотую долю секунды, но тут же снова провалилась давя темно-кровавый горизонт, снова задержалась... и опять обрушилась вниз, чтобы остановиться на сотую, тысячную долю мгнове-

ния, и тут же... вниз, вниз, вниз – неотвратно проламываясь сквозь лопающиеся слои воздуха, словно нейтронная звезда – поглощая и втягивая в себя: свет, Землю, и само Солнце.

– Спаси нас, Учитель! – Мольба, отчаяние, страх, невыносимая жажда жизни, последний всплеск надежды, все слилось в одно извержение ужаса.

И вечная мгла, погребла под собой всю Вселенную.

Виктор Потапов

ГАДЕНЬШ

Главное – укрыться одеялом по самый подбородок и подоткнуть его плотно под плечи. Тогда никто не доберется до горла и не задушит. Для большей уверенности – ведь одеяло может сползти во время сна и шея обнажится – нужно сосчитать раз, а лучше четыре до 12. Только во время бессонницы или в смутные ночи, когда меняется погода, я окружаю себя восьмью или 12 дюжинами. 4 дюжины – это маленькая стена, 8 – бастион, 12 – Магический Круг. Проникнуть в него не в силах никакая нечисть. Важно не ошибиться, ОНИ всегда стараются сбить со счета, заставить пропустить цифру, чтобы иметь лазейку в КРУГ. Пропустишь цифру и нет дюжины, а нет дюжины – вместо магических четных сумм выходят нечетные, охранная сила которых слаба. Хуже всего, когда присчитаешь лишнюю дюжину к 12, тогда Магический Круг обратится в свою противоположность. И если есть сомнение, то лучше отказаться от насчитаного и начать строить КРУГ сначала.

В ДОМЕ я редко считаю, только в бессонные или смутные ночи. Во время них перегородка между нашим и потусторонним мирами так истончается, что чувствуешь, когда ТЕ кружат подле тебя или проплывают мимо.

СТРАШНО!

Никого нет, но кто-то смотрит в спину, из-за угла, сквозь двери, из темноты. Шевелит ледяным дуновеньем волосы. Чувствуешь: здесь! рядом! А кто?! Что?! И чем чувствуешь?.. Страхом! Только им.

Кто они, узнаю, когда умру. Свезут в тот дореволюционный кирпичный домик с крестообразными узорами на высоких дверях,

который я видел однажды. Там морг. Видел еще ДО ТОГО. Когда хоронил бабушку.

Асфальтированная аллея вниз, под горку, в тихий уголок. Мокрые желтые листья под ногами. Все помню, словно это было вчера.

А может, я и не увижу кирпичного домика? Может, выйду из ДОМА когда-нибудь... Вряд ли!

На мне ведь два убийства (детей!) и сошедшая с ума женщина – их мать. Она тоже здесь в ДОМЕ, но она в счастливом неведении. Ее разум блуждает где-то в приятных местах, а я помню все. Абсолютно все!

Лия была первой женщиной, с которой я не мог расстаться уже полтора года. Нет, это была не любовь, а ненасытное безумие. Покойная бабушка говорила мне: это половой подбор, то, что в сказках называют второй половиной яблока. Самое, самое. Не оторвешься.

Лия, наверное, на самом деле была для меня этим половым подбором. Я дурел от нее, сильнее чем от водки. Как пламенный латиноамериканец хотел ее в любое время дня и ночи. И это несмотря на то, что ей было уже за 30 и она имела 2 детей от разных мужей. Последнее, я имею в виду детей, на Лие почти не отразилось.

Как с ней было хорошо... И как стало страшно в конце. В тот памятный день я сидел за письменным столом и вымучивал абзац за абзацем очередной кусок своей научной поденщины. Стояло лето, за окном мальчишки играли в футбол. Павлик с Вадимом – Лиины сыновья – ушли купаться на Москва-реку. Лия жила на Ленинградском проспекте возле метро "Водный стадион".

Сидел я, мучился, писал рывками какие-то фразы, а настоящие мысли были далеко-о. То вздохну, то о чем-то задумаюсь, а о чем, бог его знает. Очнусь, оказывается гляжу на диван и перед глазами мелькает еще, тая, ее тело. Хлопнет дверь лифта, прислушиваюсь. Томлюсь...

Наконец она пришла. Услышав, как поворачивается ключ в замке, я кинулся к двери. Подхватил ее на руки и понес на диван. Она смеялась. Но недолго. Я успел лишь расстегнуть блузку, как в дверь затрещонили, заколотили так, что сразу стало ясно – случилась беда.

Я отворил дверь: за ней стоял усатый парень в желтой майке и держал на руках Вадима – младшего Лиино сына. Вадим обвис на его руках, как мокрая тряпка, запрокинув мертвенно белое лицо.

Лия вскрикнула, зажала рукой рот, ее качнуло к стене.

Парень шагнул через порог и сказал тихо:

– Мальчик ваш утонул. Качали ему искусственное, ничего не помогает... Мужики хотели бежать – скорую вызывать, да брат говорит: тут рядом... Звоните.

И понес Вадима в комнату.

Это уже было странно: почему не вызвали скорую на место?

Парень положил Вадима на пол. Рядом Павлик скулит. Они очень разные были: Павлик – черноволосый, плечистый, а Вадим – светлый, щуплый.

Все перед глазами стоит, словно сейчас только случилось.

Павлик всхлипывает:

– Дяденька, дяденька, сделайте ему еще. Он оживет. А Вадим лежит мертвый, в серой майке почему-то, рот разинул.

Парень зыркнул на меня, на Лию – она кинулась к телефону, трясется вся, пальцем в дырки не попадает.

Парень ни слова не возразил, опустил на колени и начал делать Вадиму искусственное дыхание. Только что толку – видно – мертвее не бывает.

А Лия никак не может дозвониться – на грани истерики. Я ее оттолкнул, сам начал набирать – занято!

Павлик на колени встал возле брата, бормочет что-то сквозь слезы, не разобрать ничего. Слышу краем уха только:

– Миленький, миленький оживи...

Миленький взял да ожил. Глаза открыл, рот захлопнул, смотрит в потолок.

И настала тишина, как в немом кино.

Меня холодной волной с макушки до пят окатило. Мертвые не оживают! Да и глаза у него были не живые, хоть и глядели.

Так мне стало жутко, что имей я силы, убежал бы, сломя голову. Но меня словно гвоздями к месту прибило. Стою и повторяю про себя: "Быть не может, быть не может..." И так это необычно и страшно: как собака, чую мертвеца, а разум поверить отказывается.

Лия с Павликом бросились Вадима обнимать, а я не смог себя пересилить. Слава богу, они обо мне и не вспомнили. Зато он вспомнил: глянул на меня своими тусклыми стекляшками, словно кобра и отвернулся.

Лия увела Вадима в детскую, я проводил парня. И сел за стол. Взял ручку, чиркнул какую-то загогулину и застыл над листом. Сидел, разбирался в своих ощущениях. Ну вот, как собака чую! Но Господи, разве

можно разумом поверить в такое. При нашей жизни, имея 5 лет института за плечами. Бред! Бред! Поверить в это, значит признать, что мне пора идти сдаваться в "кащенко".

"Бежать отсюда надо", – подумал я, и в этот миг вошла Лия.

– Спят, – шепнула она и прижалась ко мне. Я дернулся.

– Ты что?!

– Перенервничал, – я покосился на ее руки и мне померещился на ладонях неосязаемый, мне одному заметный след мертвечины.

Лия опустила в кресло, бессильно откинула голову.

– Господи! Господи! – зашептала она. – За что мне такие муки. Ну что, мне его теперь всю жизнь за руку водить. Ведь он теперь уйдет куда-нибудь, а я с ума буду сходить...

– Тебе надо выпить, – сказал я, быстро вставая. – А то начнется истерика. Травмировать детей после такого ни к чему.

Я достал из бара бутылку коньяку и налил полфужера Лие и целый себе.

И с этого дня началась у нас какая-то призрачная жизнь. За день накопится, и совсем уже было решусь уйду завтра, соберу манатки и тихо смоюсь. А за ночь в Лииных объятьях вся решимость растает. Не могу! Не могу-у!

И остаться не могу. Ночью сквозь закрытые двери, в самый безумный момент страсти, чувствую его змеиный взгляд. И что ужасно: под взглядом мертвеца наслаждение мое возрастало! Я вонзался в Лиино тело, насиловал яростно, душил ее в объятьях и все время при этом думал: она мать этого мертвеца, оборотня. А-а! А-а-а! А-А-А!!!...

А чего он выжидает, стал думать я? Я один знаю о нем, значит, выжидание его касается меня. Раз ждет и следит, значит, у меня есть какая-то сила, которую ему пока не одолеть. ПОКА. Потому что уж больно спокоен. Словно знает, стервец, что и когда я сделаю, как подпаду под его власть.

Надо бежать! Бежать. Надо бежать! НЕ МОГУ!..

Прошли дни, неделя. И впечатался навечно в память его образ тех последних дней – мертвенно бледного с тусклыми глазами, всегда в серой майке, в которой его принесли, словно она приросла к телу. А что под ней?

Как только я задал себе этот вопрос, так стал замечать: его фигура меняется. День ото дня, но замечаю это лишь я один. Плоть стекала с плеч, со спины к пояснице, собираясь в жирную рыхлую складку. Дрожала при

ходьбе, как студень. Это при его-то худобе! Казалось... нет! так и было на самом деле – он разлагается заживо. Позвоночник его проступал сквозь майку, как обглоданный хребет падали. Но никто не замечал этого, кроме меня.

По ночам я обнюхивал Лию, прежде чем взять ее. Но она пахла обычно – духами, телом.

Как же мне узнать? Как же мне узнать точно?! Если я буду знать точно, я разорву эти сети.

И тогда мне пришла в голову мысль: если Вадим мертвец, значит он не должен дышать! Нужно только подкрасться к нему ночью и послушать.

Паркет тихо поскрипывал под босыми ногами, сердце колотилось в горле, пот струйками тек по бокам от страха, но не было сил более жить в неизвестности. Не убьет же он меня в конце концов. При брате, при матери. Кругом люди, тысячи людей, тысячи квартир. Крикни – сбегутся сразу.

Вадим лежал на левом боку лицом к стене. Луна освещала его тощее плечо, руку, лежавшую поверх одеяла.

Я остановился в двух шагах от постели, прислушался. Не слышно! Очень уж громко сопит Павлик. Еще шаг, ноги отказываются идти.

Склоняюсь над ним. Затаиваю дыхание...

И вдруг его руки капканом сжимаются на моем затылке. Рот оскаливается страшно – зубы, ослепительно белые в лунном свете, неестественно большие, растут на глазах, вытягиваясь кривыми клыками.

Я дико закричал. Вырвался. Одним безумным прыжком проскочил комнату и через мгновение уже сидел на постели. Лия, часто моргая спросонок, спросила испуганно:

– Что случилось?

– Кошмар, – говорю, – приснился. – А сам слышу тихий злорадный смешок в спину. И соображаю: это он смеялся мне в спину, когда я вырвался из его рук. ГАДЕНЬШ! И тотчас мерзкий смрад бьет мне в лицо. Спазма перехватывает горло. Запах лезет в ноздри, забивает легкие, и я бегу в туалет. Меня рвет.

Умывшись и прополоскав рот, возвращаюсь и без сил падаю на постель.

Павлик заглядывает к нам. В первый миг я напрягаюсь, думая, гаденыш пришел насладиться эффектом. Но нет, у того, что стоит в дверях волосы темные. Лия встает, машет на сына рукой:

– Иди, иди. Ничего интересного. Спать надо. А то завтра вас в школу не добудишься.

Захлопывает дверь и ластится ко мне. Я лежу безучастный, с похолодевшими руками и ногами, только тело дрожит не переставая.

Впервые я не ответил на ее ласки, впервые не захотел. И наконец решился: завтра же уйду.

Но с утра уйти не удалось. Утром ребята не пошли в школу. Павлик закашлял, зачихал, у него поднялась температура. Померял и Вадим, и у него оказалась повышенная.

Помню: отдает матери градусник, а сам краем рта скалится на меня.

– 37,5, – говорит Лия.

Это у трупа-то недельной давности! Но этим меня уже было не пронять. В уме я уже разработал план. Лию отправлю в аптеку, а сам за это время вещички соберу и дам деру. Мальчишки в одной комнате, я в другой – несложно. Крикну от двери:

– Я ненадолго! На работу вызывают! И все.

Но не тут-то было. Лия не пошла в аптеку, а вызвала врача. Сидит, ждет. Врач не идет. Я говорю ей: ступай, я один здесь прекрасно управлюсь. Она ни в какую: как же я уйду, а вдруг врач. Он скажет все мне, отвечаю. А она: на вас мужчин полагаться, и машет рукой. Я тоже махнул. Жду. А врач все не идет и не идет.

Мальчишки притащили спальный мешок в нашу комнату и разлеглись на полу – дурачились. Лия сидела читала, покрикивала на сыновей изредка, чтобы не слишком бесились, а то мол еще температуру нагонят.

И тут гаденыш отмочил шутку. Подошел и встал передо мной, гнусно ухмыляясь.

– Иди, иди! – замахал я на него, а он еще ближе. Я инстинктивно выставил вперед руки, а он повернулся спиной и прижался ею к моим ладоням. Как раз той жирной складкой над поясницей. И я ощутил, что тело его под майкой мягкое, как плохо застывший студень. В глазах у меня помутилось.

Пришел в себя: они опять возятся на мешке. Сижу совершенно очумелый. Тогда все и случилось. Вадим подмял Павлика и, впившись ему в горло зубами, рванул по-волчьи вбок. Кровь хлестнула фонтаном из перерезанного горла. Лицо трупа почернело: только глаза белели на нем и зубы розово блестели от крови. Ногти вытянулись желтыми когтями, и гаденыш с воем стал раздирать ими грудь брату. Больше ничего не помню. Дальше все с чужих слов.

Оказывается через секунды в дверь позвонил врач. Он услышал нечеловеческий вой, дикие истошные вскрики, и побежал за милицией.

Дверь взломали и нашли в квартире два трупа. Один еще не успел остыть, другой был давний, порядка двух недель. Возле дивана был найден я сам в бессознательном состоянии, весь перепачканный кровью. Главное – кровь была у меня и на губах. А в кресле сидела и выла, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник, сумасшедшая женщина.

Времени у меня много, и я часто задумываюсь над двумя неразрешимыми загадками: откуда у меня на губах кровь Павлика – это раз: как Вадим стал упырем, ведь для этого надо, чтобы ему прокусил горло и выпил кровь другой упырь. Так просто это ведь не передается, не грипп – это два.

Может быть, я когда-нибудь выйду отсюда, а может и нет. А вдруг я теперь тоже упырь и только затаился и жду, когда меня выпуютят? Зачем кусать идиотов? Они и так хороши: шепчутся, знаки какие-то чертят в воздухе, оглядываются. Привязанные уже к незримому миру, видят его в полуслепую, он мучит их уже теперь. А я – кто я? Затаившаяся тварь?.. Говорят, я совсем седой. Не знаю – правда ли.

Н. Ю. Чудакова, С. Н. Чудаков

АТЛАНТИДА, АТЛАНТЫ, ПРААТЛАНТЫ...

*Как я могу сказать, что я думаю,
пока размышляю о том, что говорю.*

Э. Форстер

*Как много дел считалось невозможным,
пока они не были осуществлены.*

Гай Плиний Секунд Старший

Как часто, дорогой читатель, мы встречаем в книгах, статьях, заметках фразу, похожую на эту: ученые не могут объяснить это явление. И чего не могут они, порой успешно "решают" фантасты. И вот что интересно: там, где полет фантазии одного человека когда-то нарисовал нечто невысказанное, сегодня – реальность, знакомая и понятная почти каждому. Пример? Да сколько хотите! Хотя бы гиперболоид инженера Гарина – лазер. И какую воплощенную фантазию подарит нам завтра, предугадать бы там кого-нибудь, кто идет дальше" – эти слова американского мыслителя XIX века Генри Дейвида Торо как нельзя лучше говорят о вечном стремлении человека к новому знанию. Англичанин Сэмюэл Батлер утверждает: "Жизнь – это искусство делать верные выводы из неверных посылок". С этим трудно не согласиться, как, впрочем, и с убеждением Альберта Эйнштейна, что "вечная загадка мира – его познаваемость". И – продолжим фантазировать дальше...

Последствия мировой термоядерной, химической, биологической, геофизической, биогенной (как ни называй следующую войну) катастрофы современному человеку не легко представить или предсказать. Как мы знаем, применение даже и одной атомной бомбы повлекло за собой колос-

сальные человеческие жертвы и разрушения. Пятитонная атомная бомба "Малыш" мощностью около 20 килотонн, сброшенная над Хиросимой, взорвалась на высоте около 550 метров. Однако пострадал фактически весь город: в радиусе до 8 километров полностью или частично были разрушены 60 тысяч домов. Возник огненный шторм, длившийся 6 часов. Поднялся сильный ветер, дувший со скоростью 50-60 километров в час в направлении горящего города, в зону разрушений и пожаров. Железо и другие металлы вблизи эпицентра испарились, поверхностный слой грунта оплавился на значительную глубину. Под воздействием ударной волны и теплого излучения из 506-тысячного населения Хиросимы сразу погибло 78 тысяч человек и было ранено 64 тысячи человек. В последующем, с учетом воздействия проникающей и остаточной радиации, количество пострадавших возросло до 163 тысяч, а погибших – до 240 тысяч человек. И это последствия одного сравнительно небольшого взрыва.

А если... Предположим, что первая ракета-носитель с термоядерной боеголовкой мощностью 20 мегатонн выведена на орбиту Земли и через несколько минут должна поразить цель. Возможны два варианта (с вероятностью 99%) развития событий: или ракета поражает цель, или ее сбивают в полете.

В первом случае наличие таких поражающих факторов как ударная волна, световое излучение, проникающая радиация и последующее радиоактивное заражение местности приведет к гибели всего живого на обширной территории. Эпицентр взрыва будет одновременно и эпицентром сильнейшего землетрясения... Произойдет массовое убийство людей. Представьте, сколько их погибнет под руинами зданий крупного города, сгорит в испепеляющем огненном шквале в городе и окрестных лесах, погибнет в результате наводнений. Токсичные жидкости и газы разрушенных предприятий химической и оборонной промышленности заражают местность, воздух... Разрушена ближайшая к городу атомная электростанция...

Второй вариант также губителен. Поврежденный носитель с источником "ядерной смерти" станет своего рода миной замедленного действия, способной взорваться в любой момент. Одновременно существует некоторая вероятность того, что в сбитой ракете при падении произойдет инициирование заряда боевой части. В этом случае возможный высотный взрыв нанесет повреждения озоновому слою – защитнику живого мира планеты от жесткого губительного ультрафиолетового излучения. Кроме того, повышенную опасность будут представлять радиоактивные заражен-

ные части разрушенной ракеты, как стремительно несущиеся к земле, так и лежащие на поверхности планеты...

В течение последующих нескольких десятков минут массовый обмен ядерными взрывами приведет к тотальному разрушению природы. Применение ядерного, химического, биологического, геофизического оружия резко изменит газовый атмосферный состав. Неминуема экологическая катастрофа, гибель цивилизации. Если примерно одновременно взорвутся сотни сверхмощных боеприпасов, то это приведет к непредсказуемым геологическим, климатическим и прочим катаклизмам, в том числе сдвигам земной коры, и никто не может гарантировать, что Земля не развалится на множество кусков-астероидов...

Какой выбор может сделать человечество, если гонка вооружений перенесена в космос (еще в середине 80-х гг. проходила информация о том, что при разовом запуске космического корабля "Челленджер" на околоземную орбиту могут быть выведены три платформы, каждая из которых несет по 25 ракет с ядерными боеголовками), если один залп современной атомной подводной лодки несет миру 960 Хиросим? Уже сейчас на Земле накоплено ядерных боеприпасов общей мощностью свыше 50 000 мегатонн. Для сравнения напомним, что за всю вторую мировую войну было израсходовано взрывчатых веществ общей мощностью немногим более 5 мегатонн. Применение даже 1/10 современного арсенала термоядерного (ядерного) оружия приведет к "ядерной ночи" и далее – к катастрофической для всего живого "ядерной зиме".

Итак, последствия третьей мировой войны невообразимы и трудно-предсказуемы, и пережившие войну будут завидовать мертвым. И Действительно, кто знает, не уподобится ли Земля Марсу?

В любой войне были победители. Значит, должны быть победители и в третьей мировой войне (если только, разумеется, планета не будет разнесена в "пух и прах")? Наиболее вероятно, что на Земле останутся – по крайней мере – хотя бы несколько сотен миллионов человек цивилизованного общества...

Что же будет дальше?

"Отсидевшись" в подземельях и в космосе, победители станут хозяевами Земли, природные условия которой будут значительно изменены. На первых порах они будут продолжать развитие своей цивилизации главным образом в недрах планеты, так как в подземельях будет поддерживаться нужный им микроклимат. Поскольку на планете никто не будет им препятствовать из также оставшихся (выживших и адаптировавшихся в

новых условиях) представителей рода человеческого (которых победители могут добить полностью, исходя, допустим, из тех соображений, чтобы на планете осталась одна нация), то на Земле будут параллельно сосуществовать и развиваться цивилизации двух уровней:

1. Цивилизация победителей.

2. Цивилизации остальных представителей человечества, адаптировавшихся (выживших, приспособившихся) в послевоенных эколого-технических условиях.

Если в различных уголках планеты уцелеют еще даже миллионы людей – представителей коалиции государств, проигравших войну, – они вряд ли смогут поднять научно-промышленные потенциалы своих государств (да и победители вряд ли позволят это им сделать). Но они или их потомки могут выступить в роли "учителей" адаптировавшихся в новых условиях, скажем, аборигенов острова Пасхи или племени людей каменного века в Гималаях или джунглях Амазонки; могут оставить о себе Нью-"Черные камни Ики", нью-легенды-мифы-религии нью-догонов-индусов-майя и т. д. и т. п. Победители же, став хозяевами планеты, в считанные столетия поднимут свою цивилизацию на фантастический уровень, и космос станет им родным домом. Не уместно ли на данном этапе рассуждений вспомнить Атлантиду и ее противников?

9 ноября 1929 г. Малил Эдхем, директор турецкого национального музея в Стамбуле, обнаружил два фрагмента считавшейся навсегда исчезнувшей карты мира. Ее автор – Пири Рейс, известный турецкий адмирал и ученый-географ, живший в конце XV – начале XVI вв. В своей знаменитой книге "Бахрийе" Пири Рейс рассказывает, при каких обстоятельствах он создал в 1513 г. свою карту (до нас дошла лишь ее небольшая часть, начертанная на коже газели): при составлении карты адмирал пользовался какими-то документами, восходящими к эпохе Александра Македонского. Это еще не самое удивительное. Самое удивительное то, что на пергаменте изображены целиком Южно-Американский континент (с совершенно не изученными в то время реками: Амазонкой, Ориноко, Параной, Уругвай) и часть побережья Антарктиды, той самой Антарктиды, которая была открыта в 1821 г. русскими мореплавателями Беллинсгаузеном и Лазаревым. Тем не менее факт остается фактом: материки изображены. И не просто изображены, но с поразительными подробностями: горными хребтами, линией морского берега, реками, озерами и т. д. Чтобы понять исключительность этого географического феномена, достаточно нескольких сравнений с другими географическими картами

той эпохи. Так, например, карта 1514 г. Жана Североа, точная для Европы и Африки, определенно ошибочна для Америки. Столь же неверны карты Лопе Хаменна (1519 г.) и Себастьяна Мюнстера (1550 г.).

Но вот в 1531 г. появляется еще одна уникальная карта мира – французского математика и географа Оронция Финея (Оронса Фина, Оронсиуса Финиуса), на которой полностью изображен материк Антарктида, с горными хребтами и реками, свободный ото льда. Более того, конфигурация материка соответствует современным картам Антарктиды, полученным в результате работ научных экспедиций СССР, США, Англии, Франции, Аргентины, Новой Зеландии, Швеции, Норвегии, Японии и других стран. Нашему современнику понятно, чтобы составить такую точную карту, как карта Оронция Финея, потребовались бы многочисленные группы исследователей и инженеров, способных оперировать сложными математическими и астрономическими расчетами, снабженных точной аппаратурой – электронными счетчиками, радаром, сейсмическими зондами и т. д. Стоит ли говорить о том, что без вертолетов, самолетов, вездеходов и ледоколов исследования ледового континента попросту немыслимы.

В начале 60-х гг. нашего века трое ученых – Даниэль Линеан, Арлингтон Маллери и Джон Х. Уолтер – независимо друг от друга нашли способ перенести обе уникальные карты на современный глобус. Результаты оказались поразительными: на миниатюрной модели Земли появились Северная и Южная Америки и Антарктида со всеми горными цепями, ныне скрытыми под километровыми толщами льда...

Основы современных знаний должны быть потрясены, – писали газеты и журналы 60-х гг., – неужели в глубокой древности существовала, неведомая, ослепительная по своему уровню цивилизация, о которой наша современная история ничего не знает? Кто были люди, открывшие шестой континент, жившие на нем? Кто картографировал его берега?

В последние десятилетия многочисленными исследованиями было установлено, что в минувшие геологические эпохи климат Антарктиды сильно отличался от нынешнего: были периоды, когда теплый и влажный материк покрывался густой растительностью – об этом свидетельствуют обнаруженные угленосные слои, окаменелые деревья, останки позвоночных Животных. Следовательно, когда-то на территории Антарктиды были леса, был животный мир и т. д. Небезынтересны результаты радиоуглеродного метода определения возраста ископаемых, которые утверждают, что

период современного (точнее сказать – последнего) оледенения Антарктиды начался от 6 тысяч до 12 тысяч лет назад.

Появление Антарктиды на картах Пири Рейса и Оронция Финея не осталось без внимания. Международными экспедициями были проверены очертания Антарктиды и островов, находящихся в высоких южных широтах. Результаты сейсмических разведок оказались поразительными: мысы, горные пики, речные устья и все прочие подробности, скрытые ледяным панцирем, в точности соответствовали тем, которые были нанесены на карту Пири Рейса. Можно даже сказать, что карта Пири Рейса была точнее карт, составленных в XX в. Так, например, Земля Королевы Мод в Антарктиде имеет неопределенные очертания, с горными вершинами, торчащими над ледяным покровом. На карте Пири Рейса эти вершины нанесены в тех же точках, но изображены как острова, находящиеся недалеко от континента и явно отделенные от него. Сейсмическая разведка сквозь лед, произведенная в гористом районе Земли Королевы Мод, выяснила, что основания гор окружены морем. Следовательно, если карта Пири Рейса соответствует сейсмическому профилю, то возникают многие вопросы, касающиеся исходных карт. Выходит, что исходные карты были построены задолго до того, как над Антарктидой распростерся ледяной покров, под которым ныне погребена и Земля Королевы Мод. В противном случае, – говорят сторонники этой гипотезы, – всякий, кто хочет усомниться в этом, должен для начала доказать, что эпохе Возрождения принадлежит и честь открытия ультразвука.

Что же получается? Во времена античного мира (ведь Пири Рейс ссылается на их картографов) или несколькими тысячелетиями раньше климат Земли значительно отличался от климата Земли нашей эпохи.

А может быть, не всей Земли, а только Антарктиды?

Так почему же изменился климат?..

А что если, действительно, и "первооткрыватель" Атлантиды Платон и академик В. А. Обручев, и многие-многие другие исследователи правы в том, что Атлантида погрузилась "в море", температура воды которого уже на протяжении нескольких тысячелетий остается на несколько десятков градусов ниже 0°C? Не является ли Антарктида Атлантидой (как и считают некоторые исследователи)? Тем более, что египетские жрецы поведали Солону: "...остров (Атлантида) ...был больше Ливии и Азии, вместе взятых", а египтяне в эпоху античного мира под Азией подразумевали полуостров Малую Азию, под Ливией – обитаемую часть Северной Африки (без Египта). Припомнив, что площадь Атлантиды, по Платону, со-

ставляла $30\,000 \times 20\,000$ стадий, легко увидеть, что площади Антарктиды и Атлантиды примерно равны.

И если будущими исследователями будет совершенно однозначно доказано, что Антарктида и Атлантида одно и то же, возникают резонные вопросы:

1. Зачем Атлантида надела на себя, если так можно выразиться, "ледовый панцирь"?

2. Ошибся ли Платон в ее местонахождении или его устами дали человечеству заведомо ложную информацию?

3. Если Платон действительно был прав, указывая местонахождение Атлантиды в Атлантическом океане, то как она "перекочевала" на Южный полюс?..

Что современный человек знает о Луне? Луна – спутник Земли, повернутый к нам одной стороной. Известен диаметр Луны. Если посмотреть в телескоп, то легко обнаружить асимметрию Луны. Анализ химического состава грунта и другие исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на бомбардировку поверхности Луны огромными (судя по диаметрам кратеров) астероидами, болидами, метеоритами и другими космическими телами, лунная почва пострадала незначительно: кратеры, как правило, не глубоки. Еще в 60-х гг. нашего столетия американские ученые обратили внимание на то обстоятельство, что гравитационные силы в разных точках поверхности Луны значительно отличаются друг от друга. Историки заметили, что впервые Луну человек стал изображать в наскальных и пещерных рисунках примерно 20 тысяч лет назад. Опираясь на эти и целый ряд других данных, американские и советские исследователи выдвинули гипотезу, что Луна – искусственное космическое тело, полое внутри, возраст которого 20 тысяч лет. Предположение, что Луна обитаема, не так уж фантастично, если учесть, что за три последних столетия астрономами зафиксированы сотни невероятных явлений на Луне. А картина, описанная командиром космического корабля "Аполлон-11" астронавтом Нейлом Армстронгом во время прилунения 20 июля 1969 г. допускает самые невероятные толкования. Напомним, что Пентагон планировал произвести на Луне ядерный взрыв. Но временно "исчезла" кнопка подрыва (многие считают, что соответствующие центры головного мозга астронавтов просто "не узнавали" ее) и атомный взрыв так и не был произведен. Может быть, кто-то из представителей вышестоящего разума, вступая с землянами в контакт уже в который раз (кстати, незаметно для самих же землян), и вызвал эти неполадки...

Произошла ли в цивилизации праатлантов термоядерная конфронтация? Трудно сразу ответить на этот вопрос положительно или отрицательно. Но давайте к этой проблеме подойдем философски.

Какой возраст Луны, если она действительно искусственный спутник Земли, наиболее вероятно – примерно 20 тысяч лет или примерно 8 тысяч лет (сотворение мира по Библии произошло в 5508 г. до н. э.)? Кто ее монтировал? Праатланты? Атланты?

Логично принять возраст Луны равным примерно 20 тысячам лет, в противном случае легенды или иероглифы рассказывали бы нам о том, что Луна заметно росла (если бы монтаж Луны проводился в плоскости, обрамленной ее орбитой) или боги, решив ночь сделать более светлой, подарили небу Луну (если бы монтаж ее проводился на расстоянии от Земли в миллионы километров).

Кого мы будем в большей степени копировать? Атлантов? Праатлантов?

Допустим, что мы угадали, что именно за 23 520 лет до начала нашей космической эры праатланты вступили в свою космическую эру. Если из числа 23 520 вычтем число $2 \times d = 3\,360$, то получим число 20 160, которое хорошо подтверждает гипотезу о возрасте Луны, высказанную на основании изучения наскальных и пещерных рисунков, и объясняет, почему на протяжении 20 тысяч лет со стен пещеры Альтамира смотрят боги с головами представителей фауны.

Кто монтировал Луну?

Очевидно, праатланты.

Почему они?

Возможно потому, что, избежав термоядерного конфликта, многомиллиардное человечество той эпохи приняло решение строить для себя искусственные дома в космосе, первым из которых, очевидно, и явилась Луна. Кстати сказать, если мы (как цивилизация) во многом копируем атлантов и праатлантов, то можно допустить, что и у праатлантов в эпоху, подобную нашей, имелись (может, имеются и сейчас) меры длины, примерно равные нашим. Если допустить, что Луна – памятник разуму, вступившему в космическую эру и обошедшему глобальную катастрофу, то мы вправе и усмотреть в диаметре Луны, выраженном в километрах, дату завершения ее монтажа в годах, где началом отсчета является вступление цивилизации праатлантов в космическую эру.

Люди любой эпохи старались строить свои дома красивыми, чтобы, как говорят, радовать глаз. От Земли Луна находится на расстоянии в 400

раз ближе, чем Солнце, а ее диаметр в 400 раз меньше солнечного. Именно поэтому во время полных солнечных затмений мы видим, что Луна целиком закрывает Солнце и в этот момент появляется сияющая корона из протуберанцев, "радуя глаз". Будь наша спутница поближе или подальше от Земли, то мы никогда бы не увидели солнечного затмения таким, какое оно сейчас. Это был бы либо огненный бублик, либо обычная темень.

Магнитометры, установленные на Луне экипажами "Аполлона-12" и "Аполлона-14", обнаружили магнитные поля, порожденные, если так можно выразиться, "ископаемым" магнетизмом. Источник его не известен и указывает на то, что эта намагниченность была приобретена в сильных внешних полях при близком прохождении возле какой-нибудь планеты... Радиоизотопное исследование образцов лунного грунта дало следующий результат: лунные породы старше Земли, да и Солнечной системы в два-три раза. А это значит – предпочтение надо отдать той гипотезе, что монтировалась Луна за пределами Солнечной системы...

Теперь самое время напомнить, что у Марса есть два спутника, у Сатурна их – четверть сотни, есть спутники и у множества других планет...

А почему атланты не создали для Земли вторую Луну?

Возможно потому, что после термоядерной конфронтации, цивилизация атлантов развивалась более скромными темпами, нежели цивилизация праатлантов. Если праатланты уже через 3-4 тысячелетия после вступления в свою космическую эру построили Луну, то многомиллионный народ атлантов, не стесняемый ни на Земле, ни в Космосе, мог тысячелетия жить на Атлантиде и других континентах, не вмешиваясь уж так явно в развитие цивилизаций фаэтов и землян, то есть нашей цивилизации. Впоследствии же, чтобы не угнетать морально нашу цивилизацию (Что бы вы почувствовали на месте древних египтян или индусов, увидевших, как на них несется стальное чудовище, называемое нашим современником поездом на воздушной подушке?), – атланты могли принять решение "загримировать" свою цивилизацию, отбуксировав Атлантиду на Южный полюс. Сейчас, конечно, наш современник назовет эту буксировку технически неосуществимой. Но ведь всего полстолетия назад технически невозможно было доставить людей на Луну или создать боеприпас, способный разрушить целый город. Теперь, когда мы знаем, что по Луне гулял Нейл Армстронг и другие астронавты, а на Земле накоплено десятки тысяч термоядерных боеприпасов, которыми можно уничтожить не только многомиллионные города, но и цивилизацию в целом, технически возмож-

ным стало очень многое, например, можно "помочь" человеку родиться повторно.

Это можно осуществить примерно так. Мы знаем, что клеточное ядро является "генетическим банком" живого организма, что после смерти человека клетки многих органов человека продолжают "жить" еще некоторое время. Так, клетки головного мозга могут "жить" без доступа кислорода несколько минут, а клетки почки – десятки минут, клетки ряда тканей – несколько часов. Если, например, от умершего (или погибшего) мужчины осталась хотя бы одна живая клетка, то пересадив ее ядро в яйцеклетку предварительно лишённую ядра, и затем вновь введенную в матку, через девять месяцев будем ожидать рождение мальчика, являющегося генетической копией усопшего мужчины. Но теперь стало возможным при температуре близкой к -196°C практически прекратить все жизненные процессы в живой клетке. А это значит, что можно законсервировать "генетические банки" живущих на Земле людей и в будущем воспроизводить биогенных полидвойников. А покамест напомним, что уже научились извлекать молекулы ДНК из клеток мумий. Пересадив такую молекулу ДНК в принадлежавшую современной женщине яйцеклетку, предварительно лишённую ядра и вновь введенную в ее матку, через положенный срок станем свидетелями рождения ребенка – полной копии "хозяина" молекулы ДНК...

Если гонка вооружений не будет прекращена, то через десятилетия может появиться супероружие (ну, скажем, антигелиевая бомба, боеприпас коллапсирующего действия...), способное аннигилировать и даже коллапсировать материю целых планет в объекты типа "черного" или "белого" карлика и т. д. Ну, а что будет технически осуществимо через тысячелетия, мы даже не можем вообразить. Но зато мы можем представить, что было бы, если кому-нибудь из наших далеких предков сообщили, что наступит время, когда люди будут смотреть телепередачи о высадке человека на Луну или зарядом величиной с апельсин можно будет испепелить целое войско. Вот здесь бы наша фантазия сработала!.. Недаром же только за последние десятилетия на подобные сюжеты написаны тысячи научно-фантастических рассказов и сняты десятки кинолент, в которых наш далекий предок Луну считает бронзовым блюющим, подвешенным богами к небу, и в его голову никогда не приходили идеи о том, что нужно лететь на Луну. И если бы кто-нибудь ему поведал что многотысячное войско противника может быть в мгновение ока испепелено урановым зарядом величиной с увесистый булыжник, он бы

воспринял это как небылицу, потому что ему, его соплеменникам и предкам, испокон веков воевавшим мечами, копьями, луками, никогда не удавалось уничтожить войско противника булыжником. Припомнив библейскую легенду о сотворении мира, можно предположить, что перемещение Атлантиды могло произойти примерно в те же сроки, когда Бог создавал мир, или же во времена Ноева потопа, когда атланты заодно и изменили климат Земли. Атланты "загримировали" и ту часть Атлантического океана, где продолжали существовать и развиваться "очаги" из цивилизации. Возможно, поэтому во времена Древнего Египта и античного мира Атлантический океан был, как писал Платон, "несудоходным и неисследуемым". Возможно, поэтому Саргассово море и сейчас затянуто водорослями. Возможно, поэтому и Бермудский треугольник "кишит" фантастическими событиями.

О Бермудском треугольнике каждый из нас много слышал. Хотелось бы напомнить только один случай. Пассажирский самолет авиакомпании "Нейшнл эрлайнз" со 127 пассажирами на борту за 20 минут до посадки в американском аэропорту "Майами" пропал из "видимости" радиолокаторов. 10 минут экипаж не отвечал на радиозпросы. На земле заволновались: уж не очередная ли катастрофа в треугольнике? К счастью, через 10 минут локаторы обнаружили летящий самолет. Экипаж доложил, что полет идет нормально. Но самое удивительное произошло после посадки самолета. В аэропорту выяснилось, что у всех (участников полета часы отстали на 10 минут. Это выглядело фантастически-странно уже и потому, что при радиосверке времени, проведенной получасом раньше, никаких расхождений между штурманскими и наземными часами не обнаружилось...

Уж не в параллельном ли "слое" пространства находился самолет целых 10 минут!

С точки зрения современной науки может быть и так. А параллельные "слои" времени?

Учитывая, что картина звездного неба периодически повторяется с циклом немногим более $2T$ лет, можно предположить, что наша цивилизация в большей степени будет копировать цивилизацию праатлантов...

Посмотрим внимательнее на визитные карточки нескольких цивилизаций.

"Наша цивилизация, – по словам Артура Кларка, – не что иное, как сумма всех мечтаний, нашедших с веками свое реальное воплощение". И если поставить в один ряд китайские и японские, ацтекские и египетские

иероглифы и Большого Сфинкса в Гизе; каменных идолов острова Пасхи и эндемичность флоры и фауны семи Канарских островов; шеститысячелетнее Драконово дерево высотой 21 метр и 14 метров в обхвате, под которым – согласно древнегреческому преданию – жил дракон; и гуанчей, бальзамирующих усопших, как египтяне и инки, то станет понятной неутомимость, с которой наше человечество ищет Атлантиду.

Необходимо к этой картине добавить космические и подводные корабли и аппараты, а также летающие и плавающие объекты, с которыми мы никак не можем вступить в контакт.

Что же мы можем увидеть на визитных карточках цивилизаций атлантов и (пра)^к-атлантов? Может быть, это будут Большой Сфинкс в Гизе и Большие Атланты-Сфинксы в Атлант-Египтах на Землях-Фазтонах-Марсах; летающие и плавающие объекты, с которыми мы никак не можем вступить в контакт, и термоядерные конфронтации; библейское сотворение Адама, то есть практическая реализация атлантами идеи биогенной (биологической) инженерии, и буксировка Атлантиды на Южный полюс (Кстати о буксировке: западная часть Антарктиды лежит на "водяной подушке". Уж не является ли эта "водяная подушка" заполненной водой частью "воздушной подушки", на которой Атлантида буксировалась в высокие южные широты? Может быть, в том числе и этим объясняется и тот факт, что Антарктида – самый высокий материк, Средняя высота которого в 2,8 раза больше средних высот остальных материков); (пра)^к-Атлантиды, то есть Лемурия (или как ее еще называют "Атлантида Индийского океана") и Пацифида, называемая также "Атлантидой Тихого океана". Подняв взгляд к небу, увидим Венеру с пятисотградусной атмосферой, состоящей на 97% из углекислого газа, и Меркурий с уникальной гелиевой атмосферой; Юпитер и Сатурн с метановыми атмосферами и четырьмя десятками спутников, каждый из которых по своему сенсационен (например, спутник Юпитера Ио, на котором действуют пять необычных вулканов: периодически из недр спутника вырывается горячая сера и "зонтиком" осыпается на поверхности, которая по сути вся является своеобразным застывшим океаном серы; или "таинственный" Фоб, который в отличие от других шестнадцати сатурновых лун движется по орбите в противоположном направлении, отличает его и очень малое количество кратеров; или спутник Сатурна Титан, имеющий азотную атмосферу), и так далее...

А что за пределами Солнечной системы, что в параллельных мирах? Все что угодно, а то, что мы называем фантастикой и фантазией, там может быть обыденной жизнью...

Неумолимый закон единства прошлого и будущего действует и в наши дни. И хотя каждый век несет свою эволюционную нагрузку, на долю XX века достались нагрузки особого рода: количественные накопления предыдущих веков стали качеством нашего века.

На периферии нашей цивилизации еще сохраняется каменный век, а граница земного притяжения уже преодолена космическими кораблями. "Ни один предшествующий век, – пишет Л. Шапошникова, – не знал такого близкого соприкосновения прошлого и будущего. Эволюции было угодно поместить свою критическую точку именно в XX век".

В детстве мы все немного геоцентристы, по расширение пределов науки, проникновение ее почти во все сферы человеческой деятельности дало представление о единстве Человека, Планеты, Вселенной и их взаимозависимости. Без этого целостного подхода к изучению явлений не мог состояться новый, более высокий виток в культурно-исторической эволюции человечества.

С "Космоантропологическим отчетом Особого Отдела Комиссии по Контактam" Вы сможете ознакомиться в супергазете "ГОЛОС ВСЕЛЕННОЙ". Индекс 50022.

Помните – газета "Голос Вселенной" принесет счастье и удачу в Ваш дом. Тот, кто находится под покровительством Небесных Сил, может отринуть прочь все горести, беды и неудачи!

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОПЛАНЕТНЫХ ПРИШЕЛЬЦЕВ Секретный отчет особого отдела ККНС

"Голос Вселенной"

Гидроцефал ложнозрячий

Виктор Потапов • ГАДЕНЬШ •

apl 51

